

Российская Академия Наук
Институт философии

Ольга Кусенко

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКОЙ МЫСЛИ В ИТАЛИИ
(XX–XXI вв.)**

Москва
2018

УДК 141.3+167
ББК 87.3
К 94

В авторской редакции

Рецензенты

д-р филос. наук *А.А. Кара-Мурза*
д-р филос. наук *О.В. Марченко*

К 22 **Кусенко, О.И.** Историко-философские исследования русской мысли в Италии (XX–XXI вв.) [Текст] / О.В. Кусенко ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2018. – 210 с., ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 131–194. – Указ. имен: с. 195–204. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0331-4.

В монографии представлена итальянская историко-философская традиция исследования русской мысли XX–XXI вв. Являясь одной из наиболее влиятельных в Европе, итальянская историко-философская школа изучения российской интеллектуальной истории до сих пор остается terra incognita для отечественных ученых. Книга призвана восполнить существующий пробел и рассказать об основных специалистах итальянского философского россиеведения, их трудах, проблематике и достижениях. Предлагаемая автором таксономическая модель позволяет представить масштаб итальянских исследований русской философии, проследить базовые методологические и ценностные установки их представителей. Книга содержит аннотированную библиографию и обширный библиографический список работ итальянских авторов.

ISBN 978-5-9540-0331-4

© Кусенко О.И., 2018

© Институт философии РАН, 2018

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Путь итальянских исследований русской философии в XX в.	15
Зарождение интереса к русской мысли в Италии.	
Влияние русской эмиграции.....	15
Итальянская славистика.....	24
Деятельность Института Восточной Европы.....	28
Католическая Церковь и Итальянская коммунистическая партия: роль в развитии «русских исследований».....	33
Глава 2. Университетское направление исследования русской философии	50
Научно-философская ориентация.....	51
Изучение русской метафизики.....	55
Изучение русской эстетики.....	59
Литературно-философские исследования.....	65
Историко-философская ориентация.....	67
Проблема начала и оригинальности русской философии.....	84
Глава 3. Теологическое направление исследования русской философии	93
Основные тенденции и представители.....	93
«Русские исследования» профессиональных богословов.....	98
Изучение русской философии католическими учеными.....	104
Образ и основные черты русской философии.....	114
Заключение	123
Аннотированная библиография.....	131
Библиографический список трудов итальянских исследователей с 1907 по 2018 г.	155
Список литературы.....	189
Указатель имен.....	195
Summary.....	205
Sommario.....	208

Contents

Introduction	5
Chapter 1. The Evolution of Italian studies in Russian philosophy throughout the XX century	15
The rise of attention to Russian thought in Italy.	
The influence of Russian emigration	15
Italian slavic studies.....	24
Activities of the Institute for Eastern Europe	28
The Catholic Church and The Italian Communist Party: their role in the development of Italian studies in Russian thought	33
Chapter 2. Secular studies in Russian thought	50
Studies in the Philosophy of Science.....	51
Metaphysical line.....	55
Aesthetical line	59
Studies in the Philosophy of literature.....	65
Studies in the History of philosophy	67
The problem of origins and peculiarity of Russian philosophy.....	84
Chapter 3. Theological studies in Russian thought	93
Key tendencies and representatives.....	93
Professional theologians and Russian thought	98
Works of catholic scholars.....	104
The image and characteristic features of Russian.....	114
Conclusion	123
Annotated bibliography	131
Bibliography of Italian studies in Russian philosophy (1907–2018).....	155
Literature.....	189
Index of names.....	195
Summary.....	205
Sommarrio	208

Введение

Русская философия – это философия, представляющая не только «внутренний интерес». Свидетельством востребованности ее идейного наследия являются зарубежные опыты осмысления русской мысли. Историко-философский диалог русской и европейской философии восходит к XVIII столетию, начиная с совместно переживаемой Россией и Европой эпохи Просвещения. Однако работы, специально посвященные истории, отдельным течениям и представителям русской философской культуры, появляются в Европе позднее: в начале XX в.¹. Именно в этот период достигается синхронизация философских процессов Европы и России и начинается интенсивное диалогичное взаимодействие русских и западных интеллектуалов. В это же время в отдельных странах формируются национальные традиции изучения русской мысли: французская, немецкая, сербская, польская. Интерес к русской философии появляется и в Италии, где постепенно оформляется развитая национально школа² исследования русской мысли.

Диалог между Россией и Италией на протяжении многих веков шел очень интенсивно. Рим, Италия для русских имели особое значение. Широко известна устремленность русских художников, писателей, музыкантов в это «вечное царство человеческого творчества»³. Еще до революции здесь бывали и подолгу жили многие наши выдающиеся философы-соотечественники (А.И. Герцен, М.А. Бакунин, В.Ф. Эрн, Вяч. Иванов, Б.В. Яковенко, Е.Н. Трубецкой, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев и др.⁴). Италия стала

¹ Автором первой в своем роде обобщающей двухтомной монографии по истории русской философии, опубликованной на немецком языке, был Томаш Гарриг Масарик, ставший впоследствии первым президентом Чехословацкой республики (*Masaryk T. Russland und Europa. Jena, 1913. Рус. изд.: Масарик Т.Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 1–3. СПб., 2003*).

² Понятие «национальной школы» здесь используется с определенной долей условности, так как не подразумевает наличия некой общей для всей италоязычной историографии теоретической платформы интерпретации русской философии.

³ *Бердяев Н.А. Чувство Италии // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М., 1994. С. 367.*

⁴ О пребывании русских мыслителей в Италии подробнее см.: *Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М., 2014; Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2016; Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Неаполе.*

не только источником их вдохновения и «домом души», она же явилась родиной одной из самых значительных и интенсивных зарубежных традиций исследования русской мысли.

Систематический интерес к русской философии возникает в Италии на фоне революционных событий 1917 г. Именно тогда итальянские специалисты обратились к России – ее истории, культуре, мысли – как к проблеме. Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto), Аурелио Пальмери (Aurelio Palmieri), Институт Восточной Европы (**L'Istituto per L'Europa orientale**) в 20-е и 30-е гг. XX столетия заложили научную базу для квалифицированных историко-философских исследований русской мысли. Более обширные «русские исследования» начались после Второй мировой войны одновременно с ростом влияния Итальянской коммунистической партии. На фоне общего интереса к социально-политической мысли внимание академического сообщества уделялось главным образом русским философам революционных направлений (А.И. Герцену, М.А. Бакунину, П.А. Кропоткину, А.А. Богданову, Л.Д. Троцкому, Н.И. Бухарину, В.И. Ленину и др.), выходили квалифицированные обобщающие научные публикации, посвященные русскому народничеству и марксизму. Надо учитывать, что, в отличие от других стран Запада, Италия в XX в. – это страна с укорененными «левыми» традициями, где не было глубоким влияние советологии. Освещение истории русского революционного движения итальянскими исследователями контрастирует с западной (особенно американской) советологией, зачастую пропагандной русофобией.

Параллельно с массовым изучением марксизма-ленинизма в Италии при поддержке Ватикана изучалось и систематизировалось наследие русских религиозных философов. В Италии жили и работали известные католические ученые и знатоки русской философии со всей Европы: Бернхард Шульце (Bernhard Schultze), Фредерик Коплстон (Frederick Copleston), Густав Веттер (Gustav Wetter). Таким образом, две силы – Коммунистическая партия Италии и Католическая Церковь – на протяжении всего XX в. значительно влияли на вектор философских «русских исследований».

М., 2015; *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011; Персонажи в поисках автора: Жизнь русских в Италии XX в. М., 2011; *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1907. Bari, 1977; *Lo Gatto E.* Russi in Italia: Dal secolo XVII ad oggi. Roma: Riuniti, 1971); *I russi e l'Italia* / Ред. В. Страда. Milano, 1995.

Итальянская философская русистика проделала в XX столетии значительную эволюцию от академического энтузиазма отдельных ученых до формирования научно-историографической традиции со своими особенностями, яркими представителями и серьезным научным потенциалом. Современное состояние данной предметной области обусловлено всеми предшествующими этапами ее развития, в ходе которых постепенно оформлялись специфические черты итальянских исследований русской мысли. Если в отечественной историографии в каждом следующем периоде часто недооценивались или отвергались основные идеи и методологические установки предыдущего, то в итальянской историографической литературе прослеживается тематическая и методологическая преемственность, связь поколений ученых.

Начало современного этапа и исследований русской философии в Италии можно условно отнести к периоду перестройки и распада СССР. Итальянские ученые, с энтузиазмом воспринявшие позитивные изменения, произошедшие в отечественном научном дискурсе, приняли активное участие в заполнении «белых пятен» русской интеллектуальной культуры. Общее умонастроение итальянской русистики 1990-х гг. выражают слова Витторио Страда (Vittorio Strada): «Вопрос характера русской философии (или философии в России) сегодня имеет большое значение, т. к. эта философия, подвергнутая цензуре в советский период и принужденная к изгнанию, празднует победу на руинах исторического и диалектического материализма... Таким образом, для русских и западных исследователей встает проблема нового критического осмысления этого обширного и оригинального наследия»⁵.

На начало XXI в. русская философская классика достаточно полно переведена на итальянский язык, в ряде светских и католических высших учебных заведений читаются курсы по русской философии, ежегодно проходят международные конференции, семинары по различным проблемам русской мысли, ее основным идейным течениям и представителям. Публикуемые в Италии исследования (монографии, статьи, диссертации) охватывают и отображают общий круг проблем и реалий русской философии. Интерес к «левой» мысли и к русскому анархизму в Италии до сих пор значителен. Регулярно переиздаются основополагающие рабо-

⁵ Strada V. *Urla filosofi dal silenzio russo* // Corriere della Sera. 1994. 13 febbraio. P. 20.

ты русских радикальных философов (Герцен, Бакунин, Кропоткин) и публикуются монографии, посвященные специальным проблемам их наследия. Одновременно продолжается процесс исследования русской философско-богословской мысли (преимущественно выразителей религиозно-философского ренессанса: Флоренский, Булгаков, Карсавин, Франк) как представителями светской академической культуры, так и католическими учеными.

С известной степенью приближения можно выделить два основных направления изучения русской философии, развивающихся в Итальянской республике: университетское⁶ и теологическое. Первое направление главным образом ассоциируется с аффилиацией его представителей в государственных университетах. Оно вмещает в себя исследования всего корпуса русской философской мысли, включая рационалистические и религиозно-ориентированные течения. Университетское направление итальянской историографии русской философии на сегодняшний день представлено различными профессиональными ориентациями: метафизическая, научно-философская, эстетическая, историко-философская, литературно-философская. В рамках второго, теологического, направления происходит изучение русской философской мысли преимущественно в научно-богословском ключе, нацеленное на доказательство неразрывности разума и веры на материале русской религиозной философии. Две указанные линии исследования русской мысли существенно отличаются в своих мировоззренческих, сюжетных и методологических предпочтениях. Отлична и их познавательная мотивация. Однако выделяемые направления, не являясь замкнутыми в себе, ведут постоянный диалог друг с другом и совокупно раскрывают многообразие идейных парадигм и философских течений в России.

⁶ «Университетское» направление формально характеризуется как «светское». Однако автор отказался от термина «светский» в наименовании направления ввиду того, что в последние годы в Италии данный термин приобрел ошибочную агностицистскую и атеистическую коннотацию.

Изучение зарубежной философской русистики позволяет глубже уяснить особенности и национальное своеобразие русской мысли, сравнить собственный и зарубежный пути ее исследования, вступить в профессиональный научно-философский диалог с зарубежными исследователями, лучше понять и оценить вклад русской мысли в мировую философию. Несмотря на эти очевидные преимущества, зарубежные исследования русской мысли являются недостаточно разработанной областью историко-философского знания.

Ценный вклад в исследование зарубежной историографии русской философии, ее основных персоналий, тем и методологии вносит профессор М.А. Маслин, автор востребованных научных публикаций⁷ и университетских курсов, прочитанных в России и за рубежом⁸. Михаил Александрович опровергает мнение о том, что русская философия нужна только для «внутреннего потребления», для самих русских, а иностранцам она неинтересна. Для преодоления этого предубеждения, к сожалению, достаточно распространенного среди некомпетентных философов узкозападного кругозора, он исследует реальный «западный кругозор», знакомит читателей с теми идеями из истории русской мысли, которыми интересуются западные интеллектуалы. Выявлению образа русской

⁷ *Маслин М.А.* Европа и Россия: диалог о русской философии // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. 2015. № 3. С. 25–34; *Маслин М.А.* Философское россиеведение за рубежом // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2015. № 1. С. 119–131; *Маслин М.А.* Анджей Валицкий как историк русской философии // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7: Философия. 2014. № 6. С. 108–121; *Маслин М.А.* Интеллектуальные портреты зарубежных историков русской философии: Анджей Валицкий и Фредерик Коплстон // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. М., 2013. С. 657–667; *Маслин М.А.* Зарубежная историография русской философии // Философское образование: вестник Межвуз. центра по рус. философии и культуре. 2012. Т. 1. № 25. С. 3–12; *Маслин М.А.* Размышления о судьбе русской философии на Западе // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7: Философия. 2007. № 1. С. 108–114.

⁸ Курсы, прочитанные в МГУ им. Ломоносова: «Зарубежные концепции истории русской философии», «История русской философии как научная дисциплина. Методология, источниковедение, историография», «Россиеведение: философское измерение», «Русская философия за рубежом».

мысли, формируемого западными исследователями, посвящены также работы В.В. Ванчугова⁹, А.П. Козырева¹⁰ и некоторых других немногочисленных исследователей¹¹.

Что касается непосредственно итальянских исследований русской мысли, то они остаются совершенной *terra incognita* в отечественной историко-философской литературе. Немногие работы на близкие темы принадлежат историкам и культурологам: сборники «Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв.», «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.», «Русские в Италии: культурное наследие эмиграции»¹²; статьи историка и итальяниста М.Г. Талалая¹³, работа В.А. Твардовской о Ф. Вентури¹⁴.

⁹ *Ванчугов В.В.* Что сделано западными россиеведами применительно к русской философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2013. № 1. С. 79–90; *Ванчугов В.В.* Кто и как сегодня формирует на Западе образ русской философии // Всерос. научно-практ. конф. «8-е Саранские философские чтения». Современные проблемы философии и провинциальная культура. Саранск, 2013. С. 53–66; *Ванчугов В.В.* Русская духовность сквозь призму “Russian Idea” Современные трактовки «русской идеи» в американском россиеведении // Духовно-нравственное состояние российской общества и православление. Н. Новгород, 2013. С. 57–65.

¹⁰ Доклады: *Козырев А.П.* Изучение истории русской философии во Франции. Опыт исследовательского диалога // Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. М., 2014; *Козырев А.П.* Христианский гнозис Н.А. Бердяева в католических журналах // Междунар. симпоз. «Личность. Творчество. Россия. Философское наследие Н.А. Бердяева». М., 2014.

¹¹ *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М., 2007; *Моторина Л.Е.* Анджей Валицкий о русской идее и особенностях русской философии // Вестн. Вятск. гос. гуманитар. ун-та. 2013. № 1. С. 18–22; *Шмелева Е.А.* Французская историография русской духовности и философии: Дис... канд. филос. наук. СПб., 1996.

¹² Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб., 2014; «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013; Русские в Италии. Культурное наследие эмиграции. М., 2006.

¹³ *Талалай М.Г.* Отец Павел Флоренский в современной итальянской культуре // На пути к синтетическому единству. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность. М., 2006. С. 125–130; *Талалай М.Г.* Русская Италия: Памяти ушедших (Е.А. Вагин, В.Л. Заславский, Н.М. Каухчишвили) // Берега. 2010. № 13. С. 32–40; *Талалай М.Г., Валентини Н.* Восприятие о. Сергия Булгакова в Италии // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М., 2006. С. 80–95.

¹⁴ *Твардовская В.А.* Франко Вентури и советская историография народничества // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 109–135.

Значительным импульсом для развития исследований являются переводы трудов иностранных историков русской философии на русский язык. В последнее десятилетие переведен и опубликован ряд квалифицированных работ таких крупных экспертов в области русской мысли, как: Джеймс Хедли Биллингтон (James Hadley Billington), Томаш Гарриг Масарик (Tomáš Garrigue Masaryk), Анджей Валицкий (Andrzej Walicki), Исайя Берлин (Isaiah Berlin), Джеймс Патрик Скэнлан (James Patrick Scanlan), Френсис Нэтеркотт (Frances Nethercott), Джонатан Саттон (Jonathan Sutton), Мартин Малиа (Martin Malia)¹⁵. Переведено несколько трудов итальянских авторов, историков философии: В. Страда, Пьеро Кода (Piero Coda), Наталино Валентини (Natalino Valentini)¹⁶, Даниэла Стейла (Daniela Steila)¹⁷. Разумеется, этого материала недостаточно для формирования представления об итальянских исследованиях русской мысли и анализа их специфики.

Настоящая книга, основанная на италоязычных источниках, является результатом нескольких лет исследовательской работы (главным образом с 2013 г. по середину 2016 г.), итоги которой были представлены в виде кандидатской диссертации, защищенной на философском факультете МГУ им. Ломоносова в октябре 2016 г. Значительная часть литературы собрана автором во время научной стажировки в Италии в 2013 г. Основную источниковую базу настоящего исследования составляют научные работы на итальянском языке (монографии, статьи, антологии, рецензии, справочные энциклопедические статьи, учебные пособия и другие материалы, опубли-

¹⁵ *Биллингтон Д.* Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001; *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 1–3. СПб., 2003; *Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013; *Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001; *Скэнлан Дж.* Достоевский как мыслитель. СПб., 2006; *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М., 2008; *Саттон Д.* Религиозная философия Владимира Соловьева. На пути к переосмыслению. Киев, 2008; *Малиа М.* Александр Гершен и рождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010.

¹⁶ Рецензию на монографии П. Кода и Н. Валентини см.: *Кусенко О.И.* Русская философско-богословская мысль в Италии // *Филос. журн.* 2016. Т. 9. № 3. С. 154–161.

¹⁷ *Страда В.* Этика террора. От Федора Достоевского до Томаса Манна. М., 2014; *Кода П.* Сергей Булгаков. М., 2015; Валентини Н. Павел Флоренский. М., 2015; *Стейла Д.* Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М., 2013.

ликованные в Италии с 1980–2010-х гг.). Они принадлежат авторам университетского и теологического направлений и посвящены различным проблемам и персоналиям русской философии.

Автором осуществлена историографическая и источниковая систематизация итальянской философской русистики и предпринят первый в своем роде опыт составления сводной библиографии итальянских исследований русской философии. В списке литературы в конце книги указаны работы итальянских специалистов, опубликованные на русском, английском и итальянском языках (монографии, научные сборники, статьи, электронные ресурсы)¹⁸. Автор сфокусировался преимущественно на исследованиях 1980–2010-х гг., однако библиографический список охватывает более обширный временной срез: 1907–2018 гг.¹⁹. Создание подробного библиографического списка является неотъемлемым элементом поисковой, переводческой и научно-исследовательской деятельности автора. Собранный материал может оказаться полезным для дальнейших углубленных исследований итальянской традиции философской русистики.

Концептуальная основа и таксономический каркас работы сформировались в процессе работы с фондами библиотеки Флорентийского университета, Национальной центральной библиотеки Флоренции, Национальной центральной библиотеки Рима, обмена мнениями с профессорами университетов Турина, Флоренции, Венеции, Неаполя, Папского Латеранского университета и Католического университета Святого Сердца г. Милана. Ценные советы и рекомендации были получены автором во время бесед с Адриано Дель Аста (Adriano Dell’Asta), Марчелло Гарзанити (Marcello Garzaniti)²⁰, Любомиром Жаком (Žák Lubomir), П. Кода, Розалией Адзаро-Пульвиренти

¹⁸ Далеко не все авторы и названия их работ упоминаются в самом тексте работы, т. к. ее ограниченные рамки не предусматривают непосредственного использования всего наработанного материала. Однако концептуальные обобщения и выводы настоящего исследования сделаны на основе рецепции полного объема источникового материала.

¹⁹ Библиографический список не претендует на совершенный охват всей итальянской литературы о русской мысли и ее представителях. Скажем, работы 1910–1960-х гг. представлены в урезанном объеме.

²⁰ М. Гарзанити – итальянский ученый-славист, профессор славянской филологии при Флорентийском Университете. Автор квалифицированных работ об истории средневековой культуры славянских народов.

(Rozalia Azzaro Pulvirenti), Кристиной Штекль (Kristina Stoeckl)²¹. Автор выражает благодарность Д. Стейле, которая скорректировала некоторые авторские интуиции после внимательного ознакомления с материалом первых научных статей по теме работы²².

Наиболее значимым и неоценимым было научное руководство Михаила Александровича Маслина, заслуженного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующего кафедрой истории русской философии. Михаил Александрович передал автору любовь к историко-философским исследованиям и помог не растеряться в большом количестве собранного материала, теоретически укрепляя и по-отечески ободряя. Автор благодарен за помощь в работе Алексею Павловичу Козыреву, Любви Евстафьевне Моториной, Валерию Александровичу Кувакину, Василию Викторовичу Ванчугову и Николаю Всеволодовичу Котрелеву, утвердившему автора в верности выбранного «итальянского пути». И, конечно, неизменная благодарность за терпение и поддержку самым близким, дорогим и любимым: родителям, мужу и брату.

К книге прилагается аннотированная библиография, вводящая в российский историко-философский оборот некоторые концептуальные положения избранных трудов итальянского философского россиеведения. Надо сказать, что последний жанр позаимствован автором из монографий итальянских коллег. Раздел аннотированной библиографии крайне эффективно помогает сориентироваться в многообразном потоке научного материала по определенной тематике. Отметим также, что проаннотированы преимущественно труды авторов, не упоминаемых в основном тексте исследования. Ограниченные рамки настоящей работы не позволили рассмотреть достижения всех основных итальянских исследователей русской мысли. В разделе аннотированной библиографии и в библиографическом разделе встречается не один десяток дополнительных важных имен.

²¹ К. Штекль – специалист по русской религиозной философии, разрабатывает проблематику современной российской философской мысли, в частности изучает творчество В. Бибихина. См.: *Stoeckl K. Vladimir Bibikhin: filosofia e memoria* // *La Nuova Europa*. 2010. № 6. P. 97–104.

²² *Кусенко О.И.* Итальянская историография русской философии: история, современное состояние, перспективы // *Вестн. Вятск. гос. гуманитар. ун-та*. 2014. № 2. С. 24–29; *Кусенко О.И.* Русская философия в Италии. Историографический очерк // *Вестн. РУДН. Сер. Философия*. 2014. № 3. С. 75–87.

Ввиду частого обращения к иностранным именам собственным и названиям, имеющим прямое отношение к итальянским и в целом к зарубежным исследованиям русской философии, автор придерживается следующей системы: при первом упоминании в тексте работы указывается полное имя собственное/название на русском языке и следом в круглых скобках приводится оригинальный вариант написания на латинице. В дальнейшем по тексту имена и названия указываются только на русском языке.

ГЛАВА 1.

ПУТЬ ИТАЛЬЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В XX в.

Зарождение интереса к русской мысли в Италии. Влияние русской эмиграции

В первые десятилетия XX в. итальянские мыслители обращались к определенным сюжетам русской философии, но это обращение было весьма эпизодическим. Так, например, участники известного в Италии объединения флорентийская «Философская библиотека»²³, изначально ориентированные на критику позитивизма, были знакомы с избранными трудами В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского. Ведущие представители этого объединения, философы Джованни Папини (Giovanni Papini) и Джованни Вайлати (Giovanni Vailati), даже начинали учить русский язык под руководством поэта Юргиса Балтрушайтиса²⁴, но дальше общего увлечения русской культурой и литературой их интерес не распространился.

²³ Философская библиотека Флоренции – философское объединение, созданное в 1906 г. группой флорентийских мыслителей и литераторов (среди которых: Дж. Амендола, Дж. Вайлати, Дж. Папини, М. Кальдерони, Дж. Преццолини и др.), объединенных антипозитивистской установкой и желанием найти всеобъемлющую философскую доктрину для обновления итальянского общества. Членами объединения регулярно организовывались семинары и конференции по актуальным проблемам философии и религии, публиковались сборники докладов, получившие широкий резонанс в Италии. Надо отметить, что подобное название – «Философская библиотека» – носило одновременно другое южноитальянское (Палермо) объединение мыслителей и интеллектуалов, председателем которого был Дж. Джентиле.

²⁴ Папини и Балтрушайтис поддерживали эпистолярное общение, часть писем переведена Н.В. Котрелевым. См.: *Котрелев Н.В.* Письма Юргиса Балтрушайтиса к Джованни Папини // *Иностр. лит.* 2015. № 3. С. 265–273.

Устойчивый интерес к России появляется в Италии в связи с революционными событиями в Российской империи и усиливается после русской революции 1917 г. Первоначальное представление об истории русской философии в Италии формировалось на основе перцепции более развитых традиций европейского философского россиеведения: на русских мыслителей смотрели глазами немецких и французских исследователей. В начале 1920-х гг. во многом благодаря активной переводческой и издательской деятельности представителей русской эмиграции зарождается итальянская славистика и интерес в целом к русской культуре, социально-политической и философской мысли.

Русская эмиграция оказала заметное влияние на развитие национальных зарубежных историографических школ: контакты с местной интеллектуальной элитой, издательская и образовательная деятельность несомненно подпитывали интерес к русской культуре, мысли, литературе, давали изначальный импульс исследованиям. Несмотря на то, что русская диаспора в Италии в XX в. на фоне более крупных и, соответственно, более исследованных явлений (во Франции, Германии, на Балканах) выглядит явлением второго порядка²⁵, приезжие русские, осевшие в Италии, внесли неоценимый вклад в диалог двух культур, в развитие итальянской философской русистики.

После поражения Русской революции 1905 г. в нескольких регионах Италии образовались настоящие колонии русских революционеров-эмигрантов, имевшие большое культурное и общественно-политическое значение²⁶. Г.В. Плеханов периодически проживал в Италии с 1906 г. и до падения царского режима. Один из главных идеологов эсеров – мыслитель и революционер В.М. Чернов – провёл в Италии 7 лет (с 1910 по 1917 г.). М. Горький, настоящий символ русской эмиграции, в 1906–1913 гг. превратил остров Капри в один из важных центров русской революционной элиты в Европе.

²⁵ В Италии не сложилось ни влиятельных эмигрантских общественных организаций, ни книжных издательств, ни периодики. Организации, которые все-таки возникли (Русское собрание в Риме, русские колонии в Ломбардии, Тоскане и других регионах), играли скорее роль землячеств, особо не выделяясь в культурной жизни русского зарубежья.

²⁶ Италия была надежным убежищем для политэмигрантов. Общественное мнение Италии считало русских революционеров схожими с деятелями итальянского Рисорджименто, и власти проявляли к ним снисхождение.

После 1917 г. большая часть политических эмигрантов вернулась на родину, оставшиеся социал-демократы в декабре 1917 г. основали в Риме еженедельник «Россия» (*La Russia*)²⁷. В редакционный комитет входил также русский философ Б.В. Яковенко.

Борис Яковенко обосновался в Риме весной 1914 г. и жил там постоянно до своего переезда в Прагу в 1924 г. Философ печатался в Италии, активно занимался научной и политической деятельностью, работал в Русском институте²⁸ в Милане, являлся членом Совета делегатов русских организаций в Риме, работал над многочисленными издательскими проектами (в их числе иллюстрированное издание собственного труда «История Великой русской революции», которое было полностью подготовлено, но так и не попало в печать²⁹). Яковенко был знаком со многими деятелями итальянской культуры: Бенедетто Кроче (*Benedetto Croce*)³⁰, Джованни Джентиле (*Giovanni Gentile*)³¹, Умберто Дзанотти-Бьянко (*Umberto Zanotti Bianco*)³², Д. Папини, Одоардо Кампа (*Odoardo Campa*)³³,

²⁷ С 1918 г. журнал стал издаваться под названием «Новая Россия» (*La Russia nuova*), а в 1920 г. прекратил свое существование. Одноименный журнал «Россия» (*La Russia*) в 1920 г. основал Э. Ло Гатто в Неаполе. Журнал выходил до 1926 г.

²⁸ Русский Институт в Милане первоначально был открыт как орган «Российского Общества нового интеллектуального и экономического сближения России и Италии», которое основали в Петрограде российские ученые и общественные деятели: проф. М.И. Туган-Барановский (Петроградский университет), проф. М.И. Боголепов, проф. П.Б. Струве, проф. В.М. Гессен (Петроградский Политехнический институт) и др. Согласно Уставу целью Института была активная работа по распространению экономических и общекультурных знаний об Италии в России и о России в Италии.

²⁹ Рукопись труда Б.В. Яковенко «История Великой русской революции» впервые опубликована в 2013 г.

³⁰ Б. Кроче – итальянский философ, критик, политик, историк. Представитель неогегельянства. Оказал большое влияние на эстетическую мысль первой половины XX столетия. Б. Яковенко посвятил его творчеству серию статей, также перевел его работу «Эстетика» на русский язык.

³¹ Дж. Джентиле – итальянский философ, министр образования в правительстве Б. Муссолини. Является основателем и главным представителем философии актуализма, а также теоретиком итальянского фашизма.

³² У. Дзанотти-Бьянко – общественно-политический деятель, публицист, знаток русской истории, литературы, общественной мысли.

³³ О. Кампа – литератор, переводчик, книгоиздатель. Переводил на итальянский язык произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, а также русские беллетристические и философские труды по искусству.

Э. Ло Гатто и др. При содействии О. Кампа мыслитель опубликовал на итальянском языке свой труд «Русские философы: сборник статей по истории русской философии»³⁴. Книга Яковенко стала одной из настольных для итальянских исследователей, интересующихся русской философией, ведь в Италии в то время не было работ обобщающего характера, дающих целостное представление об основных идейных течениях русской мысли. Яковенко переводил на итальянский язык русскую литературную классику, сотрудничал с журналом «Восточная Европа» (*L'Europa orientale*), издававшимся при Институте Восточной Европы. В последние годы жизни в Италии он вернулся к активным занятиям философией: в 1920 г. принял участие в философском конгрессе в Риме, стал членом редакционного совета итальянского «Логоса» (*Logos*). Утверждение фашистского режима, дипломатическое признание Италией Советской России и финансовые трудности привели Яковенко к решению покинуть страну.

Другой известный русский философ и поэт-символист Вячеслав Иванов, продолжавший до конца жизни верить в творческое преобразование человека и мира, провел в Италии два последних десятилетия своей жизни. Вяч. Иванов выехал на постоянное жительство из СССР в Италию в 1924 г. Он занимал должность ординарного профессора в Папском Восточном институте (*Pontificio Istituto Orientale*) и семинарии Руссикум³⁵ (*Russicum*), руководил итальянскими студентами, посвятившими себя изучению России, читал авторские курсы по русской литературе (в частности, в 1939–1940 гг. по Ф.М. Достоевскому). К середине тридцатых годов XX столетия русский философ играл видную роль в интеллектуальной жизни Запада. В 1934 г. в монографической серии миланского литературного журнала «Конвеньо» (*Il Convegno*) был издан номер, целиком посвященный наследию Вяч. Иванова. Авторами статей стали известнейшие представители европейской философской и научной мысли. Издание подобного масштаба, посвященное эмигранту из России, было явлением исключительным как для Италии, так и для всей Западной Европы. На немецкий, французский, итальянский, испанский было переведено его сочинение «Переписка из двух углов», в Германии

³⁴ *Jakovenko B.* Filosofi russi: Saggio di storia della filosofia russa. Firenze: La voce, 1925. Работа издана во Флоренции в 1927 г., хотя на обложке указан 1925 г.

³⁵ Папская коллегия Руссикум – католическое учебное заведение в Риме, готовящее священников византийского обряда. Основано в 1929 г.

вышло обширное исследование философа о Достоевском³⁶ (наиболее широко известный на Западе труд Вяч. Иванова). Авторитет философа был настолько высок, что Папа Пий XI приглашал его на беседы по вопросу о воссоединении Католической и Православной Церквей. Вяч. Иванов – личность яркая и неординарная, до сих пор в Италии существует живой интерес к его наследию. На фоне отсутствия значительных исследований в отечественной философской историографии итальянские работы представляют объективный интерес. Перевод на русский язык заслуживает, к примеру, монография «Вячеслав Иванов: эстетика и философия»³⁷, принадлежащая перу Фаусто Малковати (**Fausto Malcovati**) – **крупного специалиста по русской культуре, литературе и театру**. Малковати также является автором предисловий к итальянским изданиям сочинений Достоевского и монографии «Введение в Достоевского»³⁸. В книге подробно раскрывается интеллектуальная биография русского писателя и основные идеи его романов с акцентом на социально-этической проблематике.

Исследователем, значительно способствовавшим ознакомлению итальянцев с русской религиозной философией XIX–XX вв., был русский историк литературы и философии Леонид Яковлевич Ганчиков (*Leonida Gančikov*), преподававший в университетах и в средних школах Рима и Пизы. Ганчиков учился в Петроградском университете, в Италии он оказался в 1925 г. после окончательного разгрома белогвардейского движения. В Милане он окончил Католический университет, защитив диссертацию по теме «Основные принципы философии Владимира Соловьева». Русская мысль и особенно философия Вл. Соловьева становятся главной темой дальнейших исследований Ганчикова. Его статьи для итальянских журналов и энциклопедических изданий посвящены истории философии и, в частности, истории русской мысли³⁹. В Италии Ганчиков общался с Вяч. Ивановым и его кругом.

³⁶ Работа «Достоевский: трагедия-миф-мистика» впервые была опубликована в Германии в 1932 г. В основу труда легли статьи о Достоевском, вошедшие в сборники «Борозды и межи», «Родное и вселенское».

³⁷ *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanov: estetica e filosofia. Firenze: La nuova Italia, 1983.

³⁸ *Malcovati F.* Introduzione a Dostoevskij. Roma: Laterza, 1998.

³⁹ *Gančikov L.* A realioribus ad realia // Il convegno. 1934. № 8–12. P. 352–362 (О Вяч. Иванове); *Gančikov L.* L'estetica di Wladimir Soloviov // *Sophia*. 1935. № 3–4. P. 420–439; *Gančikov L.* Lo spiritualismo Cristiano di N. Berdjajev // *Studium*. 1949. № 9. P. 45–56.

Известный итальянский славист Стефано Гардзонио (Stefano Garzonio) опубликовал часть переписки Ганчикова и Иванова, из которой можно почерпнуть важную информацию о вкладе русских ученых-эмигрантов в развитие итальянской философской русистики. Особый интерес составляют замечания, которые Вяч. Иванов высказывает Л. Ганчикову по поводу одной из его работ⁴⁰: «Благодарю Вас за присылку статьи о гегелианстве в России. Она очень интересна... Но я считаю недостатком, что Вы не даете полной характеристики воззрений Белинского, Бакунина, Герцена и даже Чичерина как теоретика права и государства, ограничиваясь их подготовительным, по Вашему мнению собственно гегелианским, периодом. Между тем любопытны именно последние “левые” выводы из гегелианства у наших отрицателей и нигилистов. И итальянский читатель ничего не узнает из статьи не только о характерном пра-большевизме Белинского и о романтическом революционаризме Герцена, исторически ему, т. е. итальянскому читателю, столь близких, но даже о Бакунине, которого ценят и знают, несмотря на его огромное значение в истории субверсивных идей, и не видят в нем одного из характернейших представителей нашего разрушительного воздействия на европейскую культуру, забывая что еще до Толстого и Ленина мы, русские, уже были отравителями. Так Вы уменьшаете нашу преступную славу. <...> Ведь Бруно Бауэр и Фейербах, Маркс и Ленин – все же гегелианство, хотя гегелианские профессора в Германии и в Италии и готовы это отрицать»⁴¹.

Леонид Ганчиков вел цикл передач о русской философии на итальянском радио. Их содержание легло в основу его обширного обобщающего исследования «Направления русского духа»⁴². Монография Ганчикова послужила основой для конкретного изучения различных направлений и течений русской мысли в Италии. Этим трудом, в сущности, опровергалось мнение иных итальянских скептиков, не признававших, вслед за Б. Кроче и Пьеро Гобетти (Piero Gobetti), самостоятельного начала в русской

⁴⁰ *Gančikov L. L'hegelismo in Russia // Hegel nel centenario della sua morte / Supplemento speciale alla Rivista di filosofia neo-scolastica. Milano. 1931. № 23. P. 198–226.*

⁴¹ *Гардзонио С. Переписка В.И. Иванова и Л.Я. Ганчикова // Русско-итальянский архив Х. Салерно, 2015. С. 129–130.*

⁴² *Gančikov L. Orientamenti dello spirito russo. Torino, 1958.*

философии⁴³. К сожалению, в России Леонид Ганчиков мало известен, его основная работа по истории русской мысли не переведена на русский язык. В силу слишком большого объема тем и фигур, открывшихся перед отечественными историками философии в постсоветский период «возвращения забытых имен», исследование историографических трудов и архивов настоящих патриотов русской мысли, продолживших, подобно Ганчикову, свою научно-философскую деятельность в изгнании, принадлежит будущему и составит плодотворную страницу истории сохранения и развития традиций русской философии в эмиграции.

На протяжении всего XX в. русская интеллигенция, жившая в Италии или периодически посещавшая страну, поддерживала интерес к русской мысли. Нина Михайловна Каухчишвили (Nina Kauchtschischwili) – дочь русских эмигрантов, итальянский литературовед и переводчик – проживала в Италии с 1940-х гг. Она окончила Миланский католический университет по специальности «Русская литература». В 1960-е гг. Каухчишвили руководила созданной ею славяноведческой кафедрой в университете г. Бергамо. Именно в Бергамо при непосредственном ее участии в 1988 г. прошел первый международный симпозиум, посвященный жизни и творчеству Флоренского «П.А. Флоренский и культура его времени»⁴⁴. С этого момента берет свой отсчет итальянское флоренсковедение, состоявшееся как предметная область во многом благодаря Нине Михайловне, ее научной и организаторской работе⁴⁵. В 1990-е гг. Каухчишвили была одним из организаторов и активных участников ежегодных конференций по русской духовности в монастыре Бозе (Monastero di Bose), освещавших творчество русских мыслителей. Тематика ее научных исследований обширна: русская литература, общественная мысль, православное

⁴³ См. с. 25–26 наст. работы.

⁴⁴ *Florenskij P.A. e la cultura della sua epoca // Atti del convegno internazionale / A cura di N. Kauchtschischwili, M. Hagemester. Marburg, 1995.*

⁴⁵ С начала 1990-х гг. Н. Каухчишвили была частым гостем и докладчиком на российских научных мероприятиях, посвященных наследию Флоренского, а в 2007 г. выступала на юбилейной конференции «Философия, богословие и наука как опыт цельного знания», проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова с участием Патриарха Алексия II. Таким образом, Нина Михайловна буквально «наводила мосты» между Россией и Италией в очень непростое для русской культуры время.

богословие, взаимосвязь русской и итальянской культуры. Нина Михайловна – автор многих оригинальных статей о русских мыслителях. Благодаря энтузиазму исследовательницы целый ряд молодых итальянских русистов был вовлечен в работу над рецепцией творчества П.А. Флоренского, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского и других русских мыслителей. Образ Нины Каухчишвили соединяет в себе две исследовательские традиции: университетскую и теологическую. Будучи академическим специалистом, Каухчишвили разрабатывала и философско-богословскую проблематику русской мысли, общаясь с ведущими итальянскими знатоками православной духовности, в том числе с сотрудниками знаменитого исследовательского центра «Христианская Россия», находящемся всего в нескольких километрах от университета г. Бергамо.

Сюжеты русской философии затрагивал в своих лекциях и выступлениях в Италии русский филолог, культуролог Сергей Сергеевич Аверинцев. Член Папской академии общественных наук и почетный доктор *Scientiarum Ecclesiasticarum* Папского Восточного института в Риме, он часто посещал Италию для участия в различных конференциях, выставках, семинарах, был другом итальянских мыслителей и ученых-славистов. Интеллектуальную дружбу двух культур продолжают поддерживать Николай Всеволодович Котрелев – известный историк русской культуры конца XIX – начала XX вв., филолог, переводчик-итальянист. В 1990-е гг. он был приглашенным профессором ряда итальянских университетов. Ольга Александровна Седакова – поэт, филолог, переводчик – является активным участником культурного и межконфессионального диалога двух стран. В 2011 г. ее наградили известной итальянской литературной премией «Данте Алигьери». Седакова принимала участие в ежегодных встречах русских интеллектуалов с Папой Иоанном Павлом II. Участие в этих встречах принимал и Андрей Борисович Шишкин – профессор Салернского университета (преподает историю русской литературы), директор архива и руководитель исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме (у центра имеется собственный сайт, где представлены оцифрованные рукописи из римского архива Иванова, различные исследования и материалы⁴⁶). Шишкин часто посещает Россию, участвует в ежегодных конференци-

⁴⁶ URL: <http://www.v-ivanov.it/> (дата обращения: 25.05.2016).

ях, посвященных наследию русского философа⁴⁷. С 1990-х гг. в Италии проживает Владимир Исидорович Кейдан, он преподает русский язык и литературу в итальянских университетах и занимается архивными исследованиями. Кейдан является составителем сборника писем и дневниковых записей русских религиозных мыслителей «Взыскующие града»⁴⁸ и одним из основных вдохновителей и участников совместного русско-итальянского интернет-проекта «Русские в Италии». На сайте проекта указано, что в его основе «лежит идея восстановления полной картины русского присутствия и связей русской культурной эмиграции с итальянской культурой и обществом в Италии в XX в.»⁴⁹. Названными именами не исчерпываются взаимообогащающие эпизоды русско-итальянских культурных связей (нужно назвать еще Л. Гинзбурга, Ю. Данзас, О. Синьорелли, О. Шор и других известных «русских итальянцев»), в определенной степени стимулировавших итальянских исследователей к познанию «русско-го мира» (включая его научно-философские достижения).

Н. Бердяев писал: «Италия для нас не географическое, не национально-государственное понятие. Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества. <...> Нигде русский не чувствует себя так хорошо, как в Италии»⁵⁰. Тот факт, что русские мыслители любили и ценили Италию, ее культуру, идейное и эстетическое наследие, не мог не вызвать ответного чувства в среде итальянских интеллектуалов⁵¹. В свою очередь, издатель-

⁴⁷ В 2016 г. А.Б. Шишкин принял участие в нескольких заседаниях международной научной конференции «Родное и вселенское: к 150-летию Вячеслава Иванова», организованной в Москве О.В. Марченко.

⁴⁸ Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997.

⁴⁹ URL: <http://www.russinitalia.it/cms.php?id=2> (дата обращения: 15.04.2016).

⁵⁰ Бердяев Н.А. Чувство Италии // Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М., 1994. С. 367.

⁵¹ Интеллектуальным связям двух культур была посвящена книжно-иллюстративная выставка в информационно-библиографическом секторе научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова «Стремление к истине: философские связи России и Италии» (23 мая – 14 июня 2013 г.). В Доме русского зарубежья им. А. Солженицына проходила книжная выставка «Италия – дом нашей души» (1 окт. 2011 г. – 4 февр. 2013 г.), посвященная Году российской культуры и русского языка в Италии и Году итальянской культуры и итальянского языка в России.

ская, переводческая и непосредственно научно-философская деятельность представителей русской культуры в Италии в немалой степени способствовала осознанию русской философии в качестве достойного исследовательского предмета и полноправного компонента общеевропейской истории мысли.

Итальянская славистика

За свою вековую историю историография русской философии в Италии прошла тернистый путь: от скептических оценок русской философии как предмета исследования до признания за ней самостоятельной предметной и проблемной отрасли знания. Восприятие русской культуры началось с освоения литературного богатства, но и здесь чувствовалась недостаточная теоретико-методологическая подготовка, отсутствие фундамента: базового лингвистического и культурологического уровня для восприятия идей русских писателей. В итальянском литературоведении, как и в подходе итальянских ученых к российской истории, преобладало влияние сначала французской историографической школы, затем – немецкой критики. Было распространено зачастую неверное представление о русской литературной мысли как об исключительно «мистической», что даже стало неотъемлемым признаком «русскости». В этом смысле показательны итальянские исследования творчества Ф.М. Достоевского в первой четверти XX в. Его наследие и русская литература в целом рассматривались как своеобразный «ключ» к России и ее мысли. Такое понимание было созвучно авторитетному мнению историка русской мысли, философа и первого президента Чехословацкой Республики Томаша Гаррига Масарика (**Tomáš Garrigue Masaryk**), чьи работы по истории русской мысли были хорошо известны в среде итальянских русистов. В предисловии к третьему тому книги «Россия и Европа» он писал: «Достоевский – крупнейший русский социальный философ, по его произведениям мы лучше всего можем познать Россию... в Достоевском мы имеем целостную и живую Россию»⁵². Идеи творчества русского писателя активно обсуждались на страницах влия-

⁵² Масарик Т.Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. СПб., 2003. С. 5–6.

тельного итальянского журнала «Голос»⁵³ (*La voce*), определявшего в первой половине XX в. направление развития итальянской культуры. Постоянный автор обзоров журнала, художественный и литературный критик Арденьо Соффичи (*Ardengo Soffici*) считал Достоевского выразителем духа русского народа: мощный и в то же время хаотичный в своей деятельности, преданный мистицизму и отдаленный от цивилизации – Достоевский в такой интерпретации признавался великим прежде всего как выразитель стихийности. Этот признак стихийности зачастую переносился и на всю русскую мысль, поэтому последняя считалась чем-то крайне сложным для понимания, диковинным и экзотичным, а главное – феноменом, не имеющим четких форм и границ. Для западных ученых (и итальянцы здесь не исключение) привычным является разграничение предметных областей: литература, философия, теология, история. Их переплетение в русской мысли вызывало и подчас продолжает вызывать недоумение. Самым влиятельным стало мнение другого автора обзоров журнала «Голос», известного итальянского философа и критика, «властителя дум» итальянской интеллигенции Бенедетто Кроче (*Benedetto Croce*). Он разгромно критиковал русскую мысль, оценивая ее крайне пренебрежительно: «Русский народ не создал ничего своего, он просто заимствовал немецкую философию, компилировал труды на основе рецепции английской и французской мысли. П. Лавров основывается в своих сочинениях на Прудоне, Бауэре. Михайловский повторяет все за Гегелем и Контом. Соловьев не умеет философствовать и слепо подражает Эдуарду Гартману... Никакого следа оригинальности: все эти люди не стоят того, чтобы их читать, и должны заново начать свое обучение прописным истинам философской науки, формальной логики и многим другим вещам, которые являются базовыми и очевидными для европейской философской традиции»⁵⁴. Мнение Кроче и

⁵³ Круг вопросов, освещавшихся в журнале «Голос», был очень широк: от философии и литературы до политики. Читателям предлагался ряд концепций: идеализм, прагматизм, иррационализм и др.

⁵⁴ *Croce B. Il pensiero russo secondo due libri recensiti // L'Italia dal 1914 al 1918. Pagine sulla guerra. Bari: Laterza, 1953. P. 278.* Данные мысли Б. Кроче высказал в рецензии на ожидаемую публикацию перевода книги Т.Г. Масарика «Россия и Европа». Книга была переведена на итальянский Ло Гатто в 1918 г., но Кроче заблокировал ее публикацию. В итальянском переводе «Россия и Европа» увидела свет в 1922 г. в издательстве Института Восточной Европы.

стереотипная характеристика русской философии, данная немного позднее известным итальянским мыслителем и историком Пьеро Гобетти (Piero Gobetti) в монографии «Парадокс русского духа»⁵⁵, десятилетиями доминировали в Италии. Не раз еще вслед за Кроче и Гобетти другими итальянскими учеными утверждалась мифология о чуждости русской мысли «духу» итальянской цивилизации, наследницы лучших традиций античной философии и эстетики. В известной степени подобные крайние скептические позиции, возникающие из-за отсутствия объективного и всестороннего исследования феномена, сыграли роль полемического ускорителя в развитии итальянского философского россиеведения, т. к. они, преодолеваясь, двигали историографическую науку вперед.

До 1920-х гг. в Италии не было ученых, которые могли бы читать произведения русских мыслителей в оригинале. Это, несомненно, отражалось на качестве работ, носивших несамостоятельный и компилятивный характер в силу большой зависимости от вторичисточников и оценочных суждений их авторов. Ситуация изменилась с появлением первых специализированных кафедр⁵⁶, профильных организаций, исследовательских центров и журналов, на страницах которых нашло свое поприще первое поколение профессиональных славистов и русистов, уже в совершенстве владеющих русским языком и глубоко знающих русскую культуру и литературу. В первую очередь нужно назвать такие

Позже в своей книге «История Европы в XIX в.» (*Croce B. Storia d'Europa nel secolo decimonono*. Bari: Laterza, 1932) Кроче уделил главу истории и мысли России, отметив Николая I как единственного «положительного персонажа», противостоящего «варварам». На декабристов, колыбель русской либеральной мысли, он смотрел лишь как на бунтарей, не имевших под собой никакой мировоззренческой базы. В целом вся история русской мысли для итальянского философа – «варварство».

⁵⁵ *Gobetti P. Paradosso dello spirito russo*. Torino: Einaudi, 1926. В сущности, П. Гобетти как представитель антифашистской интеллигенции был крайне заинтересован феноменом большевизма. В последнем он видел альтернативу фашизму, настоящее воплощение философии действия, праксиса. Однако углубляясь в историю русской мысли, дабы найти истоки такого мощного и энергичного явления как большевизм, и не находя их, он объявил русскую философию «парадоксальной», непоследовательной, замкнув ее в пределах специфически национальной традиции, слабо связанной с ходом развития европейской истории идей.

⁵⁶ Первая кафедра славистики в Италии основана в 1920 г. в Падуе. Затем появились кафедры в Риме, Милане, Триесте, Венеции, Неаполе, Флоренции.

имена, как Этторе Ло Гатто, Эвел Гаспарини⁵⁷ (Evel Gasparini) и Джованни Мавер⁵⁸ (Giovanni Maver). Эти ученые посвятили представителям русской мысли (писателям, социально-политическим деятелям, философам) ряд пронизательных публикаций, ценных в плане пропедевтического ознакомления итальянской публики с основами русской философской культуры. Конечно, для западных славистов в целом (итальянские здесь не стали исключением) «элементы» русской философской мысли являлись лишь дополнением к их основной специальности: философская проблематика лишь частично затрагивалась в литературоведческих и филологических темах. И все же итальянская славистика многое сделала для адаптации наследия русских писателей, публицистов, мыслителей к западноевропейской культуре, подготовив тем самым широкую почву для изучения русской философии. Славяноведение явилось изначальным катализатором развития итальянской философской русистики, способствуя появлению квалифицированных работ, посвященных различным сюжетам и фигурам русской философии и отличающихся глубоким знанием фактологического материала, исследовательской свободой и независимой методологической установкой.

В статье «Что сделано западными русистами применительно к русской философии»⁵⁹ профессор В.В. Ванчугов, касаясь истории англо-американской славистики, пишет: «Когда мы говорим о том, каков образ русской философии в мире, мы должны обратить внимание, прежде всего, на институты и сообщества западной славистики. Мы должны помнить, что “золотой век” славистики приходился на период существования Советского Союза, на время противостояния двух сверхдержав, СССР и США, когда славистика находилась на особом положении. Сорок с лишним лет западные слависты работали в контексте “Советский Союз –

⁵⁷ Э. Гаспарини – итальянский славист и антрополог. Его перу принадлежит ряд трудов по славянской литературе, мифологии, этимологии, фольклористике и языкознанию. Особое внимание уделял творчеству Ф.М. Достоевского.

⁵⁸ Дж. Мавер – итальянский славист, один из родоначальников славистики в Италии. Занимал должность ординарного профессора славянской филологии в Падуе в 1926 г., затем работал в Риме. В 1952 г. основал журнал «Славистические исследования» (Ricerche slavistiche).

⁵⁹ Ванчугов В.В. Что сделано западными русистами применительно к русской философии // Вестн. РУДН. Сер. Философия. 2013. № 1. С. 79–90.

враг номер один”»⁶⁰. Про итальянскую славистику можно сказать, что ее «золотой век» приходится на период между двух мировых войн. После окончания Первой мировой войны в условиях новой реальности политическая и экономическая элита Италии с интересом смотрела на страны Восточной Европы как на потенциальную территорию собственной экспансии. Ради этого восточно-европейские страны нужно было понимать и изучать, а также, установив необходимые культурные связи с их интеллектуальной элитой, представлять Италию в качестве социально-политического ориентира и духовного предводителя. Россия (к тому времени уже Советский Союз) была новой грозной силой, в движущих механизмах которой необходимо было разобраться. Для этих целей активно финансировались «славянские исследования». Получается, что итальянская славистика также находилась на «особом положении», которое, однако, не было связано с состоянием войны и не подпитывалось русофобными тенденциями. Факт изначальной настроенности на объективное узнавание и налаживание культурных и политических связей, а не на использование знаний для целей «войны» выделяет, как нам кажется, итальянскую славистику из прочих западных школ.

Деятельность Института Восточной Европы

Важным событием в развитии итальянских исследований русской философии является создание в 1921 г. Института Восточной Европы и одноименного журнала «Восточная Европа», публиковавшегося до 1943 г. Для участия в открытии института пригласили Э. Ло Гатто, которого по праву считают родоначальником и «патриархом» итальянской славистики. Он начал свою научную деятельность в области германистики, а русский язык изучил во время Первой мировой войны в австрийском плену. После окончания войны вышли первые переводы Ло Гатто с русского языка. С тех пор, несмотря на многочисленные «отступления» (переводы и статьи в области болгарской, польской, чешской, белорусской и украинской литературы), русская литература занимала централь-

⁶⁰ Ванчугов В.В. Что сделано западными руссиеведами применительно к русской философии. С. 86.

ное место в его научных исследованиях. В первые годы работы в институте излюбленными темами Ло Гатто становятся социально-политические, культурные и философско-религиозные вопросы славянского и русского мира, открывавшие для него новые сюжетные и мировоззренческие горизонты. Основной задачей, решению которой профессор Ло Гатто посвятил долгие годы, было создание трудов, необходимых для изучения русской истории и культуры. Одна за другой вышли его книги: «Страницы русской истории и литературы», «История русской литературы», «История России», «Русская эстетика и поэтика», «История русского театра», «История современной русской литературы»⁶¹. Особое внимание итальянский исследователь уделял Соловьеву и Достоевскому как мыслителю, разбирая философское содержание его сочинений⁶². Кроме того, Ло Гатто использует возможность лучше понять автора как человека через его произведения. Эта черта – внимание к интеллектуальной биографии, к психолого-биографическому аспекту личности рассматриваемых мыслителей – очень характерна для итальянских исследований русской философии в целом.

Ло Гатто неизменно выходит за границы чистой славистики. Некоторые его работы можно отнести к жанру интеллектуальной истории, например его известную семитомную монографию «История русской литературы»⁶³. Несмотря на название книги, явно отсылающее к области литературоведения, она представляет собой историю русских интеллектуалов, которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные идеи. В предисловии

⁶¹ *Lo Gatto E. Pagine di storia e di letteratura russa. Roma, 1928; Lo Gatto E. Storia della Russia. Firenze, 1946–1947 (2 voll.); Lo Gatto E. L'estetica e la poetica in Russia. Firenze, 1947; Lo Gatto E. Storia della letteratura russa contemporanea. Milano, 1958.*

⁶² Вероятно, дружба ученого с Вяч. Ивановым содействовала интересу Ло Гатто к творчеству Достоевского и к философии В. Соловьева. Сохранилась переписка итальянского русиста с Вяч. Ивановым, раскрывающая интересные грани дружбы двух интеллектуалов. Небольшая ее часть переведена и опубликована на русском языке (*Шишкин А.Б., Сульпаско Б. Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 759–779.*)

⁶³ *Lo Gatto E. Storia della letteratura russa. In 7 voll. Roma, 1928–1945. «История русской литературы» переиздавалась 6 раз. Последнее вышло в 1979 г., когда ученому было уже почти девяносто лет. Издание было им лично еще раз исправлено и дополнено.*

к изданию говорится о том, что цель работы – помочь итальянским читателям рассмотреть произведения русской литературы в тесной связи с тем временем, когда они были написаны. В сходном ключе написана известная работа «Лиса и еж» И. Берлина, наследие которого до последнего времени оставалось практически неизвестным в России⁶⁴. Труд Ло Гатто открывается анализом литературных памятников Киевской и Московской Руси (религиозные книги и проповеди, сказания и поучения). Далее Ло Гатто кратко характеризует бытовые и религиозные памятники литературы («Домострой», «Стоглав», «Четьи-Минеи», письма князя Курбского к Ивану Грозному). Обширные главы посвящены А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому и А.П. Чехову. Профессор Ло Гатто касается философских и социально-политических взглядов русских писателей и критиков, не останавливаясь подробно на представителях радикального течения мысли (В.Г. Белинском, Н.Г. Чернышевском, Н.А. Добролюбове), как это было принято в советской критической литературе того времени. Это объясняется той независимой позицией, которую ученый занял в отношении двух половин расколота русской культуры: метрополии и эмиграции. Ло Гатто объективно освещал историю русской мысли без реверансов в сторону большевизма и в то же время без антипатии к советскому, свойственной англоязычным славистам.

За свою долгую жизнь (Ло Гатто прожил более 90 лет) итальянский русист внес фундаментальный вклад в развитие и поддержание интереса к русской культуре в Италии, осуществил переводы работ, принадлежащих перу Масарика «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России»⁶⁵, Э.Л. Радлова «История русской философии»⁶⁶, В.С. Соловьева «Оправдание добра»⁶⁷. Эти и другие переводы, сделанные Ло Гатто в 20–30-е гг. XX в., стали своеобразным трамплином для проникновения в судьбы и основы русской мысли. Ло Гатто был другом многих русских писателей и философов-эмигрантов, а

⁶⁴ Серия работ И. Берлина о русской мысли объединена в одном томе, вышедшем в 2001 г. (*Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001). На итальянский язык эссе мыслителя было переведено значительно раньше, в 1986 г. (*Berlin I.* Il riccio e la volpe e altri saggi. Milano, 1986).

⁶⁵ *Masaryk T.G.* La Russia e l'Europa. Studi sulle correnti spirituali in Russia. Napoli, 1925.

⁶⁶ *Radlov E.L.* Storia della filosofia russa. Roma, 1925.

⁶⁷ *Solov'ev V.S.* Il bene della natura umana. Torino, 1925.

также мыслителей, живших в СССР. Он способствовал изданию их трудов за рубежом⁶⁸. В 1923 г. Ло Гатто в качестве ученого секретаря Института Восточной Европы организовал в Италии серию конференций, на которых о России говорили философы и литераторы в изгнании – М. Осоргин, Б. Вышеславцев, Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, Л. Карсавин, П. Муратов, Б. Зайцев.

Деятельность Института Восточной Европы напрямую связана с именем другого крупного специалиста в области русской культуры – Аурелио Пальмери. Этот выдающийся католический богослов, крупнейший специалист своего времени в области православной догматики⁶⁹ и русской светской культуры заведовал славянским отделом исследований Института. Именно Пальмери начал ознакомление итальянской публики с основами русской духовности и идеями русских религиозных философов на страницах журнала «Восточная Европа». Он перевел на итальянский язык сочинение В. Соловьева «Духовные основы жизни»⁷⁰ и дал общее изложение мировоззрения философа в цикле статей⁷¹.

Ученый-богослов проявлял дружеское внимание к русским мыслителям, приезжавшим в Италию (Е.Н. Трубецкому⁷², Вяч. Иванову, В. Эрну⁷³, Б. Яковенко), состоял в переписке с П.А. Флоренским, Н.Н. Глубоковским⁷⁴ и др. Князь Евгений Трубецкой в своей пе-

⁶⁸ Свои знакомства с русскими учеными, писателями и культурными деятелями Ло Гатто описывает в книге «Мои встречи с Россией» (*Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia*. Milano, 1976. Рус. изд. М., 1992).

⁶⁹ Его перу принадлежат монографии: *Palmieri A. La chiesa russa: le sue odierne condizioni e il suo riformismo dottrinale*. Firenze, 1908; *Palmieri A. Theologia dogmatica orthodoxa ad lumen catholicae doctrinae examinata et discussa*. Firenze, 1911.

⁷⁰ *Solov'ev V.S. I fondamenti spirituali della vita*. Bologna, 1922.

⁷¹ *Palmieri A. La crisi della filosofia occidentale secondo V. Solov'ev* // *Rivista di filosofia neoscolastica*. 1918. № 1. P. 381–396; 1919. № 11. P. 238–254; *Palmieri A. V. Solov'ev e la sua filosofia religiosa* // *Rivista storico-critica delle scienze teologiche*. 1907. № 3. P. 209–221; *Palmieri A. Vladimiro Solovov. L'apostolo dell'unione della chiese in Russia. Alla luce di nuovi documenti* // *Rivista internazionale di scienze sociali e discipline ausiliari*. 1909. № 50. P. 153–170 и др.

⁷² Е.Н. Трубецкой приезжал в Италию в 1911 г., работая над книгой «Мирозерцание В. Соловьева».

⁷³ В.Ф. Эрн проживал в Италии в течение двух лет, пока писал диссертацию о А. Розмини-Сербати и В. Джоберти.

⁷⁴ Николай Никанорович Глубоковский – заслуженный ординарный профессор Императорской Петроградской духовной академии, доктор богословия, член-корреспондент Императорской Академии наук.

реписке с М.К. Морозовой оставил следующее упоминание о знакомстве с Пальмьери: «Крайне интересное знакомство и приобретение – Пальмьери (священник и монах) – поклонник Соловьева, пламенный сторонник соединения церквей, лучший знаток нашей русской церкви, и по воззрениям – со мной почти единомышленник, читатель и поклонник “Московского еженедельника”, переводящий на итальянский одну из моих статей»⁷⁵. Бывший монах-августинец, он был своеобразным посредником между русскими эмигрантами и Римско-католической Церковью. Будучи активным участником экуменического диалога, он неустанно изучал основы православной духовности, творчество русских религиозных мыслителей с целью выработки общего пути объединения церквей. Пальмьери примыкал к священнослужителям-«модернистам», сторонникам обновления внутри Католической Церкви. Признавая себя католиками, «модернисты» стремились гармонизировать церковное учение в «духе времени», призывали Церковь усвоить культурные и научные достижения, поддержать либеральные и социально-прогрессистские движения. По своим устремлениям «католический модернизм» был близок взглядам многих русских религиозных философов – участников религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге в начале XX в. С 1907 г. по 1927 г. в Велеграде (Чехия) регулярно проходили международные конгрессы, посвященные вопросам воссоединения церквей. Пальмьери был их активным участником. К обсуждению приглашались и русские мыслители (С. Булгаков, Е. Трубецкой, Н. Бердяев). Признавая выдающиеся заслуги западных патрологов, русские религиозные философы и богословы предлагали свою интерпретацию патристического наследия изнутри православной традиции. Несмотря на разногласия, вызванные абсолютистскими притязаниями Ватикана, начатый интеллектуальный философско-богословский диалог продолжался и открыл много нового как для православного, так и для католического мира. В свою очередь, проблематика русской религиозной мысли прочно вошла в сознание итальянских католических исследователей.

Можно сказать, что в фигурах и общей мировоззренческой направленности научной деятельности Э. Ло Гатто и А. Пальмьери перед нами открывается первичная фаза условного разделения

⁷⁵ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 323.

итальянских исследований русской философии на два направления: университетское и теологическое. Пальмеры – сторонника межконфессионального общения и объединения Восточной и Западной церковью – русская культура и философская мысль интересовали в первую очередь как поле для экуменического и богословского диалога. Этим первостепенным интересом обусловлен и выбор тем его исследований: русская философско-богословская мысль (В. Соловьев, Е. Трубецкой, Н. Бердяев, А. Хомяков), история русской духовности. Интерес Лю Гатто и группы его единомышленников был скорее академический: помимо истории и литературного наследия России основатели зарождающегося университетского направления уделяли внимание научной и интеллектуальной биографии русских мыслителей, интеллектуальной истории России, накоплению базы об истории развития русской культуры, историко-философским исследованиям и выработке исследовательской и дидактической методологии. Представители обоих направлений принимали активное участие в институционализации россиеведения в Италии: открытии университетских кафедр, специальных образовательных учреждений, подготовке профессиональных кадров, разработке специализированных курсов для передачи знаний. Этот процесс, не прекращавшийся в годы правления фашистской партии в Италии, способствовал оформлению круга ученых, придерживающихся сходных исследовательских принципов.

Католическая Церковь и Итальянская коммунистическая партия: роль в развитии «русских исследований»

Послевоенное время в Италии отмечено возросшим интересом к россиеведению. Заметно увеличилось число студентов, изучающих русский язык и литературу, и со временем возросло число университетских кафедр. Такая тенденция питалась широко распространенными в послевоенные годы общественными настроениями: освобождавшаяся от наследия фашизма Италия стремилась ближе узнать страну, сыгравшую столь очевидную роль в военных действиях антигитлеровской коалиции и в разгроме фа-

шистского блока. В университетской линии изучения русской философии после 1945 г. можно выделить два основных сюжетных вектора исследований: марксистский и экзистенциальный.

Италия – страна с традиционно крепкими левыми партиями и движениями. Ознакомлению с русской культурой способствовала Итальянская коммунистическая партия, пользовавшаяся со времен борьбы с фашизмом большим общественным и политическим влиянием. Знакомство ограничивалось главным образом политической областью и осуществлялось с марксистских позиций. Активный интерес к марксизму, в том числе и к его русскому варианту, пробудился и в академической среде. В сфере духовной жизни с конца 1940-х гг. стал утрачивать былое влияние крочевский идеализм⁷⁶. Симпатии интеллигенции обращались «влево» – к рабочим партиям, особенно к стремительно росшей ИКП. Коммунистические теоретики и университетские профессора изучали работы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и других русских революционных деятелей и представителей советской марксистской мысли, анализировали их понимание исторического и диалектического материализма, сопоставляли советские и западные теории государства и революции, а также живо следили за актуальной мыслью СССР⁷⁷. Интерес к русскому варианту марксизма стимулировала публикация в Италии в конце 1940-х гг. трудов А. Грамши, получивших широкий общественный резонанс и ставших приобретением всей итальянской гуманитарной культуры. Вследствие того, что взгляды Грамши получили широкое распространение в левых кругах Запада, его последователи нередко в той или иной степени противопоставляли себя марксизму-ленинизму.

Обобщающие работы, посвященные истории развития марксизма в России (среди которых монография «Истоки социализма в России»⁷⁸ и предисловия к переводам сочинений В.И. Ленина),

⁷⁶ Новое поколение интеллигенции, пройдя через опыт Сопротивления, уже не удовлетворялось ни философией Б. Кроче, ни его политической программой, предусматривавшей лишь восстановление дофашистской либерально-парламентской системы.

⁷⁷ Показательна поддержка Э.В. Ильенкова итальянскими мыслителями У. Черрони, Г. Делла Вольпе, Л. Коллетти. Пальмиро Тольятти (лидер ИКП) открыто вступился за советского философа, узнав о его отстранении от преподавания в МГУ. Переводы научных публикаций Ильенкова выходили в Италии.

⁷⁸ *Cerroni U. Le origini del socialismo in Russia. Roma, 1965.*

принадлежат профессору университета г. Лечче, секретарю Общества культурной связи с Советским Союзом – Умберто Черрони (Umberto Cerroni). Вольфанго Джусти (Wolfgang Giusti) – итальянский историк, славист, переводчик, автор работ об основных течениях и представителях русской социально-демократической мысли – опубликовал свои исследования, посвященные наследию Ленина и Троцкого⁷⁹, перевел сочинение Сталина⁸⁰. База для квалифицированного изучения русского марксизма была подготовлена им в серии монографий 1930-х гг., комплексно освещающих истоки и проблематику русского радикального течения мысли: «Изучение русской мысли эпохи Просвещения и либеральной мысли в XVIII–XIX вв.», «Русская политическая мысль: от декабристов до Первой Мировой Войны», «Заметки по истории русской мысли», «Герцен и его отношения с Мадзини в Италии»⁸¹. Философ Аннибале Пасторе (Annibale Pastore), занимающийся вопросами математической логики, обратился к анализу философской мысли Ленина⁸². В 1952 г. выходит фундаментальный труд «Русское народничество»⁸³ итальянского историка и выдающегося исследователя русской революционной мысли Франко Вентури (Franco Venturi). **Помимо этого, ему принадлежат публикации, посвященные Герцену⁸⁴ и движению декабристов⁸⁵.**

Ф. Вентури – знаковая фигура зарубежной историографии русской философии. Русской социально-политической мыслью исследователь заинтересовался еще в 1930-е гг. И посвятил дан-

⁷⁹ *Giusti W.* Il pensiero di Lenin. Roma, 1945; *Giusti W.* Il pensiero di Trozky. Firenze, 1949.

⁸⁰ *Stalin J.* Bolscevismo e capitalism. Roma, 1945.

⁸¹ *Giusti W.* Studi sul pensiero illuministico e liberale russo nei secoli XVIII-XIX. Roma, 1938; *Giusti W.* Il pensiero politico russo: dal decabrisimo alla guerra mondiale. Milano, 1939; *Giusti W.* Annotazioni sul pensiero russo. Roma, 1936; *Giusti W.* Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia. Roma, 1935.

⁸² *Pastore A.* La filosofia di Lenin. Milano, 1946.

⁸³ *Venturi F.* Il populismo russo. Torino, 1952.

⁸⁴ *Venturi F.* Incontri di rivoluzionari italiani e russi a Londra // Italia e Inghilterra nel Risorgimento. Londra, 1954. P. 33–37; Testi e studi herzeniani // Rivista Storica Italiana. 1959. № 4. P. 600–609.

⁸⁵ *Venturi F.* Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino, 1956. В этой монографии Ф. Вентури излагает интеллектуальную биографию русских декабристов, итальянцев по происхождению (по отцу), Александра и Иосифа Поджио. Изучение персоналий декабристов углубляет его понимание русского социализма.

ной теме многие годы жизни. Всемирную известность он приобрел в 1960 г. после публикации английского перевода труда «Русское народничество» с предисловием И. Берлина⁸⁶. Не будет преувеличением сказать, что это монографическое исследование – выдающееся достижение мировой историографии народничества. Детально рассматривая все, что было написано по данной теме в советской историко-философской литературе 1920–40-х гг., Вентури ощущал себя свободным от заданных ему политико-идеологических стереотипов и штампов. Итальянский ученый рассказывает о «русском популизме» как о широком интеллектуальном, культурном и народном движении, реконструируя объемную панораму российской социально-политической жизни XIX столетия. В работе, состоящей из трех частей, охватывается время с середины 50-х до середины 80-х гг. XIX в. В первой части детально рассмотрен процесс зарождения и распространения народнической идеи от А.И. Герцена, М.А. Бакунина, Н.Г. Чернышевского до Н.А. Добролюбова и А.П. Шапова; во второй части речь идет о нарастании крестьянского и студенческого движений, об образовании первых народнических кружков, формировании нигилистических воззрений, а также об идеологии и деятельности Н.А. Ишутина, С.Г. Нечаева, П.Н. Ткачева, П.Л. Лаврова. В третьей части анализируется активность чайковцев и «хождения в народ», эволюция объединений от «Земли и Воли» к «Народной воле». Завершается исследование на 1881 г.

Своей работой Вентури открыл совершенно новую перспективу исследования русской социально-политической мысли XIX в., актуализировав такие специальные проблемы народнического идейного течения, как: эволюционирование народничества в большевизм, соотношение славянофильства и народничества, дихотомия реформаторско-революционного идеала Чернышевского, влияние самодержавной власти на революционное движение и др. Один из основных выводов труда «Русское народничество» заключается в том, что в период 1860–80-х гг. были заложены многие традиции последующей революционной борьбы, созданы идейные предпосылки для рождения той революционной психологии и формирования тех типов борцов, которые затем подготовили революцию 1917 г. Этот намек на общность между большевиками и

⁸⁶ *Venturi F. Roots of Revolution. A History of The Populist And Socialist Movements In Nineteenth Century Russia. N. Y., 1960.*

революционными народниками явно противоречил устоявшимся принципам рассмотрения феномена народничества в советской историографической традиции⁸⁷. Более того, Вентури приходит к заключению об общности народнического движения и европейских революционных и социалистических течений. Выбранные хронологические рамки исследования дали автору возможность явно подчеркнуть родственность народнического движения общеевропейскому феномену социализма XIX в., т. е. «европеизировать» и вписать русский вариант доктрины в мировой контекст, показав значимость циркуляции идей между Россией и Европой. В то время как большинству англо-американских исследователей было присуще восприятие народничества в качестве явления самобытно-русского, итальянский исследователь, напротив, отмечал, что опыт революционной борьбы народников общезначим и не замыкается на истории России. К тому же англо-американские работы отличала прослеживаемая в них ярко выраженная тенденция к русофобии, политизация исследуемой темы. Данных недостатков совершенно лишен взвешенный и объективный тон работ итальянского ученого.

Здесь вполне уместно провести формально-историческую параллель между итальянским россиеведением и так называемыми «русскими исследованиями» (Russian studies), которые распространились в период «холодной войны» на территории США и ряда западноевропейских стран. Хронологически итальянское россиеведение претендует на первенство в освоении центральной советологической темы – причин и условий формирования большевизма и коммунизма. Итальянские исследователи еще в 1940-х гг. обратились к подробному изучению идейного наследия Герцена, Бакунина, Троцкого, Ленина, движения народников и декабристов. Что касается содержательной параллели, то (как и в случае сравнения итальянской и англоязычной славистики)⁸⁸ итальянская историко-философская русистика отличается от англоязычной побудительным мотивом своего возникновения и идеологическим наполнением. Если для американских советологов и кремленологов

⁸⁷ Начиная с 1920-х гг. народничество было вырвано из истории освободительного движения России, и постепенно утвердилось мнение о его враждебности марксизму.

⁸⁸ См. с. 27–28 наст. работы.

Советский Союз был «врагом номер один», то для Италии он был важным экономическим и социально-политическим партнером. И в этом смысле, как нам представляется, итальянские исследователи находились в более выгодном нейтральном положении как по сравнению с советскими исследователями, так и по сравнению с англо-американскими. Они были свободнее от: 1) непреклонного следования марксистско-ленинской линии трактовки тех или иных направлений русской философской мысли и ее представителей (в работах Ф. Вентури мы явно наблюдаем свободу исследовательского горизонта и выбора методологии исследования); 2) идеологического горизонта «СССР – враг». В англоязычных *russian studies* преимущественно создавалась альтернативная история русской философии в противовес советской с ее акцентом на материалистической линии и традиции. В Италии – стране, сочетавшей в себе развитое капиталистическое общество с сильным влиянием одной из наиболее успешных в XX в. коммунистических партий, шла работа по компаративистскому сравнению разных вариантов марксизма и их конструктивной критике, по изучению разносторонней интеллектуальной истории России и ее соотношению с общеевропейским контекстом.

Переходя к ситуации обращения итальянских специалистов к наследию русской идеалистической мысли, отметим, что здесь просматривается, с одной стороны, влияние католической культуры, с другой стороны – воздействие объективных исторических событий (страшные реалии Второй мировой войны), поставивших перед мыслителями новые вопросы. В итальянской академической среде происходит смена мировоззренческих послевоенных ориентиров: экзистенциализм и персонализм прочно входят в философский дискурс. Заслуга этих течений состоит в том, что они привлекли внимание к человеческой личности, проблемам «конечного бытия» человека, смысла его жизни и личной свободы, вместе с тем актуализировав для итальянских исследователей наследие русских религиозных философов, по-своему интерпретировавших обозначенный круг проблем. С середины 1940-х гг. появляются переводы на итальянский язык текстов русских религиозных мыслителей, особенно тех, кто был неотъемлемой частью общеевропейского философского процесса (Н. Бердяев, Л. Шестов, В. Лосский, С. Булгаков, С. Франк, Л. Карсавин). Послевоенные академиче-

ские исследования русской мысли обогатились работами профессиональных философов Аугусто Дель Ноче (Augusto Del Noce), Луиджи Парейсона (Luigi Pareyson), Микеле Фредерико Шацка (Michele Federico Sciacca).

Одним из первых профессиональных итальянских философов послевоенного времени, обративших пристальное внимание на русскую мысль, был профессор римского университета «Ла Сапиенца» (La Sapienza), мыслитель католического направления, историк философии Аугусто Дель Ноче. Исследуя историю философской мысли, Дель Ноче говорил, что после Декарта человечество неминуемо должно делать выбор между двумя фундаментальными установками: религиозной и рационалистической. Первая, по словам философа, «вместе с Библией полагает, что мир сам по себе хорош, ибо создан Богом, но, в то же время, он испорчен грехом, и поэтому человеческий разум нуждается в дополнении божественным откровением, чтобы прийти к истине и благу»⁸⁹. Вторая установка утверждает самодостаточность человека. Однако, достигнув своей кульминации в марксистском учении, эта последняя установка потерпела крах. Следовательно, возврат к первой мировоззренческой базе, с точки зрения Дель Ноче, становится неизбежным. Желая вновь утвердить значение личности против абстрактной реальности, против чистого познания, представленного в истории философии линией, ведущей от Гегеля к Джентиле, итальянский мыслитель изучает религиозно-философскую традицию и экзистенциальную мысль. В поле его исследований попадают и русские философы (преимущественно Шестов, Достоевский и Соловьев). Особенно подробно Дель Ноче исследует творчество Шестова, его критику рационализма. В 1940-х гг. профессор курировал издание трудов русского мыслителя (переводы работ Шестова выходят один за другим в послевоенной Италии: между 1943 и 1946 гг.⁹⁰). Личным христианским мировоззрением Дель Ноче, надо думать, и был обусловлен его интерес к русской мысли, в которой он стремился выявить

⁸⁹ *Мартинетти Д.* Человек, Бог, Вселенная (основания для веры сегодня). М., 2001. С. 69–70.

⁹⁰ *Šestov L.* Il sapere e la libertà. Milano, 1943; *Šestov L.* Parmenide incatenato. Milano, 1944; *Šestov L.* Concupiscentia irresistibilis della filosofia medievale. Milano, 1946.

критическую базу для осмысления и преодоления рационалистически-атеистических основ культуры. Исследователь пишет: «Русская мысль начиная с В. Соловьева представляет собой фундаментальную критику основ классической немецкой философии, приведшей к марксизму. Для возрождения западной мысли мы должны пристальнее взглянуть и осмыслить те интуиции, которые содержит в себе русская философская традиция»⁹¹. Дель Ноче явился одним из первых итальянских мыслителей, показавших значение русской философии как антитезы любой форме разрушительной тоталитарной идеологии.

Луиджи Парейсон – известный итальянский философ, преподаватель Туринского университета, ставший учителем для У. Эко и Дж. Ваттимо. Он разрабатывал вопросы экзистенциальной философии, философии свободы, эстетики, развивая на их основе собственную теорию онтологического персонализма. Основная заслуга ученого, имеющая прямое отношение к историографии русской философии, состоит в возвращении метафизики в научный академический дискурс. Этот факт заложил фундамент для дальнейших плодотворных исследований идеалистических течений русской мысли в рамках университетского направления. Принимая за основу наследие С. Кьеркегора, Парейсон, вопреки гегельянству, выдвинул принцип онтологического персонализма, согласно которому личность – сущностное окно в бытие, орган истины. Итальянский мыслитель считал, что философия может и должна заниматься проблемой Бога, проникать в религиозный опыт, прояснять его глубокую человеческую значимость и извлекать из него универсальные смыслы. Главнейшая философская проблема – проблема зла – находит разрешение, согласно Парейсону, лишь в личности и страданиях Христа. С проблемой зла и онтологией свободы связан интерес философа к творчеству Достоевского. Парейсон оригинально интерпретировал философские идеи русского писателя (монографии «Этическая концепция Ф.М. Достоевского», «Ф.М. Достоевский: философия, роман и религиозный опыт»⁹²). Итальянский мыслитель обратил внимание

⁹¹ *Del Noce A.* Il problema dell'ateismo: il concetto di ateismo e la storia della filosofia come problema. Bologna, 1964. P. 194.

⁹² *Pareyson L.* Il pensiero etico di Dostoevskij. Torino, 1967; *Pareyson L.* Dostoevskij. Filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1999.

на то, что, не будучи профессиональным философом, Достоевский тем не менее поднял в своих произведениях ряд существенных философско-этических вопросов. По мнению Парейсона, именно оттого, что писатель подошел к указанным вопросам как художник, а не как философ, ему удалось раскрыть их с неожиданной точки зрения. Парейсон представил первые выводы своих десятилетних размышлений над творчеством русского писателя, посвятив ему учебный курс в Туринском университете. Главный фокус его анализа – этика Достоевского. В основе ее интерпретации лежат эссе Л. Шестова, Н. Бердяева и других русских авторов, анализировавших творчество Достоевского. Итальянский философ концентрируется на трех ключевых моментах человеческого существования: переживание добра и зла, бремя свободы (опыт которой является центральным в жизни человека) и опыт общения с Богом. Через Достоевского и его героев (в первую очередь опираясь на роман «Братья Карамазовы») Парейсон показывает, что происходит с человеком тогда, когда он злоупотребляет свободой, выбирая зло и ставя себя на место Бога.

Определенное влияние взглядов русских религиозных мыслителей прослеживается в творчестве итальянского мыслителя Федерико Микеле Шакка, возглавлявшего кафедру теоретической философии в Генуе. Лидер христианского спиритуализма – религиозно-философского направления в итальянской культуре послевоенного периода? – он соединил платоновскую и августинианскую традиции с идеями А. Розмини-Сербати и Дж. Джентиле. В центре развитой Шаккой философской концепции находится учение об индивиде, интуитивно воспринимающем в своем «объективном» внутреннем опыте идею абсолютного бытия (Бога), трансцендентную и одновременно имманентную индивидуальному сознанию. Если говорить о прямых влияниях, то, по-видимому, сюда в какой-то мере относится философия Н. Бердяева, поднимающая проблемы человеческой свободы и творчества. Учение русского философа именуется Шаккой как «доктрина интегрального человека». Свою систему Шакка называет «философией интегральности» (или «целостности»), подразумевая под этим целостную концепцию человека, истории, общества, морали. Однако, чрезвычайно высоко оценивая религиозную устремленность русского мыслителя и выражая желание, чтобы «католицизм имел больше душ...

столь страстно религиозных, какова душа Бердяева»⁹³, Шакка выступает против тотального бердяевского антропоцентризма, противоречащего в своей основе христианству.

Велико было влияние на итальянского философа и религиозно-нравственных установок Ф.М. Достоевского. Шакке были близки философские мотивы русского писателя. Например, цитируя слова Сократа из платоновского «Теэтета» о присущем философу удивлении как начале всякого философствования, Шакка добавляет, что таковым является удивление «перед беспредельностью человека». По существу, об этом же писал Достоевский в одном из писем: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и если будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»⁹⁴. Именно в «сумрачных безднах экзистенции», в подполье жизни выявляется, по убеждению Шакки, существование трансцендентного бытия. Слова Ивана Карамазова о том, что с утратой человеком веры в свое бессмертие «все будет позволено», неоднократно используются Шаккой для морального обоснования христианской веры.

Италия – страна, прошедшая через десятилетия фашизма и мировую войну, во многом повторила трагическую судьбу России. Слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров», были очень близки мироощущению итальянской интеллигенции тех тяжелых десятилетий: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же не даром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет сомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»⁹⁵. Путем к «духовному воскресенью» после ограниченных культурных горизонтов фашистского режима стало возвращение метафизики в научный академический дискурс. Вместе с метафи-

⁹³ *Sciaccia M.F.* Il problema del Dio e della religione nella filosofia attuale. Brescia, 1944. P. 240.

⁹⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. М., 1985. С. 63.

⁹⁵ *Франк С.Л.* Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 98.

зкой вернулись и «проклятые» вопросы. Итальянские философы и писатели обратились к конгениальным идеям русских мыслителей о природе свободы и зла, о позиции Бога по отношению к несправедливости и насилию, об абсурде и «подполье». Творчески анализируя и интерпретируя эти идеи, итальянские авторы обогатили не только источниковую базу зарубежной историографии русской философии, но и итальянскую философскую культуру.

Обзор национального своеобразия итальянских исследований русской мысли был бы неполон без анализа роли Католической Церкви в процессе научного познания русской философской культуры во второй половине XX в. Италия – страна, где Католическая Церковь занимает наиболее сильные в Европе позиции. Это мировой духовно-образовательный центр с разветвленной структурой учебных заведений, дающих основательную теологическую подготовку. В Риме работали католические ученые со всей Европы, они создавали и публиковали свои работы на итальянском и на всех основных европейских языках. Именно поэтому в Италии сформировалась уникальная благоприятная среда для непрерывного изучения наследия русских религиозных мыслителей даже в самые сложные исторические периоды. Римско-католическую Церковь стабильно интересовали новые богословские тенденции и экуменический диалог, из чего происходит интерес к православной философско-богословской мысли (особое внимание в 1940–1960-е гг. в кругах итальянской теологической русистики уделялось наследию В. Соловьева и Н. Бердяева). Более того, подчеркивание духовного начала различных мыслителей служило католическим исследователям средством для полемики с основами коммунистической идеологии и светской атеистической культурой в целом.

В послевоенные годы русская религиозная философия активно изучается членами ордена иезуитов, учеными и преподавателями Папского Восточного института и Папского Григорианского университета (*Pontificia Università Gregoriana*). Бернхард Шульце – преподаватель Восточного Папского института и эксперт в православной теологии – изучал христологию Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, других русских писателей и религиозных мыслителей, сопоставляя их концепции с католической доктриной. В 1947–49 гг. было опубликовано его известное трехтомное ис-

следование «Русские мыслители перед Христом»⁹⁶, где в сжатом виде представлена интеллектуальная панорама русской идеалистической мысли, начиная с Г.С. Сковороды, П.Я. Чаадаева и кончая Н.А. Бердяевым и Вяч. Ивановым. Ученому также принадлежат квалифицированные статьи, посвященные различным вопросам православной теологии и философии (большей частью о В. Соловьеве, о смысле истории и мессианизме в трудах русских мыслителей).

Известным специалистом по русской философии был философ-иезуит Густав Веттер – ректор Руссикума, профессор Папского Восточного института, с 1954 г. профессор Папского Григорианского университета. Веттер занимался изучением восточного христианства и прежде всего русского православия. Итальянский ученый был вдумчивым читателем и исследователем творчества Л.П. Карсавина. В 1943 г. Веттер защитил докторскую диссертацию «Онтология Троицы у Л.П. Карсавина: Структура творческой сущности как отражение Божественной Троичности»⁹⁷. Для ученого-иезуита, стремящегося понять специфику восточно-христианского богословия, метафизика Карсавина выступала в качестве модели для рассмотрения типичных черт восточно-христианской мысли. Подход исследователя характеризовался сочетанием стремлений проникнуть в мир карсавинского философствования и рассмотреть метафизические построения русского философа в связи с Откровением и западной философской традицией (прежде всего томизма). Работы Веттера можно поставить в один ряд с работами таких известных исследователей творчества Л.П. Карсавина, как А.А. Ванеев⁹⁸ и С.С. Хоружий. Ценным представляется само обращение ученого к метафизике всеединства Карсавина в то время, как в Советском Союзе исследования подобного уровня не велись, а внимание зарубежных ученых привлекали концепции всеединства других русских мыслителей.

⁹⁶ *Schultze B.* Pensatori russi di fronte a Cristo. In 3 voll. Firenze: Mazza, 1947–1949.

⁹⁷ *Wetter G.* L.P. Karsawins Ontologie der Dreieinheit. Die Struktur des kreaturlichen Seins als Abbild der gottlichen Dreifaltigkeit // *Orientalia Christiana Periodika*. 1943. № 3–4. P. 366–405.

⁹⁸ Анатолий Анатольевич Ванеев – религиозный философ, преподаватель физики, ученик и последователь Л.П. Карсавина. Философская традиция, связанная с именем последнего, продолжала развиваться прежде всего благодаря трудам Ванеева.

Значительной эвристической ценностью обладают работы Веттера о марксизме-ленинизме. Ученый становится одним из основоположников советологии (наряду с Ю. Бохеньским) и в 1970 г. создает и возглавляет Центр по изучению марксизма при Григорианском университете в Риме. Веттер выступил с развернутой критикой диалектического и исторического материализма. Богословская база и знание концепций русских религиозных мыслителей позволили католическому ученому глубоко проанализировать истоки русского варианта марксизма и найти точки его соприкосновения с философией славянофилов, В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, Л. Карсавина и др. Наибольшую известность на Западе он получил как автор книги «Советский диалектический материализм»⁹⁹, содержащей основательную критику материалистической философии. Веттер считал советский вариант марксизма губительным для человеческой личности в силу ориентации на коллектив или класс и игнорирования отдельного человека. Марксистская теория личности, по Веттеру, помещая человека исключительно в мир природы и общества и отвергая веру в Бога, лишает личность чувства подлинной любви и надежды на спасение. Он стал одним из немногих исследователей-иезуитов второй половины XX в., чьи работы получили научное признание не только в католических кругах, но и в сфере светской науки. Подлинная любовь к предмету исследования выражена в следующих словах автора: «Можно надеяться, что когда в России опять будут созданы внешние условия для свободного развития и выражения мысли, русская интеллигенция, сформировавшаяся в атмосфере марксизма, откроет свою, коренящуюся в глубинах души, конгениальность с той мыслью, которая нашла блестящее выражение в русской религиозной философии»¹⁰⁰.

Ученые-иезуиты, зачастую не являясь итальянцами по происхождению¹⁰¹, но условно относимые к итальянской историографии русской философии в силу своей принадлежности к Римской Католической Церкви, несомненно обогатили зарубежную руси-

⁹⁹ *Wetter G. Il materialismo dialettico sovietico. Torino, 1948.*

¹⁰⁰ *Веттер Г. Русская религиозная философия и марксизм // Русская религиозно-философская мысль Питтсбург, 1975. С. 114.*

¹⁰¹ Среди наиболее известных ученых-иезуитов итальянского происхождения назовем Джино Пиовесана (Gino Piovesana). Выдающийся специалист по русской философии, он работал в Японии при иезуитском университете, создал там отдельный факультет по изучению русского языка и культуры. Работал

стику. Кто-то из них углубленно, другие попутно со своими исследовательскими приоритетами потрудились и для нужд западной советологии, рассматривающей Советский Союз как безусловного врага. Однако критика режима СССР проводилась, как правило, с богословско-философских позиций и в мировоззренческом ключе, во многом схожем с русской философской эмиграцией.

Значимым событием в истории и судьбе итальянских исследований русской философии стало создание в Милане в самый разгар холодной войны центра «Христианская Россия». Центр был основан в 1957 г. итальянскими католическими священниками, теологами и деятелями культуры Романо Скальфи (Romano Scalfi), Пьетро Модесто (Pietro Modesto) и Адольфо Аснаги. Своей задачей создатели центра видели ознакомление Запада с русской духовностью и культурной традицией. В этом же году вышел первый номер периодического издания центра «Христианская Россия вчера и сегодня» (**Russia Cristiana ieri e oggi**). Название журнала, как, впрочем, и название самого центра, стало вызовом преимущественному восприятию России как цитадели коммунизма. Редакторы журнала были убеждены: чтобы понять русскую литературу, русскую философию, нужно полностью погрузиться в многообразный мир русской традиции¹⁰². В 1960 г. центр начал выпускать журнал «Христианская Россия»¹⁰³ (**Russia Cristiana**), издание которого впоследствии перешло в руки объединения «Яка

также в Нью-Йорке, где основал Центр по изучению русской культуры при Фордамском католическом университете. В 1980-е гг. был ректором Руссикума затем Папского Восточного Института. Он является автором хрестоматийных обобщающих трудов об истории русской философии (*Piovesana G. Il lungo «prologo» del pensiero russo dal X al XVII secolo // Seminarium. 1987. № 3. P. 277–308; Piovesana G. Cristo nel pensiero russo // Filosofia e Teologia. 1989. № 1. P. 110–131; Piovesana G. Storia del pensiero filosofico russo: 988–1988. Milano: Paoline, 1992; Piovesana G. Russia-Europa nel pensiero filosofico russo. Storia antropologica. Roma: Lipa, 1995*).

¹⁰² В программной статье первого номера журнала заявлены следующие цели издания: способствовать познанию особого значения русского христианства в его истории, литургии и вероучении, в формах его выражения и установлениях монашеской и мирянской духовности, а также в фольклоре; раскрыть особые черты русской философии и литературы.

¹⁰³ Журнал «Христианская Россия» несколько раз за историю своего существования был переименован. В 1985 г. он стал называться «Другая Европа» (*L'Altra Europa*), в 1992 г. – «Новая Европа» (*La Nuova Europa*). Под этим названием журнал выходит по настоящий момент.

Бук» (Jaca Book), ориентированного на перевод, комментирование и публикацию текстов русских мыслителей, а также на ознакомление итальянской публики с историей русской философии и русской духовной культуры¹⁰⁴. За годы своего существования журнал основательно исследовал многие из тех проблем, которые занимают русских философов. В 1975 г. при Центре было создано издательство «Матренин двор» (La casa di Matrigiona), ориентированное на издание переводов русских книг художественного, религиозного и философского характера. В этом издательстве вышло собрание сочинений В.С. Соловьева. Непосредственные основатели «Христианской России» осуществили переводы основополагающих трудов русских философов на итальянский язык и задали общий тон исследованиям в своих многочисленных публикациях по предмету. А. Аснаги – автор первого итальянского обобщающего труда по истории русской философии, отличающегося историко-эсхатологической ориентацией («История и эсхатология русской мысли»¹⁰⁵), где отражена история русской мысли от Крещения Руси до представителей русского зарубежья XX в. Его перу принадлежит серия работ о В. Соловьеве, в том числе монография «Поклонник Софии: жизнь и учение В. Соловьева»¹⁰⁶. П. Модесто перевел некоторые работы русских философов на итальянский язык¹⁰⁷, освятил наследие С.Л. Франка в ряде публикаций¹⁰⁸.

Работа по переводу и комментированию трудов русских мыслителей, научно-критическому осмыслению их наследия, проделанная центром «Христианская Россия», заложила основательную

¹⁰⁴ Издательство «Яка Бук» параллельно с изданием книг русских религиозных мыслителей и монографий о них публиковало книги, посвященные революционным событиям в России и русскому марксизму.

¹⁰⁵ *Asnaghi A.* Storia ed escatologia del pensiero russo. Genova: Lanterna, 1973.

¹⁰⁶ *Asnaghi A.* L'amante della sofia: vita e pensiero di Vladimir Sergeevic Solov'ev. Roma: Servitium, 1990.

¹⁰⁷ Среди них: П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (Милан, 1974); Н.А. Бердяев «Смысл истории» (Милан, 1971); С.Л. Франк «Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии» (Милан, 1977); «Антология русской религиозной мысли: от Толстого до Лосского» / Под ред. С.Л. Франка (Милан, 1977).

¹⁰⁸ *Modesto P.* Il filosofo russo contemporaneo Semjon Ljudvigovic Frank // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. 1958. № 5/6. P. 518–546; *Modesto P.* Marxismo, morale, nihilism: il pensiero di Semen Ljudvigovic Frank // La critica al marxismo in Russia agli inizi del secolo. Milano: Jaca Book, 1991. P. 113–128.

базу для дальнейшего развития исследований русской философии в Италии. Центр стал практически первой западной христианской организацией, начавшей культурный диалог с новой исторической реальностью постперестроечной России, исходя из общих христианских ценностей Запада и Востока, и активно включился в историко-философский процесс «возвращения утраченных имен».

Институт Католической Церкви на протяжении всего XX в. стимулировал исследователей к изучению русской мысли. Объективный историко-философский интерес представляет отдельный более подробный анализ итальянской теологической русистики, включающий сюжетные и методологические перемены, происходящие в данной предметной области под влиянием перемен акцентов во внешней политике Ватикана. Очередной интенсивный разворот итальянской католической теологии к русской религиозной мысли вызвал Второй Ватиканский собор (1962–1965 гг.). Собор закрепил направленность католической мысли на диалог с мыслью православной. Дух диалога, утвердившийся в Католической Церкви после II Ватиканского собора, способствовал появлению в Италии новых явлений религиозной жизни, тесно связанных с русской темой¹⁰⁹.

Подобным поступательным образом процесс изучения русской философии в Италии неуклонно развивался на протяжении всего XX столетия. Институт Восточной Европы, Папский Восточный институт, центр «Христианская Россия» объединили в своих стенах ученых, увлеченных изучением русской истории, культуры, мысли, и создали базу для дальнейшего развития профессиональных исследований в области итальянской философской русистики. Коммунистическая партия Италии и в целом традиционная «левая» итальянская социально-политическая культура, ученые-слависты и Римско-католическая Церковь повлияли на создание и укрепление поля изучения русской мысли. Публикации перечисленных в данной главе исследователей сохраняют эвристическую ценность для отечественной и зарубежной историко-философской науки. Подробное изучение бегло намеченных тем и имен из истории итальянской историографии русской мысли остается делом будущего.

¹⁰⁹ Одно из таких явлений – экуменическая община Бозе. Монахи из общины монастыря Бозе основали издательство «Кикайон» (Qiqajon), где печатаются преимущественно труды о русской монашеской традиции (Феодосии Печерском, Ниле Сорском и др.).

Что касается современного этапа изучения русской философии в Италии, то его начало можно условно отнести к перестроенному периоду в СССР. В годы горбачевской «перестройки» растет общий интерес академических кругов к россиеведению, в том числе философскому. Италия становится связующим узлом между Западом и Востоком, сближает советских, европейских и американских ученых. Итальянское россиеведение выходит за культурные пределы страны и обогащается научными контактами: итальянские университеты все чаще приглашают знаменитых советских ученых на лекции и семинары, а нередко и предлагают им статус доцентов. С открытием границ СССР и доступа к ранее секретным архивным текстам и документам возрастают культурные обмены и исследовательский потенциал. Проблемы изучения русской мысли, обусловленные сложностями общекультурного плана (понимание русской истории, ментальности, языка), начинают разрешаться посредством накопленной историографической базы и переводов философских работ. Постепенно закладываются основы для более углубленного изучения различных течений и специальных проблем русской философской мысли, начинают формироваться сквозные темы, линии преемственности и общий характер итальянской историографии русской философии в двух ее основных направлениях: университетском и теологическом.

ГЛАВА 2. УНИВЕРСИТЕТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Университетское направление итальянских исследований русской философии представлено различными профессиональными ориентациями, которые несколько условно можно определить следующим образом: метафизическая, научно-философская, эстетическая, историко-философская, литературно-философская. Выделение этих линий интерпретации обусловлено тематическими и методологическими предпочтениями, определяемыми характером индивидуальных исследовательских интересов итальянских ученых.

Обзор исследовательских ориентаций, предложенный в данной главе, не претендует на исчерпывающее представление многообразного содержания университетского направления. Его задачей является ознакомительное раскрытие характерных и разнообразных черт направления и, кроме того, введение в российский научно-философский дискурс ранее неизвестных имен и трудов. Автор считает целесообразным представить основные линии исследования в общих чертах и более подробно остановиться на работах историко-философской ориентации. На примере последней автор раскроет методологические особенности итальянских исследований, представит теоретические проблемы научной истории русской философии, которые удалось решить в Италии, проведет сравнение итальянской и российской историографии.

Научно-философская ориентация

Разработка философских проблем науки – важная часть итальянской культурной традиции XX–XXI вв. Следуя за новейшими мировыми открытиями в области естествознания и техники, представители научно-философской ориентации изучают вклад русских мыслителей в развитие определенных естественнонаучных и технических положений, актуализируя и оригинально интерпретируя их концепции. Работы Сильвано Тальягамбе (Silvano Tagliagambe) – известного итальянского философа, историка философии, специалиста в области эпистемологии и философских проблем науки – можно считать классикой данной линии исследований. Наука представляет собой постоянный объект философской рефлексии ученого. Мир науки и техники воспринимается им как реализация философского логоса. Большое внимание он уделяет компаративному исследованию парадигматичных работ западных и русских философов.

Окончив философский факультет Миланского университета, Тальягамбе проходил стажировку в МГУ им. М.В. Ломоносова на физическом факультете (1969–1970 гг.), затем в течение пяти лет продолжал исследования в области квантовой механики и эпистемологии при Академии Наук СССР¹¹⁰ под руководством М.Э. Омеляновского¹¹¹. Ранние работы итальянского исследователя показывают, что он серьезно интересовался проблемой взаимоотношения философии и физики, истоками материалистической традиции в России, начиная с М.В. Ломоносова¹¹². Прожив достаточное время в СССР и имея альтернативное европейское образование, Тальягамбе мог объективно взглянуть на доктрину марксизма-ленинизма, на взаимосвязь советской науки и философии. В ряде своих работ ученый критикует «сталинский диамат» за искажение истинных положений марксизма и за торможение процесса развития есте-

¹¹⁰ Тальягамбе публиковал статьи в советских научных журналах см.: Тальягамбе С. Об одной концепции логики микрофизики // *Вопр. философии*. 1972. № 7. С. 68–77.

¹¹¹ Михаил Эразмович Омеляновский – советский философ, специалист по диалектическому материализму и философским проблемам естествознания, член-корреспондент АН СССР.

¹¹² *Tagliagambe S. La concezione della materia di Mihail Vasil'evic Lomonosov // Teorie e filosofie della materia nel Settecento. Roma, 1993. P. 49–63.*

ственных наук. Используя метод последовательной исторической реконструкции с опорой на большое количество первоисточников (включая журнальные и газетные статьи), Тальягамбе раскрывает сложную и неоднозначную панораму советской научно-философской мысли в монографиях: «Материалистическая интерпретация квантовой механики. Физика и философия в СССР», «Наука, философия и политика в Советском Союзе», «Материализм и диалектика в советской философии»¹¹³.

Знакомство с Ю.М. Лотманом открыло для Тальягамбе, увлеченного, среди прочего, изучением знаковых и коммуникативных систем, символов и других семиотических аспектов, русскую школу семиотики и герменевтики, труды П.А. Флоренского и М.М. Бахтина. Благодаря А.Р. Лурия ученый знакомится со школой психологии Л.С. Выготского. Разностороннее погружение итальянского специалиста в русскую культуру и философско-научную мысль обусловило широту его исследовательских интересов. В историко-философский кругозор Тальягамбе прочно входят следующие темы: идейная атмосфера конца XIX – начала XX вв. в России, советский период русской мысли¹¹⁴, концеп-

¹¹³ *Tagliagambe S.* L'interpretazione materialistica della meccanica quantistica. Fisica e filosofia in URSS. Milano, 1972; *Tagliagambe S.* Scienza, filosofia, politica in Unione Sovietica (1924–1939). Milano, 1978; *Tagliagambe S.* Materialismo e dialettica nella filosofia sovietica. Torino, 1979.

¹¹⁴ *Tagliagambe S.* La filosofia russa e sovietica. Storia della filosofia. La filosofia contemporanea. Seconda metà del Novecento. tomo II. Padova, 1998. P. 1387–1567.

ции В.И. Вернадского¹¹⁵, И.М. Сеченова¹¹⁶, Д.И. Менделеева¹¹⁷, А.А. Ухтомского¹¹⁸, Ф.М. Достоевского¹¹⁹, А.А. Богданова¹²⁰, Н.И. Бухарина¹²¹, П.А. Флоренского.

Учение П. Флоренского составляет предмет особого академического интереса итальянского мыслителя. Тальягамбе избегает углубления в религиозно-богословскую проблематику трудов Флоренского, поскольку внимание к этой стороне творчества философа и без того преобладает как в отечественной, так и в итальянской историографической литературе. Заслуга итальянского ученого заключается в смещении исследовательского акцента на научно-философский корпус мыслей Флоренского. Тальягамбе принадлежит квалифицированный труд «Как читать Флоренского»¹²² и монография об эпистемологии символа у русского мыслителя¹²³. Раскрывая в последней работе грани философского творчества Флоренского и его концепцию науки как символического описания, исследователь размышляет о том, как идеи русского мыслителя могут быть использованы в современных эпистемологических дискуссиях. На примере развития науки второй половины XX в., **новейших науч-**

¹¹⁵ Тальягамбе был первым ученым в Италии, обратившим внимание на наследие Вернадского. Он стал активным популяризатором творчества мыслителя, внесшего, по его мнению, большой вклад в теоретическое освещение вопроса взаимодействия философии и науки, в теорию систем и эволюционную концепцию. При участии Тальягамбе в 2004 г. состоялась конференция в Пизанском университете «На стыке науки и философии. Картина мира и природы в концепции Дарвина и Вернадского».

¹¹⁶ Перу Тальягамбе принадлежит монография, в которой автор реконструирует научно-философский спор между Сеченовым и Достоевским в свете новейших научных открытий в области нейрофизиологии (*Tagliagambe S. Il sogno di Dostoevskij. Come la mente emerge dal cervello. Milano, 2002*).

¹¹⁷ *Tagliagambe S. Dmitrij Ivanovič Mendeleev: una vita per la chimica // Rendiconti della Accademia nazionale delle scienze. 1995. № 19, Parte II. P. 105–143; Tagliagambe S. Introduzione a D.I. Mendeleev Scritti sullo spiritismo. Torino, 1992. P. 1–96*.

¹¹⁸ *Tagliagambe S. Solipsimo e amore in Dostoevskij e Uhtomskij // Psicoanalisi: l'eros. Roma, 1987. P. 134–167*.

¹¹⁹ *Tagliagambe S. Inconscio e conscio in Dostoevskij // Atque. 2004. № 27. P. 17–64*.

¹²⁰ *Tagliagambe S. Bogdanov tra costruttivismo e scienza dell'organizzazione // A.A. Bogdanov, Quattro dialoghi su scienza e filosofia. Roma, 2004. P. 95–137*.

¹²¹ *Tagliagambe S. Gramsci, Buharin e il materialismo dialettico sovietico // La questione meridionale. Cagliari, 1987. P. 220–254*.

¹²² *Tagliagambe S. Come leggere Florenskij. Milano: Bompiani, 2006*.

¹²³ *Tagliagambe S. Il cielo incarnato. L'epistemologia del simbolo di Pavel Florenskij. Roma: Aracne, 2013*.

но-технических открытий и перспектив итальянский ученый демонстрирует, каким именно образом изыскания Флоренского расширили область точного знания и продемонстрировали тот огромный потенциал, который коренился в инновационных направлениях исследований в сфере биологии и инженерии. Широчайшая научно-философская эрудиция Тальягамбе позволяет ему рассматривать концепции Флоренского и других русских мыслителей в широком парадигмально-компаративистском ключе, проводя детальные параллели с теориями современных физиков, математиков, генетиков (Э. Хоффман, У. Куайн, Л. Геймонат, Э. Бончинелли, Д. Фримен, У. Гилберт и др.). В своих работах и интервью итальянский специалист очень комплиментарно отзывается о русских мыслителях, по его мнению, «оркестрировавших» в своем творчестве широчайший спектр проблем «наук о природе» и «наук о человеке». Особенно часто ученый прибегает к анализу идей Вернадского, Богданова и Флоренского, считая их философские теории удачными концептуальными «проектами», не воплотившимися в реальность по объективным историческим обстоятельствам, но сохраняющими свой эвристический потенциал.

Преподаватель университета «Ла Сапиенца» в г. Риме Джулия Рисполи (Gulia Rispoli) продолжает научную работу в идейном ключе, заданном Тальягамбе. Сфера ее научных интересов: эпистемология, философия науки, кибернетика и теория систем, философские проблемы естествознания, марксизм и диалектический материализм. Она исследует концепции русских и советских ученых-космистов, эволюционистов¹²⁴ и эмпириокритицистов. Ценной стороной подхода Рисполи является широкая компаративистская перспектива, которая открывает новые ракурсы идей русских мыслителей. Подробнее всего она изучает наследие А.А. Богданова. В монографии 2013 г. «От эмпириокритицизма к тектологии. Организация, комплексность и системный подход в наследии А. Богданова»¹²⁵ Рисполи анализирует понятия, сфор-

¹²⁴ Rispoli G. *Evoluzionismo russo e teorie della material // Vivi perché diversi*. Pisa, 2012. P. 103–125; Rispoli G. *Le diffusioni del Darwinismo. Principi e peculiarità dell'evoluzionismo russo*. Неопубликованный доклад на семинаре по истории биологии, университет «Ла Сапиенца», 2012.

¹²⁵ Rispoli G. *Dall' Emperiomonismo alla Tectologia. Organizzazione, complessità e approccio sistemico nel pensiero di Aleksandr Bogdanov*. Roma: Aracne, 2012.

мулированные мыслителем в первую четверть XX в., с позиций современных достижений системного кибернетического подхода. Она сопоставляет идеи Богданова с концепциями Л. Берталанфи, Н. Винера, А. Пуанкаре, Ф. Жакоба и приходит к выводу о том, что новаторские идеи русского мыслителя позволили ему определить ключевые моменты для уяснения активностей сложных систем и выйти далеко за рамки традиционного понимания взаимодействия элементов, которое продолжало господствовать в трудах по теории систем большую часть XX в. Помимо прочего, Рисполи демонстрирует глубокое знание российских историографических источников по исследуемой теме.

Опубликованная в 2016 г. совместная работа Тальягамбе и Рисполи «Дивергенция в революции. Философия, наука и техника в России (1920–1940 гг.)»¹²⁶ раскрывает идейный контекст эпохи, в котором протекала жизнь и творчество трех русских мыслителей, Флоренского, Вернадского и Богданова, объединенных по их принадлежности единой научно-философской парадигме – разумно-волевого конструирования жизненной субстанции, регулируемой эволюции и гармоничного развития человека и мира. В концепциях русских философов итальянские ученые находят ответ на назревшие вопросы в области эпистемологии, биоэтики, информационного пространства и культурно-смыслового поля будущего, киберпространства и сети Интернет. Тальягамбе и Рисполи органично дополняют свои знания истории и новых тенденций европейской науки и философии изучением традиции русской научно-философской мысли, актуализируя ее эвристический потенциал.

Изучение русской метафизики

Особое положение занимает метафизическая ориентация университетской линии познания русской философии. Она связана с Туринским университетом¹²⁷, в котором исследова-

¹²⁶ *Tagliagambe S., Rispoli G. La divergenza nella rivoluzione. Filosofia, scienza e teologia in Russia (1920–1940)*. Brescia: La Scuola, 2016.

¹²⁷ Безусловно, принадлежность к данному университету не имеет определяющего значения для отнесения того или иного исследователя к метафизической ориентации. Метафизическая линия исследований русской философии (равно как и университетское направление в целом) успешно развивается и в других

ние русской философии давно стало традицией. Начало этой традиции положил Луиджи Парейсон, а сохранили и развили профессора Нинфа Боско (Nunfa Bosco), Джузеппе Риконда (Giuseppe Riconda), Грациано Лингва (Graziano Lingua), Роберто Салиццони (Roberto Salizzioni)¹²⁸. При поддержке Боско и Риконда в 1995 г. начал свою работу «Центр философско-религиозных исследований им. Луиджи Парейсона» (Centro Studi Filosofico-religiosi Luigi Pareyson). Помимо научно-философских инициатив Центр нацелен на изучение русской мысли, перевод и публикацию трудов русских философов¹²⁹, организацию конференций и семинаров¹³⁰. Под руководством Риконда и Боско издано несколько коллективных монографий и антологий, призванных ознакомить итальянскую публику с наследием русской мысли. Их учениками являются некоторые современные исследователи русской философии как университетского, так и теологического направления.

Заметным достижением итальянской историографии русской философии стала серия монографий Н. Боско (профессора моральной философии при Туринском университете) о В.С. Соловьеве: «Владимир Соловьев: христианство и современность», «Владимир Соловьев. Приглашение к чтению», «Владимир Соловьев. Размышляя над христианством»¹³¹. Боско вывела итальянские исследования творчества русского философа на высокий академический уровень, детально описав его интеллектуальную биографию

высших учебных заведений Италии (институт философских наук г. Неаполя, университет Флоренции, Пизы, Болоньи, университет «Ла Сапиенца»), где работают специалисты по русской философии, защищаются дипломные, диссертационные и докторские работы по специальным проблемам русской мысли.

¹²⁸ Р. Салиццони автор настоящего исследования относит к эстетической ориентации.

¹²⁹ Уже изданы переводы трудов М. Мамардашвили и Л. Шестова, готовится издание работ Н. Лосского.

¹³⁰ В 1996 г. сразу после открытия центра был запущен цикл конференций «Русские философы XIX в.». В 1999 г. проведена международная конференция «Ницше и Достоевский», в 2007 г. состоялся семинар, посвященный творчеству четырех русских философов (В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского).

¹³¹ *Bosco N. Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità.* Padova, 2005; *Bosco N. Vladimir Solov'ev. Invito alla lettura.* Cinisello Balsamo, 200; *Bosco N. Vladimir Solov'ev. Ripensare il cristianesimo.* Torino, 1999.

и основы его теории. Ценным результатом ее усилий является объективное и уравновешенное представление теоретического наследия Соловьева без перекося в сторону его экуменических проектов. Экуменизм русского мыслителя для Боско – лишь один из историко-философских сюжетов его интеллектуальных исканий. Характерно и то, что исследовательница максимально приблизила Соловьева к кругозору современного итальянского читателя, который, возможно, впервые знакомится с идеями мыслителя, с русской философией в целом, и нуждается в доступном языке изложения элитарных знаний. В своих работах Боско подключается к вопросу, в чем же состоит актуальность философии Соловьева сегодня. Этим вопросом задаются, как известно, и отечественные умы, оценивающие творчество русского философа не как феномен прошлой философской культуры, но как живую историко-философскую проблему. По убедительному мнению итальянской исследовательницы, духовные опоры Соловьева и развитие сподвижниками и преемниками мыслителя родственных ему воззрений противостоят нигилистическим учениям, указывают иной путь – к христианскому смыслу жизни. Она пишет: «Наследие русских философов актуально для всех христиан третьего тысячелетия. В эпоху модерна человек страдает тоской отделения от Бога. Три российских софиолога взяли на себя миссию утолить эту тоску, показать мост, ведущий к вечной жизни»¹³². Заслугой Боско является также сравнительный анализ концепций В. Соловьева и С. Булгакова. Тем самым она открыла «булгаковскую» линию исследований русской мысли при кафедре философии Туринского университета¹³³.

Научный соратник Боско, известный итальянский философ Д. Риконда, преподаватель теоретической философии в Туринском университете актуализировал для Италии наследие Бердяева, Шестова, Соловьева и ряда других русских мыслителей¹³⁴. Наиболее

¹³² *Bosco N. Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità. Padova, 2005. P. 119.*

¹³³ *Bosco N. Vladimir Solov'ev e S. Bulgakov. Due sofiologie // Filosofia e Teologia. 1992. № 2. P. 199–215; Bosco N., Bernardi P., Lingua G. Storia e storiografia bulgakoviana // Filosofia e Teologia. 1992. № 2. P. 236–252.*

¹³⁴ Риконда курировал издание трудов: В.С. Соловьев «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе» (Турин, 1975); Н.А. Бердяев «Русская идея» (Милан, 1994); Л.И. Шестов «Роковое наследие» (Турин, 2005).

обстоятельно Риконда исследовал проблемы свободы, антропоцентризма, творчества, эсхатологической этики в наследии Бердяева¹³⁵. Метафизическую ориентацию представляет и Г. Лингва. Он занимается исследованием творчества С.Н. Булгакова¹³⁶ и П.А. Флоренского¹³⁷.

Уже около десяти лет Туринский университет включает в свою учебную программу курсы лекций по истории русской философии, которые направлены на ознакомление слушателей с наиболее значительными сюжетами и авторами из истории русской мысли. Так, для курсов в 2013–2015 гг. были избраны темы «Русская идея между XIX и XX вв.» и «Великий инквизитор в русской философии». Курс 2015–2016 гг. «Основные линии и проблемы русской философии XIX в.» носит обобщающий характер, он знакомит студентов с представителями рационалистических и идеалистических течений русской мысли и их ключевыми идеями. В качестве базисного учебного пособия к последнему курсу указана авторитетная книга А. Валицкого «История русской мысли от просвещения до марксизма»¹³⁸. Преподавателями университета разработаны также специальные лекционные программы, направленные на компаративистский анализ идей русских и европейских мыслителей («Русская

¹³⁵ *Riconda G.* Nota sul personalismo di Nikolaj Berdjaev // *Annuario Filosofico*. 1994. № 10. P. 401–450; *Riconda G.* Berdjaev e Boehme: l' "Ungrund" e la libertà // *La persona e i nomi dell'essere. Scritti di filosofia in onore di Virgilio Melchiorre*. Milano, 2002. P. 1234–1253.

¹³⁶ *Lingua G.* Kénosis di Dio e santità della materia. La sofiologia di S.N. Bulgakov. Napoli, 2000; *Lingua G.* Antinomia della libertà e aggressività del male. Sofiologia e antropologia nel pensiero di S.N. Bulgakov // *Esperienza e libertà*. Roma, 2000. P. 271–293; *Lingua G.* Lo spirito nella teologia trinitaria di S.N. Bulgakov // *Lo spirito. Percorsi nella filosofia e nelle culture*. Milano-Udine, 2011. P. 515–531; *Lingua G.* La logica dell'icona. Note sulla teoria della rappresentabilità di Dio in Sergej N. Bulgakov // *Tropos*. 2014. № 7. P. 43–58.

¹³⁷ *Lingua G.* Oltre l'illusione dell'Occidente. P.A. Florenskij e i fondamenti della filosofia russa. Torino, 1999; *Lingua G.* Le parole e le cose. La filosofia del nome di P.A. Florenskij // *Gesto e parola. Ricerche sulla Rivelazione*. Roma, 2005. P. 267–280; *Lingua G.* Gli "spazi dell'immaginario" in P.A. Florenskij // *La filosofia russa 1800–1900*. Napoli, 1998. P. 125–140.

¹³⁸ *Walicki A.* A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism. Stanford University Press, 1979.

философия. Идеи и проблемы. П. Флоренский между иконой и авангардом»¹³⁹, «Достоевский и философия. История философских рецептов творчества писателя»).

Метафизическая линия тематически пересекается с теологическим направлением исследования русской философии. Однако в концептуальном плане ее главное отличие состоит в раскрытии общегуманистической направленности русской мысли и, соответственно, в уклонении от философско-богословской проблематики. Представители метафизической ориентации вынуждены сохранять светский взгляд на русскую философию в силу общей внерелигиозной направленности итальянской университетской культуры. Разумеется, «светскость» итальянских государственных университетов вовсе не исключает того, что профессора в них могут быть убежденными католиками, не скрывающими своих взглядов (т. к. принцип свободы совести и свободного выражения своих убеждений в демократической Италии охраняет все тот же «светский» закон). Однако, несмотря на усилия отдельных исследователей (яркий пример тому работы Н. Боско), светская академическая традиция все же является большим препятствием для проникновения русской метафизики в итальянские университеты и в целом в научно-философскую среду Италии.

Изучение русской эстетики

Эстетическая ориентация – очевидная и значительная составляющая университетского направления итальянского изучения русской философии. Проблема прекрасного в трудах русских мыслителей, особенно эстетические теории «серебряного века» и авангарда, фундаментально осваиваются представителями этой научной линии. Достойную внимания историко-философскую оценку эстетическим взглядам русских мыслителей дал профессор Туринского университета Р. Салицони. Погружаясь в эстетические концепции В.С. Соловьева, П.А. Флоренского¹⁴⁰,

¹³⁹ Этот курс, разработанный Р. Салицони, направлен на раскрытие основных эстетических идей Флоренского в их сопоставлении с избранными русскими и западными теориями эстетики.

¹⁴⁰ *Salizzoni R. Sacralità dell' icona e della fotografia. A partire da P. Florenskij // Estetica del sacro. Padova, 2008. P. 79–83.*

Ф.М. Достоевского¹⁴¹, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, итальянский исследователь размышляет об альтернативных путях развития цивилизации и о возможностях преодоления кризиса западного нигилистического мировоззрения, заданных в их трудах. Одна из наиболее известных книг Салиццони, ставшая учебным пособием для итальянских специалистов, – «Русская идея эстетики. София и космос в искусстве и философии»¹⁴². Софиология предстает в данном труде как своеобразная русская эстетическая платформа. Перу ученого принадлежат работы о Бахтине¹⁴³ и Лотмане¹⁴⁴ о рецепции Эрном философии Джоберти. Отметим, что Эрн мало известен итальянским исследователям. Салиццони одним из первых подробно описал его творческую биографию и основные идеи его философской концепции¹⁴⁵.

Во Флорентийском университете преподают профессора Серджио Дживоне (Sergio Givone) и Кьяра Кантелли (Chiara Cantelli), специализирующиеся на эстетической проблематике русской философии. Дживоне – ученик Л. Парейсона, под руководством которого он занимался исследованием философских и эстетических идей в творчестве Ф.М. Достоевского¹⁴⁶. Глубокая трактовка идей русского писателя Парейсоном нашла достойное продолжение в работах ученика, который в 1984 г. выпустил первое издание монографии «Достоевский и философия»¹⁴⁷. В работе рассматривается рецепция этических и эстетических идей Достоевского современными философами. Дживоне с равным вниманием анализирует

¹⁴¹ *Salizzoni R.* Ivan e Alesha discutono di formatività // *Rivista di Estetica*. 1992. № 40–41. P. 110–116.

¹⁴² *Salizzoni R.* L'idea russa di estetica, Sofia e Cosmo nell'arte e nella filosofia. Torino, 1992.

¹⁴³ *Salizzoni R.* Michail Bachtin autore ed eroe. Torino, 2003; *Salizzoni R.* M. Bachtin: antropologia dell'antico e del postmoderno // *Colloquium Philosophicum*. 2005. № 8–9. P. 125–137.

¹⁴⁴ *Salizzoni R.* Il silenzio di Lotman // *Leitmotiv*. 2010. № 0. P. 89–105.

¹⁴⁵ *Salizzoni R.* La ricezione di Gioberti in Russia. Vladimir Ern // *Giornata Giobertiana. Atti del Convegno organizzato dal Centro Studi Filosofico-religiosi "Luigi Pareyson"* e dal l'Accademia delle Scienze di Torino. Torino, 2000. P. 243–268.

¹⁴⁶ *Givone S.* Perché sei tornato? Dostoevskij e la Leggenda del grande Inquisitore // *Convegni di S. Spirito*. 1987. № 3. P. 61–66.

¹⁴⁷ *Givone S.* Dostoevskij e la filosofia. Roma: Laterza, 1994 (2-е изд. Roma, 2006).

труды русских и европейских мыслителей, которые обратились к творчеству писателя, а также представляет историю итальянского философского достоевсковедения.

Кьяра Кантелли – специалист в области классической эстетики, эстетики постмодерна и теории искусства – разрабатывает проблематику эстетических теорий русских мыслителей (В.С. Соловьев¹⁴⁸, П.А. Флоренский, Ф.М. Достоевский, Вяч. Иванов¹⁴⁹, Н.Ф. Федоров¹⁵⁰), русского символизма и авангарда, русской иконографии, рецепций идей Ф. Ницше русскими мыслителями¹⁵¹. Большая работа научного и просветительского характера проделана исследовательницей как автором статей о русских философах и философских течениях для крупных итальянских словарей и энциклопедий. Следуя плодотворной методологической позиции Салицони, Кантелли видит своеобразие русской эстетики в софиологическом, метафизическом компоненте и исследует влияние русской философской мысли на становление течений символизма и авангардизма¹⁵². Кантелли определяет актуальные черты эстетических концепций русских мыслителей для интерпретации современного искусства¹⁵³ и сопоставляет их с наиболее значимыми западными эстетическими теориями XX в. **К примеру, в монографии «Икона как конкретная метафизика: неоплатонизм и магия в концепции искусства П. Флоренского»¹⁵⁴ Кантелли оригинально**

¹⁴⁸ *Cantelli C.* La bellezza salverà il mondo. Saggio su Vladimir S. Solov'ëv. Milano, 1996.

¹⁴⁹ *Cantelli C.* Simbolo e icona. Estetica e filosofia pratica nel pensiero di Vjačeslav I. Ivanov. Bologna, 2000.

¹⁵⁰ *Cantelli C.* La profezia dell'opera d'arte assoluta. Estetica e cosmologia in Nikolaj Fëdorovič Fëdorov // *Estetica*. 2003. Vol. 2. № 10. P. 17–43.

¹⁵¹ *Cantelli C.* Solov'ëv, Nietzsche e i simbolisti russi // *Paradosso*. 1994. Vol. 9. № 5. P. 201–226; *Cantelli C.* Nichilismo russo e *décadence* dell'Occidente // *Il dibattito sui valori tra Ottocento e Novecento*. Milano, 2004. P. 9–26.

¹⁵² *Cantelli C.* Corporeità dell'idea nella sofiologia russa // *Le provocazioni dell'estetica*. Dibattiti a Gargnano. Torino, 1999. P. 49–60; *Cantelli C.* L'estetica di Solov'ëv // *Rivista di Estetica*. 1993. Vol. 44–45. № 1. P. 139–166.

¹⁵³ В качестве примера укажем на концептуальную взаимосвязь, которую Кантелли находит между учением Флоренского об иконе как знаке и перформансом американского художника К. Бурдена. Взаимосвязь состоит в том, что перфоманс Бурдена является своеобразным способом проявления в видимом того, что невидимо.

¹⁵⁴ *Cantelli C.* L'icona come metafisica concreta: Neoplatonismo e magia nella concezione dell'arte di Pavel Florenskij. Palermo, 2011.

интерпретирует эстетическую концепцию П.А. Флоренского, опираясь на положения известного американского теоретика искусства А. Данто. В рамках данного исследования невозможно сделать вывод об эвристической ценности компаративистских трактовок Кантелли, однако сам выбор тем, методологические подходы, оригинальные рецепции и сопоставления с новейшими западными концепциями искусства представляются ценными для расширения границ историографии русской философии.

Проблема прекрасного в трудах русских мыслителей получает освещение в работах Андреа Оппо (Andrea Oppo) – преподавателя эстетики и философской герменевтики, автора спецкурсов по истории русской мысли¹⁵⁵. Работы этого автора отличаются от исследований Кантелли и Дживоне более основательным погружением в историю русской мысли и в корпус идей русских мыслителей (преимущественно Шестова¹⁵⁶, Соловьева¹⁵⁷, Бердяева¹⁵⁸, Достоевского¹⁵⁹,

¹⁵⁵ На Папском теологическом факультете Сардинии (Pontificia Facoltà Teologica della Sardegna) в 2008–2009 гг. Оппо преподавал курс «Философская герменевтика: Достоевский и философия», в 2013–2014 гг. – курс «Эстетика: “Обратная перспектива” П. Флоренского и значение иконы».

¹⁵⁶ Л. Шестову Оппо посвятил несколько обстоятельных работ, в том числе статью «“Кантовский” Шекспир: защита нравственности в первом малоизвестном труде Шестова» (*Oppo A. “Kantian” Shakespeare. The Defense of Morality in Shestov’s First Work // The Slavic and East European Journal. 2014. № 4. P. 573–589*), где он касается первых философских опытов русского мыслителя. Оппо принадлежит несколько переводов работ Шестова на итальянский язык (*Šestov L. L’idea di bene in Tolstoj e Nietzsche. Roma, 2014; Šestov L. Edmund Husserl. Ricordo di un filosofo. Roma, 2014*).

¹⁵⁷ *Oppo A. Le due anime dell’estetica russa. Solov’ëv e Šestov // Theologica & Historica. 2008. № 27. P. 243–271.*

¹⁵⁸ *Oppo A. Shestov and Berdyaev. A Comparison of Two Russian Philosophers // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 25. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/25/Oppo25.shtml> (дата обращения: 10.11.2015).*

¹⁵⁹ *Oppo A. La vera anima del genio crudele. Scavando al fondo dei Karamazov // Xáos. Giornale di Confine. 2003–2004. № 3. URL: http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_3/4.htm (дата обращения: 11.09.2016); *Oppo A. L’idea di male assoluto nei Demoni di Dostoevskij // Xáos. Giornale di Confine. 2003. № 2. URL: http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_2/16.htm (дата обращения: 15.09.2016); *Oppo A. Quale Bellezza salverà il mondo? L’Idiota di Dostoevskij e un difficile enigma // Xáos. Giornale di Confine. 2003. № 1. URL: http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_1/20.htm (дата обращения: 11.09.2016).***

Флоренского¹⁶⁰), а также большей системностью изложения и интерпретации их взглядов. Ученому принадлежат научные публикации¹⁶¹ по специальным проблемам русской философии, затрагивающие эстетические, эсхатологические и историософские концепции русских мыслителей. Оппо выделяет две основные эстетико-историософские категории русской мысли: «София» и «Апокалипсис» (они сравниваются автором с антиномиями «Бытие» и «Ничто», «гармония» и «хаос»), данные категории чередуются и конфликтуют между собой, давая импульс творчеству.

Представители эстетической ориентации оказывают значительное влияние на процесс институционализации русской мысли, т. к. университетские курсы, посвященные эстетическим теориям русских мыслителей, пользуются достаточной популярностью. Профессор Сильвия Бурины (Silvia Burini) разработала авторский спецкурс «Юрий Лотман и семиотика культуры», он читался в Венеции в университете «Ка'Фоскари»¹⁶² (Ca'Foscari). Ей принадлежат основательные исследования теории изобразительного искусства Лотмана¹⁶³. Определенное влияние на интенсификацию русских эстетических исследований имела заинтересованность русской мыслью со стороны Массимо Каччари (Massimo Cacciari). Этот философ и видный политический деятель (бывший мэр г. Венеция) ввел в итальянский научный кругозор некоторые эстетические воззрения Флоренского в своих монографиях «Иконы Закона» и «Три иконы»¹⁶⁴. Каччари принадлежит инициатива проведения в Венеции

¹⁶⁰ *Oppo A.* Se la misura di un corpo è un numero immaginario. Florenskij e il concetto di spazio in Dante // *Theologica & Historica*. 2015. № 24. P. 171–183. В этой статье Оппо сопоставляет концепции пространства Флоренского и Данте.

¹⁶¹ *Oppo A.* Estetiche del negativo. Studi su Dostoevskij, Čechov e Beckett. Cagliari, 2009; *Oppo A.* Shapes of Apocalypse. Arts and Philosophy in Slavic Thought. Boston, 2013; *Oppo A.* La verità contro l'arte. Per una comprensione filosofica dell'icona russa // *Theologica & Historica*. 2014. № 23. P. 131–160.

¹⁶² В этом университете с начала 2000-х гг. существует общий учебный курс под названием «История русской мысли», специальная проблематика которого ежегодно меняется.

¹⁶³ *Бурины С. Ю. М.* Лотман и семиотика изобразительных искусств // Лотмановский сб. 2004. № 3. С. 836–847; *Burini S.* Nota a Ju. Lotman "L'insieme artistico come spazio quotidiano" // *Strumenti critici*. 1995. № 78. P. 234–242.

¹⁶⁴ *Cacciari M.* Icone delle legge. Milano, 1985; *Cacciari M.* Tre icone. Milano, 2007.

в 2007 г. конференции, посвященной о. Павлу «Актуальность наследия П. Флоренского», почетным участником которой был Патриарх Кирилл¹⁶⁵.

Интерес итальянских ученых к эстетической проблематике всегда был устойчив, однако усиленное внимание к русским эстетическим концепциям начинает проследиваться с начала 1980-х гг. XX столетия, т. е. с начала перестроечного периода в СССР. Это обусловлено рядом благоприятных причин: непосредственным знакомством широкой итальянской публики с разнообразным русским искусством¹⁶⁶, публикацией работ русских литературоведов и искусствоведов на итальянском языке, активизацией совместных искусствоведческих научных программ. Впрочем, в течение долгого времени в русском искусстве искали повышенное содержание святости, духовности, утопии. Постепенно эстетическая ориентация исследований русской философии накопила достаточную источниковую и методологическую базу для глубокого академического и критического исследования концепций русских мыслителей, включая сюжеты компаративистского сопоставления их теорий между собой и с суждениями западных философов и теоретиков искусства. Однако поиск оригинальных «русских» эсхатологических, мессианских и мистических мотивов все еще прослеживается в трудах отдельных авторов.

¹⁶⁵ Одним из кураторов выставки выступал о. Алексей (Ястребов) – настоятель православного прихода во имя святых жен-мироносиц в Венеции. В 2007 г. о. Алексей защитил в Папском Урбанианском Университете (Рим) диссертацию по П. Флоренскому «Черты философии Павла Александровича Флоренского. “Конкретный идеализм” и его истоки». Надо отметить, что православные приходы в Италии являются в определенном смысле средоточием интеллектуальной жизни и диалога российской и итальянской культур. Так, в 2003 г. Стефано Гардзонио был организатором конференции, приуроченной к столетию флорентийского православного храма (настоятель о. Георгий (Блатинский)). В этом крупном мероприятии участвовали известные итальянские и русские искусствоведы и историки русской церкви.

¹⁶⁶ После долгих десятилетий сталинской цензуры в Италии впервые появились полотна советских художников, не связанных с соцреализмом; в 1977 г. прошла скандально известная Венецианская биеннале, так называемая биеннале диссидентов.

Литературно-философские исследования

Несомненную эвристическую ценность для современной научно-философской историографии представляет корпус работ итальянских славистов, разрабатывающих (помимо общей литературоведческой проблематики) актуальные проблемы русской философии. Литературно-философская ориентация продолжает играть значительную пропедевтическую роль в современных итальянских исследованиях русской мысли, кроме переводов текстов русских авторов на итальянский язык предлагая тонкий анализ взрастившей их интеллектуальной среды. Отдельные исследования этой линии отмечены глубокой самостоятельной историко-философской аналитикой. Выделение данной ориентации представляется тем более оправданным, что никакая история русской философии не может считаться полной, если она игнорирует философские аспекты творчества великих русских писателей и их влияние на развитие русской мысли.

Работы профессора и преподавателя литературы Католического университета Святого Сердца (*Università Cattolica del Sacro Cuore*) в Милане Анжелы Диолетта-Сиклари (*Angela Dioletta Siclari*) акцентируют внимание на философско-теологическом содержании концепций мыслителей. Ей принадлежат ценные монографии по представителям символизма¹⁶⁷, Л.П. Карсавину¹⁶⁸, истории Московского университета XVIII в.¹⁶⁹. Диолетта-Сиклари – подлинный эксперт в области концепций русских мыслителей-славянофилов: она перевела письма А.С. Хомякова к Ю.Ф. Самарину, курировала издание трудов И.В. Киреевского. Изучая эпоху 1830–40-х гг., она отразила сущность философских влияний немецкой философии на взгляды славянофилов в серии статей: «Философия Шеллинга и русская молодежь в 30-е гг. XIX в.», «Гегель и А.С. Хомяков», «Шеллинг и русская культура в первые десятилетия XIX в.»¹⁷⁰.

¹⁶⁷ *Dioletta Siclari A.* *Simbolisti russi: Belyj, Brjusov, Ivanov, Sologub.* Parma, 1990.

¹⁶⁸ *Dioletta Siclari A.* *L'estetico e il religioso in L.P. Karsavin.* Milano, 1998; *Диолетта-Сиклари А.* Символ и миф в мышлении Л.П. Карсавина // Историко-философский альманах. Вып. 3. М., 2010. С. 226–235.

¹⁶⁹ *Dioletta Siclari A.* *L'Università di Mosca nel Settecento.* Milano, 1994.

¹⁷⁰ *Dioletta Siclari A.* *La filosofia positiva di Schelling e la gioventù russa, negli anni '30 del secolo XIX* // *Orientalia Christiana Periodica.* 1979. № 45. P. 145–158; *Dioletta Siclari A.* *Hegel e Aleksej Stepanovic Chomjakov* // *Orientalia Christiana*

Коллега Диолетты-Сиклари по университету Мария Кандида Гидини (Maria Candida Ghidini) изучает концепцию языка Вяч. Иванова¹⁷¹ и г. Шпета¹⁷², русскую мысль начала XX в.¹⁷³. Лаура Сатта-Боскиан (Laura Satta Boschian), преподаватель русского языка и русской литературы в университете г. Перуджа, в своей двухтомной монографии «Просвещение и степь. XVIII в. в России» и «XIX в. в России. Гении, злодеи и пророки»¹⁷⁴ наглядно и емко представила интеллектуальную историю русской мысли в рамках двойной парадигмы «просвещения» и «степи». Ее работы используются как учебные пособия на кафедрах славяноведения в университетах Италии. Русские концепции семиотики (Флоренского, Шпета, Лосева, Бахтина и др.) исследует Донателла Феррари-Браво (Donatella Ferrari Bravo) – филолог-славист, преподаватель Пизанского университета. Комплексному анализу творчества В. Соловьева посвятил серию работ литературовед Даниэле Серретти (Daniele Serretti). Он периодически публикуется в журнале «Соловьевские исследования». В 2010 г. вышла книга Серретти «Логос-София. Метафизика и эстетика Владимира Соловьева»¹⁷⁵, в которой автор уделяет особое внимание анализу поэтико-философского наследия русского мыслителя. Показательно, что все названные ученые хорошо владеют русским языком и периодически публикуют свои статьи в русских научных журналах. Итальянская славистика, как и в целом западное славяноведение, во многом сохраняет роль своеобразного истока, от которого берут начало многие исследования в области русской философии. Вводя в научный оборот ряд новых понятий, имен и материалов, изучая широкие

Periodica. 1975. № 41. P. 449–473; *Dioletta Siclari A.* Schelling e la cultura russa nei primi decenni del XIX secolo // *Orientalia Christiana Periodica*. 1977. № 43. P. 389–407.

¹⁷¹ *Ghidini M.C.* Il cerchio incantato del linguaggio. Moderno e antimoderno nel simbolismo di Vjačeslav Ivanov, Vita e Pensiero, Milano, 1997; *Ghidini M.C.* Vjačeslav Ivanov i imeslavie // *Studia Slavica Hungarica*. 1996. № 41. P. 77–86.

¹⁷² *Гидини М.К.* Особенности герменевтики Г.Г. Шпета // *Начала*. 1992. № 2. С. 13–18.

¹⁷³ *Ghidini M.C.* L'idea russa: un mito ancora vivo? Alcune tendenze dell'attuale riflessione filosofica russa. Vita e pensiero. Milano, 1992. P. 699–707.

¹⁷⁴ *Satta Boschian L.* Illuminismo e la steppa Settecento russo. Roma, 1994; *Satta Boschian L.* Ottocento russo. Geni, diavoli e profeti. Roma, 1994.

¹⁷⁵ *Serretti D.* Logos-Sofia: la metafisica e l'estetica di Vladimir Solov'ëv. Roma, 2010.

сферы национального творчества, из которого философия черпает материал для своих обобщений и запросы, которым она должна удовлетворять, приверженцы литературно-философской линии стимулируют исследования русской философии. Собственно, итальянские ученые-слависты – это передовой интеллектуальный отряд, который не дает угаснуть интересу к русской философской мысли и всячески его подпитывает.

Историко-философская ориентация

Традиционно интерес исследователей данной линии сфокусирован на философской и социально-политической проблематике различных течений мысли, представленных в России (народничество, марксизм, анархизм, позитивизм и др.). Родоначальниками данной линии исследования являются послевоенные историки русской философии, в частности рассмотренный в первой главе Ф. Вентури. В перестроечное время знаковые исследования принадлежат известному итальянскому русисту, переводчику и историку русской общественной мысли – Витторио Страда. Наряду с Ф. Вентури он является одним из учителей молодого поколения итальянских исследователей русской мысли. Закончив философский факультет Миланского университета, он поступил в аспирантуру МГУ в 1958 г.¹⁷⁶ Вернувшись в Италию в 1961 г., Страда работал консультантом по русской культуре в издательстве «Эйнауди» (Einaudi). Под его редакцией в Италии были опубликованы труды политических мыслителей (А.И. Герцена, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.А. Богданова, Ю.О. Мартова и др.), труды русских мыслителей (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского). Страда заведовал кафедрой русского языка и литературы университета «Ка'Фоскари» (1970–1992 гг.), издавал международный журнал «Россия» (1974–1993 гг.), изучал творчество Ф.М. Достоевского, оставив о нем ряд крупных монографий,

¹⁷⁶ По идеологическим причинам Страда аспирантуру не закончил и диссертацию не защитил. В Москве встречался с Б. Пастернаком, связывал его с издателем Д. Фельтринелли по поводу публикации романа «Доктор Живаго». Познакомился и подружился со многими писателями и философами диссидентского направления.

способствовавших развитию международного достоевсковедения в 1980–1990-х гг.¹⁷⁷. Интересы ученого никогда не ограничивались областью литературы, а касались россиеведения в целом.

Подавляющее число работ итальянского профессора посвящено философским идеям русского социализма и марксизма, исследованию корней большевизма и отношений последнего с народничеством. Остановимся на двух работах Страда, демонстрирующих, по мнению автора, центральную методологическую установку историко-философской линии исследования. Первая работа – обширное предисловие к переводу книги Ленина «Что делать?»¹⁷⁸, в котором исследователь обсуждает вопрос о связи ленинизма с народничеством в контексте общего анализа первой фазы развития русского марксизма (от Г.В. Плеханова к легальным марксистам) и народничества (Н.Г. Чернышевский, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.Н. Ткачев). Исследователем составлено обстоятельное приложение к переводу, включающее часть протоколов второго съезда РСДРП и статьи мыслителей (Л.И. Аксельрод, А.А. Богданов, Ю.О. Мартов, Г.В. Плеханов, В.П. Акимов, Л.Д. Троцкий), посвященные понятию «партия». Подобная работа – высококлассный пример исторической реконструкции и контекстуализации. Собственно историко-философской является другая работа Страда – «Вера и наука. Полемика по поводу “Материализма и эмпириокритицизма” Ленина»¹⁷⁹. Это сборник 1982 г., в котором опубликованы тексты В.А. Базарова, Л.И. Аксельрод, П.С. Юшкевича и М. Горького, во второй половине XX в. вполне забытые в Советском Союзе и на Западе. Предлагая данный сборник читателю, Страда настаивал на важности критического рассмотрения махизма и работы «Материализм и эмпириокритицизм» с учетом исторического контекста эпохи, т. е. в общей системе интеллектуальных дебатов предреволюционной России¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Страда поддерживал связь между исследователями наследия Достоевского из разных стран. Он пригласил их печататься в журнале «Россия» и принять участие в конференции о русском писателе, организованной им в Венеции в 1981 г.

¹⁷⁸ *Lenin V.I. Che fare? Problemi scottanti del nostro movimento.* Torino: Einaudi, 1971.

¹⁷⁹ *Bogdanov A., Aksel'rod L., Bazarov V., Jushkevich P., Gor'kij M. Fede e scienza. La polemica su "Materialismo ed empiriocriticismo" di Lenin.* Torino: Einaudi, 1982.

¹⁸⁰ Подобный подход отражен в отечественном сборнике статей «Материализм и эмпириокритицизм в России и за рубежом» (М., 1990). Мнение Страда о важности рассмотрения книги «Материализм и эмпириокритицизм» в историческом контексте разделяет отечественный исследователь А.В. Бажанов.

По признанию Страда, выбор тем исследования был для него обусловлен историческим и идейным контекстом: «Тогда на Западе были влиятельны левые силы, я тоже был левым, мы изучали историю русской революции, а в ней другая загадка – Ленин. Две загадки – Достоевский и революция. Отсюда старания понять, что это за страна, которая дает и Достоевского, и Ленина»¹⁸¹. Общегуманитарная компетенция итальянского ученого позволяет ему видеть русскую культуру в самых разных контекстах: социально-политическом, философском, религиозном. Компаративистский контекст всегда присутствует в работах исследователя, его интересуют взаимоотношения и взаимовлияния России и Европы: Европа, увиденная из России, и Россия глазами европейского опыта. Россия для него – это часть Европы, но в то же время и «другое» Европы. Благодаря постоянной русской мысли о Западе, говорит Страда, Европа впервые увидела себя не как абсолютный субъект, но как объект для «другого».

В широком политико-историческом контексте анализирует специальные проблемы русской мысли сын Ф. Вентури, преподаватель истории в Пизанском университете – Антонелло Вентури (Antonello Venturi). Защитив в Туринском университете диссертацию «Русские революционеры в Италии 1917–1921 гг.»¹⁸², он продолжил заниматься исследованием историко-философских и социально-политических аспектов русской мысли¹⁸³. Хронологически А. Вентури интересуется более поздний, по сравнению с исследованиями Ф. Вентури, этап развития русского народничества (история наиболее многочисленной и самой влиятельной немарксистской социалистической партии социалистов-революционеров), община русских эмигрантов в Италии после 1917 г., русская советская историография как механизм формирования русской идентичности и представлений о революции. Тема народничества уже не столь популярна в итальянском россиеведении, как в 50–60-е гг. XX в., однако А. Вентури разра-

¹⁸¹ *Страда В.* Понимать Россию умом и любовью. Интервью, 2009. URL:<http://lit.1september.ru/article.php?ID=200900418> (дата обращения: 11.05.2015).

¹⁸² *Venturi A.* Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921. Milano: Feltrinelli, 1979.

¹⁸³ *Venturi A.* I “tipi storico culturali” nel pensiero sociale russo del secondo Ottocento // *Studi Storici*. 2001. P. 589–610; *Venturi A.* La storiografia italiana sulla Russia pre-sovietica volume: Il mondo visto dall’Italia. Milano: 2004. P. 339–354; *Venturi A.* Impero e nazione in S.S. Uvarov: recenti interpretazioni russe volume: Impero nella storia della Russia tra realtà e nostalgia. Napoli, 2013. P. 207–224.

батывает отдельные ее сюжеты. Он видит в этом идейном течении совершенно особое явление русской культуры и цельную идеологию, соединяющую в один комплекс экономические, социально-политические, культурно-философские идеи о самобытности русского пути общественного развития. В отличие от отца, предпочитавшего масштабные монографические исследования, А. Вентури пишет преимущественно статьи, выступает с докладами, является редактором и соавтором коллективных монографий, посвященных истории русской социальной мысли¹⁸⁴. К слову, научный жанр коллективной монографии пользуется особенной популярностью в академических кругах Италии, предоставляя объединяющую тематическую платформу для итальянских и других западных специалистов, интересующихся сходными темами.

Научный соратник А. Вентури, ученик Ф. Вентури¹⁸⁵ и преподаватель университета «Ка’Фоскари» Альберто Мазоеро (Alberto Masoero) продолжил и углубил исследования темы «русского популизма», реконструируя роль некоторых ключевых представителей данного направления. Как и А. Вентури, исследователя интересует «позднее» народничество на стыке XIX и XX вв. и русская позднеимперская культура в целом. Творческий путь Мазоеро неразрывно связан с двумя научными областями: историко-философской и экономической наукой. По-видимому, подобное сочетание обусловило его интерес к правовому (легальному) народничеству и русской социально-экономической мысли.

К определенно новаторским работам историко-философской линии принадлежит труд Мазоеро о деятеле легального народничества, видном русском экономисте В.П. Воронцове «Василий Павлович Воронцов: экономическая культура народничества (1868–1918)»¹⁸⁶. Автор раскрывает интеллектуальную биографию

¹⁸⁴ *Russica: studi e ricerche sulla Russia contemporanea* / A cura di A. Masoero e A. Venturi. Milano, 1990; *Il pensiero sociale russo: modelli stranieri e contesto nazionale* / A cura di A. Masoero e A. Venturi. Milano, 2000.

¹⁸⁵ Мазоеро принадлежит работа о творческом наследии Ф. Вентури, подробно описывающая историю создания работ классика итальянской историографии русской мысли, эволюцию его концепций и методологических подходов (*Masoero A. Il partigiano e il cosacco*. Franco Venturi, Herzen e l’Unione sovietica (1952–1962). Franco Venturi e la Russia. Milano, 2006).

¹⁸⁶ *Masoero A. Vasilij Pavlovic Voroncov e la cultura economica del populismo russo (1868–1918)*. Milano, 1988.

мыслителя и его основные идеи, преимущественно фокусируясь на круге проблем развития капитализма в России. Специальное внимание при этом уделяется анализу теоретического спора между народничеством и марксизмом (в особенности народнической критике последнего). Хронологически это один из первых проблемно-обобщающих трудов в современной постсоветской историографии русской мысли, представляющий общую картину эволюции мысли Воронцова в новом неидеологизированном ключе. Работа издана в 1988 г., т. е. с некоторым опережением отечественной историографии, где тема легального народничества еще отсутствовала¹⁸⁷. Труд итальянского ученого преодолевает концептуальный разрыв, существовавший в советской историографии и изжитый лишь в новейшей постсоветской историографии в конце 1990-х гг.¹⁸⁸, и упрощенный взгляд, преобладавший в работах зарубежных исследователей в 50–70 гг. XX столетия (легальные народники представлялись как мыслители, «ностальгирующие» по былой славе движения, не внесшие ничего принципиально нового в общую доктрину¹⁸⁹). Точку зрения Мазоеро можно отнести к переходному этапу – от марксистской исследовательской парадигмы к неонароднической¹⁹⁰ (хотя термин «неонародничество» им не употребляется). К сожалению, труд

¹⁸⁷ Поздний «умеренный» популизм в СССР оставался маргинальной темой. Отдельные работы о представителях легального народничества, в том числе о Воронцове, стали появляться в России в 1990-х гг. (Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995; Зверев В.В., Даниельсон Н.Ф. В.П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997).

¹⁸⁸ В отечественной историографии продолжительное время доминировал марксистский подход к рассмотрению феномена правового народничества как упадочного феномена с примесью славянофильской ностальгии, относящегося к периоду «классового перерождения» народничества, его «обуржуазивания». В своей монографии Мазоеро описывает традицию изучения теории Воронцова, начиная с работ Ленина, Плеханова и Струве.

¹⁸⁹ *Wortman R. The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967; Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, 1955. P. 23–24.* В работах Д. Биллингтона, А. Валицкого, А. Вукинича, Т. Андерсона также подчеркиваются ноты утопичности и несостоятельности концепций легальных народников.

¹⁹⁰ Позиция итальянского автора (рассмотрение легального народничества как более зрелой и взвешенной фазы народничества) сходна с мнением современных исследователей, придерживающихся неонароднической парадигмы.

остался незамеченным среди отечественных историков философии: в отечественных работах по сходной теме ссылки на книгу Мазоеро отсутствуют. В рамках настоящей работы монография итальянского ученого представляет интерес как пример исследовательской методологии историко-философского направления и будет рассмотрена более детально.

В монографическом исследовании «Василий Павлович Воронцов: экономическая культура народничества (1868–1918)» преобладают историко-биографический¹⁹¹, эволюционный¹⁹² подходы и метод последовательной историко-философской реконструкции с опорой на широкую источниковую базу (в том числе с привлечением многочисленного архивного материала). Фигура Воронцова уникальна для итальянского исследователя тем, что его жизнь и творчество охватывают широкие рамки существования течения легального народничества, что позволяет проследить развитие и концептуальные модификации социально-политической и экономической мысли русской интеллигенции сквозь призму комплекса воронцовских идей. Мазоеро последовательно проводит Воронцова через меняющиеся исторические реалии и дебаты вокруг «судьбы капитализма» в России, опираясь на его собственные сочинения и публикации его современников. Подобный последовательный анализ с опорой на первоисточники позволяет избежать абстрактных выводов.

Нисколько не идеализируя русского мыслителя, Мазоеро делает вывод о том, что ему были присущи как определенный интеллектуальный дилетантизм, так и оригинальность мысли. Итальянский автор, с одной стороны, склонен подчеркивать определенную архетипичность основных идей Воронцова традиции русской социально-политической мысли, с другой стороны, констатировать качественную новизну и гибкость его идей, отвечающих на постоянно меняющиеся исторические запросы. Говоря про

¹⁹¹ Историко-биографический, персонифицированный подход важен для автора, т. к. он имеет дело не с уставами и программами революционных народников, а с корпусом работ конкретного представителя более поздней и взвешенной фазы народничества.

¹⁹² Эволюционный в том смысле, что итальянский исследователь намечает эволюционную концепцию рассмотрения народнического идейного течения, зародившегося в 60-е гг. XIX в., указывая на преемственность главных «корневых» идей течения на всех этапах его развития.

«популизм воронцовского типа»¹⁹³, итальянский исследователь имеет в виду концепцию «особого антикапитализма», сложившуюся в России в то время, когда капитализм превратился, наконец, из теории в реальность. Таким образом, биография Воронцова становится зеркалом культурной и интеллектуальной жизни последних десятилетий существования Российской империи, а его социально-экономическая мысль – оригинальной альтернативой левой народнической мысли, социалистическому и западному путям развития страны. Начало XX в. представляется автору конкурентной идейной средой и эпохой, когда социально-экономическое развитие России могло пойти любым из предлагавшихся путей. Как и многие представители историко-философской ориентации университетского направления итальянского россиеведения, Мазоеро освещает историю идей как открытый проект со всем корпусом противоречий и возможных исторических альтернатив, предоставляя тем самым простор для дальнейших исследований и выводов. При таком реконструктивно-дескриптивном подходе сложность для ученого заключается в том, чтобы объективно показать процесс эволюции идеи (период ее расцвета и упадка на культурно-историческом фоне) и дать читателю возможность сделать самостоятельный вывод о ее жизнеспособности.

Мазоеро продолжил исследования русской социально-экономической мысли в цикле работ, посвященном профессорам и доцентам Московского университета (экономистам, юристам и социологам) эпохи правления императора Александра II¹⁹⁴. Последовательно реконструируя мысль представителей академических кругов, Мазоеро уделяет особое внимание эволюции их идейного наследия, интеллектуальной среде, в которой развивались концепции ученых, и их контактам с европейским научным миром. Итальянский исследователь демонстрирует опору русской социально-экономической мысли на новейшие достижения за-

¹⁹³ *Masoero A. Vasilij Pavlovic Voroncov e la cultura economica del populismo russo (1868–1918). Milano, 1988. P. 33.*

¹⁹⁴ За диссертацией на соискание докторской степени «Понимание прогресса. Проблемы и взгляды на развитие страны в трудах ученых-экономистов Московского университета эпохи Александра II» (*Masoero A. La coscienza del progresso. Problemi e visioni dello sviluppo negli economisti dell'Università di Mosca sotto Alessandro II. Torino, 1990*) последовала серия объемных статей (до 90 страниц) о русских экономистах и общественных деятелях (В.А. Гольцев, И.И. Янжул, М.М. Ковалевский, И.К. Бабст и др.).

падной мысли и в то же время выделяет ее оригинальные черты, обусловленные уникальностью культурно-исторической среды и интеллектуального наследия страны. Нужно заметить, что тема рецепции европейских учений русскими мыслителями – одна из специальных проблем итальянских исследований русской философии, которая успешно решается внутри историко-философского направления. Мазоеро и другие авторы стремятся донести до западного читателя прежде всего оригинальные достижения русских рецепций инокультурных течений.

Обзор историко-философской ориентации был бы неполон без анализа работы, проделанной Д. Стейлой – преподавателем Туринского университета и крупнейшим итальянским экспертом в области истории русской мысли и русской культуры. После окончания философского факультета Туринского университета Стейла проходила стажировку на философском факультете в Ленинградском университете, где смогла объединить уже полученные в Европе знания с изученным в России материалом. Сферой научных интересов Стейлы являются: рецепция европейских философских течений в России (марксизм, эмпириокритицизм, неокантианство, прагматизм), теория познания конца XIX – начала XX вв. (**гносеологические аспекты концепций представителей русских марксистов, эмпириокритицистов**), философия советского периода (творчество Л.С. Выготского¹⁹⁵, А.А. Зиновьева¹⁹⁶, М.К. Мамардашвили¹⁹⁷). Перу итальянской исследовательницы принадлежат десятки публикаций на итальянском, английском и русском языке, перевод на итальянский язык сочинения М.К. Мамардашвили «Кантианские вариации»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ *Steila D.* Memoria, segno, libertà: il contributo di L.S. Vygotskij // *Navigare il Lete. La responsabilità della memoria.* Torino, 2011. P. 151–163; *Steila D.* Spinoza e la crisi della psicologia: la riflessione di Lev Vygotskij // *Intersezioni.* 2007. № 1. P. 63–78; *Steila D.* Emozioni e libertà: la teoria spinoziana delle passioni nella lettura di L. S. Vygotskij (1896–1934) // *Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur.* 2006. № 2. P. 159–180.

¹⁹⁶ *Стейла Д.* Проблема ответственности и человеческой личности: М.К. Мамардашвили и А.А. Зиновьев // *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд.* М., 2014. С. 435–455.

¹⁹⁷ *Steila D.* Individuo e cultura nel pensiero di Merab K. Mamardashvili // *Confini dell'estetica. Studi in onore di Roberto Salizzoni.* Roma: Aracne. P. 75–87.

¹⁹⁸ *Mamardashvili M.* *Variazioni kantiane.* Torino, 2004. Вступительная статья принадлежит Д. Стейле.

Стейла активно участвует в различных зарубежных научно-философских конференциях (в том числе в России, выступая на русском языке).

Продолжая лучшие традиции направления историко-философской мировоззренческой ориентации, Стейла обращается к истории и эволюции марксистского учения в России. Строгий и критический анализ судьбы этой философской доктрины всегда был приоритетной темой итальянской историографии, утвердившей высокую эвристическую ценность рецепций марксистского учения русскими мыслителями. Так, В. Страда, один из учителей Стейлы, рассматривает русский марксизм как оригинальное явление истории философской мысли¹⁹⁹. Ученый считает, что Россия стала не просто страной марксистского эксперимента: при встрече марксизма с русской мыслью и культурой «случилась оригинальная химическая реакция, давшая жизнь новому соединению. Парадокс заключается в том, что в этой реакции марксизм, кроме приобретения новых свойств, проявил свою настоящую природу, которая на его родине к тому моменту начала мутировать»²⁰⁰. Разделяя исследовательские установки В. Страда, Д. Стейла принялась за критическое и беспристрастное исследование этой «реакции» и «нового соединения». Закономерно ее первоначальное обращение к фигуре Г.В. Плеханова, так как его личность и наследие первостепенны для проникновения в судьбу и характер русского марксизма. Работу над теоретико-философским наследием «отца русского марксизма» исследовательница начала в середине 1980-х гг., избрав центральной темой для своих исследований весь корпус эпистемологических воззрений Плеханова. Результаты научных изысканий были представлены в дипломной работе «Антропологический материализм и физиологизм в теории познания Г.В. Плеханова (1890–1905 гг.)»²⁰¹. Затем последовали цикл статей и монография «Генезис и развитие теории познания Г.В. Плеханова. Марксист между антропологиче-

¹⁹⁹ *Strada V.* Costruire Dio, fifare l'uomo, trasformare il mondo. La critica al marxismo in Russia agli mizi del secolo. Milano, 1991. P. 157–167; *Strada V.* Materialismo e dialettica nel marxismo di Plekhanov // *Annali.* 1973. № 15. P. 470–482.

²⁰⁰ *Strada V.* Costruire Dio, fifare l'uomo, trasformare il mondo. La critica al marxismo in Russia agli mizi del secolo. Milano, 1991. P. 160.

²⁰¹ *Steila D.* Materialismo antropologico e fisiologia nella teoria della conoscenza di G.V. Plekhanov (1890–1905). Università di Torino. A.A. 1983/1984.

ским материализмом и психологией»²⁰². Сама по себе эпистемология Плеханова – проблема, недооцененная в постсоветской историографии, поэтому концептуальные выводы Стейлы сохраняют эвристическую ценность. Рассматривая теорию познания русского марксиста, итальянская исследовательница, в противоположность советской и некоторым работам постсоветской историографии русской философии, нивелировавшим корпус критических теорий марксизма как достойную пристального рассмотрения историко-философскую проблему, открывает концептуальную глубину русского варианта эмпириокритицизма.

Проекту эмпириокритического пересмотра народничества и марксизма Стейла посвящает объемную монографию «Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910)»²⁰³. Монография вышла в Италии в 1996 г. и была переведена на русский язык²⁰⁴ в 2013 г. Она не утратила своей актуальности, т. к. до сих пор в отечественной философской науке отсутствует интерес к теме русского варианта эмпириокритицизма, или махизма. Цель работы итальянской исследовательницы – показать, что эмпириокритицизм был не просто одним из многочисленных течений, конкурирующих между собой в русской интеллектуальной атмосфере *fin de siècle*, но занял ведущие позиции и стал философской базой для развития марксизма, чего не наблюдалось за ним в Европе, т. е. в месте его непосредственного зарождения и развития.

Отталкиваясь от тезисов своего научного наставника В. Страда, впервые в Италии обратившего внимание на дискуссии вокруг эмпириокритицизма в России²⁰⁵, Стейла восстановила историческую справедливость, исследовав своеобразие русских интерпретаций идей Э. Маха и Р. Авенариуса. Хронологические рамки исследования – конец 1870-х – начало 1910-х гг. Рассматривая феномен народничества и связанные с ним причины большевистской

²⁰² *Steila D. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Dordrecht&Boston, 1991.*

²⁰³ *Steila D. Scienza e rivoluzione. La recezione dell'empirio-criticismo nella cultura russa (1877–1910). Firenze, 1996.*

²⁰⁴ *Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). М., 2013.*

²⁰⁵ См. с. 68 наст. работы.

революции, Ф. Вентури – другой интеллектуальный наставник Стейлы – заканчивает свое исследование на 1881 г. В определенном смысле логически продолжая его труд, монография Стейлы открывается рассмотрением эмпириокритического опыта обновления народнической доктрины Михайловского-Лаврова и общего влияния эмпириокритицизма на представителей позднего народничества. Затем фокус смещается на дискуссии вокруг обновления марксистской доктрины. Итальянская исследовательница особо подчеркивает тот факт, что феномен рецепции эмпириокритицизма русской мыслью очень разнообразен и не сводим к советской историографической формуле: «меньшевики-махисты» vs «большевики-ортодоксальные марксисты».

Успех научной работы Стейлы обусловлен, как нам думается, выбором исследовательской методологии и опорой на большое количество первоисточников (включая архивные материалы). Сочетание метода историко-философской реконструкции, текстологического анализа и сравнительно-исторического метода дает возможность показать «живой» интеллектуальный процесс, взаимосвязь и различия мировоззренческих течений, тем или иным образом воспринявших идеи эмпириокритицизма. Примечания и библиография составляют половину книги, проработан колоссальный объем материала²⁰⁶. Создается впечатление, что Стейла хотела бы буквально каждое рассуждение документировать тем или иным первоисточником, сведя, таким образом, свое авторское присутствие в тексте до минимума.

Первая часть книги описывает процесс проникновения эмпириокритицизма в русскую культуру и «перепутье независимо развивающихся в дальнейшем народничества, марксизма и академической философии»²⁰⁷. Автор пунктуально восстанавливает интеллектуальную биографию, философские и политические взгляды русских эмпириокритиков: народническое прочтение эмпириокри-

²⁰⁶ Библиографический список состоит преимущественно из первоисточников: статьи и рецензии в сборниках, журналах и газетах, воспоминания, письма и другие материалы многочисленных архивов (как российских, так и зарубежных). Помимо этого в библиографический список включен значительный объем зарубежной историографии русской философии, касающейся темы исследования.

²⁰⁷ *Стейла Д.* Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). С. 20.

тицизма В.В. Лесевичем²⁰⁸ и В.М. Черновым, оригинальную интерпретацию теории жизненных рядов Авенариуса А.В. Гуревичем, общение с Авенариусом рабочего-философа В.В. Тронина, философский проект укрепления марксизма А.В. Луначарского²⁰⁹, эмпириомонизм А.А. Богданова²¹⁰, рецепцию концепции Маха университетскими профессорами (Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Г.И. Челпанов, Р.Ю. Виппер, А.Н. Щукарев, Н.А. Умов и др.). Стейлу особо интересуют адаптация концепций Маха и Авенариуса русскими мыслителями для их текущих теоретико-практических нужд. Перед читателем предстает мозаика русской интеллектуальной жизни: многообразие полемики на страницах журналов и политической трибуне, теоретико-гносеологические столичные диспуты и споры в эмиграции, философские будни махистов в калужской и вологодской ссылках, фракционные разделения и Каприйская школа. Отметим, что большинство рассмотренных персоналий практически не упоминается в постсоветских историографических исследованиях. Таким образом, работа Стейлы проблематизирует и вводит в широкий научный оборот целый пласт идей, дискуссий и фигур.

Во второй части своего исследования Стейла демонстрирует «латентный конфликт внутри русского марксизма»²¹¹, описывая споры вокруг эмпириокритицизма после революции 1905 г. и «религиозные искания»²¹² критических марксистов. Завершение насыщенной истории эмпириокритицизма в России автор не связы-

²⁰⁸ Взглядам Лесевича Стейла посвятила отдельную обширную статью (*Steila D. V.V. Lesevich: la recezione dell'empiriocriticismo in Russia (1878–1905) // Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea. Milano, 1990. P. 167–194.*

²⁰⁹ *Стейла Д.* В.В. Тронин и А.В. Луначарский в Цюрихе: судьбы двух русских философов-эмигрантов // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 128–141.*

²¹⁰ Жизни и творчеству А. Богданова итальянская исследовательница посвящает несколько отдельных работ (*Стейла Д.* Предисловие // *Неизвестный Богданов. Т. III: Десятилетие отлучения от марксизма. М., 1995. С. 5–21; Steila D. From Experience to Organization: Bogdanov's Unpublished Letters to Bazarov // Aleksandr Bogdanov Revisited. Helsinki, 2009. P. 151–172.*

²¹¹ *Стейла Д.* Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). М., 2013. С. 180.

²¹² Статья Д. Стейлы, затрагивающая тему «богонскательства»: *Steila D. La religione dell'umanità. Gli inizi del collettivismo di Gor'kij (1907–1910) // AION-Slavistica. 1995. № 3. P. 303–327.*

вает лишь с политическими разногласиями и резонансом, вызванным работой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Напротив, Стейла подчеркивает, что критические философские положения, выдвинутые Лениным, определены форматом дискуссионного поля XX столетия и являются политическим порождением эпохи, а не оригинальным философским произведением. Такая сниженная оценка ленинского труда, как нам представляется, обусловлена чрезмерным положительным вниманием к нему в советской историографии и очевидными симпатиями автора к более «сложным» взглядам эмпириокритицистов. Причину того, что в 1910-х гг. русский вариант эмпириокритицизма постепенно сходит на нет, Стейла видит в самой природе философских исканий русских интеллектуалов, в их стремлении к цельному мировоззрению, способному объяснить как природу, так и общество и служить основой для действия. Постоянный поиск неизбежно приводил к смене философской моды. Это позволяет исследователю сделать следующий вывод: «Прочтение европейских философов в России почти никогда не было “академическим”, всегда смешиваясь с характерными для определенного исторического периода настроениями и становясь в итоге знаменем того или иного политического курса»²¹³.

Сходных с Д. Стейлой методологических позиций (при этом не ссылаясь на нее и не упоминая эту работу в библиографическом списке) придерживается А.О. Коптелов – автор монографии «Материализм и эмпириокритицизм»: pro et contra»²¹⁴. Анализируя отдельные философские положения, выдвинутые Лениным в книге «Марксизм и эмпириокритицизм», он демонстрирует оригинальность исследовательских подходов представителей эмпириокритицизма к разрешению ряда вопросов психофизической проблематики в ее онтологической перспективе, впоследствии подвергнутых резкой критике сторонниками ортодоксального марксизма. Автор особо акцентирует различия точек зрения внутри самой марксистской плехановской школы (Л.И. Аксельрод, А.М. Деборин и др.). Последнее отсутствует в работе Стейлы, которая рассматрива-

²¹³ Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). С. 10.

²¹⁴ Коптелов А.О. «Материализм и эмпириокритицизм»: pro et contra. Нижний Новгород, 2009.

ет школу Плеханова как единый монолитный феномен. Однако Коптелов фокусируется на спорах между ортодоксальными марксистами и махистами, в то время как Стейла создает настоящую «историко-философскую эпопею», привлекающую внимание международного историко-философского сообщества к таким специальным проблемам русской мысли, как критический пересмотр марксизма, феномен русского эмпириокритицизма, неокантианства, прагматизма и др.²¹⁵ Исследование подобного уровня до сих пор отсутствует в отечественной историографии, хотя отдельные эпизоды разрабатываются намного подробнее, нежели представлены в работе итальянской исследовательницы.

Освещение неокантианства и прагматизма²¹⁶ в русской философской культуре дается Стейлой в серии статей. Рассматривая русское неокантианство как проект идеалистического пересмотра марксизма, автор касается лишь некоторых историко-философских эпизодов, особенно марксистской дискуссии вокруг сборника «Проблемы идеализма». Стейла разделяет позицию известной отечественной исследовательницы неокантианства Н.А. Дмитриевой, которая считает, что русских мыслителей «привлекало стремление немецких коллег обосновать и систематически развить такую философию, которая, с одной стороны, была бы логикой и методологией науки, а с другой, – сама бы строилась в соответствии с идеалами научности, то есть сама была бы наукой»²¹⁷. Позиции авторов сборника «Проблемы идеализма», как показывает Стейла, не только не выпадали из мейнстрима революционной общественной мыс-

²¹⁵ Помимо прочего, Стейла делает акцент в своем исследовании на ряде специфических исследовательских тем, систематическое исследование которых пока остается делом будущего: рецепция концепций Маха и Авенариуса университетскими профессорами в России; теоретическая преемственность между предреволюционным «махизмом» и постреволюционным режимом; родство сталинизма и идей махизма; история развития эмпириокритического учения в Грузии, Армении и Азербайджане и др.

²¹⁶ *Стейла Д.* История и идеалы: значение некоторых неокантианских тем в спорах русских марксистов на рубеже XIX и XX вв. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М., 2010. С. 328–342; *Стейла Д.* Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм // *Вопр. философии.* 2012. № 1. С. 129–143.

²¹⁷ *Дмитриева Н.А.* Неокантианство и Лев Толстой: от «наукоучения» к учению о человеке. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М., 2010. С. 379.

ли, но в какой-то момент определяли этот мейнстрим. Идеализм, по ее мнению, «вовсе не рассматривался как антитезис марксизма»²¹⁸, но представлялся новым его фундаментом. Несомненная заслуга Стейлы заключается в категорическом отрицании упрощенного взгляда на «идеализм» русских критических марксистов. Она считает, что «Булгаков, Бердяев и Струве пытались подвести этический фундамент под “социальные идеалы”, отвергая то, что они порицали как детерминизм и экономизм в ортодоксальном марксизме, равно как и в немецком ревизионизме, ибо Бернштейн был отвергнут ими как буржуазный филистер»²¹⁹.

Можно сказать, что у работ Д. Стейлы двойной исследовательский фокус: 1) интерпретация и развитие того или иного европейского течения русскими философами и 2) идейная полемика вокруг марксизма в России. В центре ее работ почти всегда находится эпоха кризиса русского марксизма и поиск достойного идейного течения – «преемника». Подход итальянской исследовательницы, базирующийся на объективной исторической реконструкции взглядов мыслителей и на «археологии» фактов, несомненно восстанавливает истинное значение споров вокруг марксизма в противоречивый период конца XIX – начала XX вв. Труды представительницы историко-философской линии, тематически и логически продолжившие серию фундаментальных историографических работ ее научных предшественников, определенно повлияли на преодоление идейной изоляции, в которой находился русский марксизм как в западной, так и в отечественной историографической науке.

Историко-философская ориентация проявляет себя как закономерное продолжение предыдущих этапов развития университетского направления исследования русской мысли. Благодаря традиции историко-философского россиеведения, заданной В. Джустини, Ф. Вентури, В. Страда²²⁰ и ориентированной на широкий и ква-

²¹⁸ *Стейла Д.* История и идеалы: значение некоторых неокантианских тем в спорах русских марксистов на рубеже XIX и XX вв. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. С. 336.

²¹⁹ Там же. С. 335.

²²⁰ Кроме указанных авторов назовем Джованни Мастройани (Giovanni Mastroianni), Джулию Лами (Giulia Lami), Франко Баттистрада (Franco Battistrada). Эти исследователи специально не упоминаются в настоящей работе в силу невозможности вместить в ее ограниченные рамки рассмотрение научной деятельности всех значимых представителей итальянской историографии русской мысли.

лиффицированный охват русской интеллектуальной жизни от феномена декабризма до работ Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева, на настоящем этапе появилась возможность дальнейшего и более углубленного изучения предмета. В процессе разработки историографических проблем выделились своего рода сквозные темы, составившие основу концептуализации и теоретического обобщения материала. К ним прежде всего нужно отнести русский марксизм и социализм, нигилизм, славянофильство, анархизм, советский диалектический материализм. Исследовательская смелость авторов проявляет себя в выборе «маргинальных», мало изученных проблем русской историко-философской мысли (такowymi на момент выхода были труды: Ф. Вентури «Русское народничество» (1952 г.), А. Мазоеро «Василий Павлович Воронцов: экономическая культура народничества (1868–1918)» (1988 г.), Д. Стейла «Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910)» (1996 г.) и др.). Представители историко-философской линии стремятся идти непроторенным путем, в определенном смысле реформируя исследовательскую парадигму и расширяя границы историографии русской философии.

В методологическом плане можно выделить следующие общие черты направления, придерживающегося историко-философской мировоззренческой ориентации: 1) стремление к освобождению тем русской философской мысли от идеологического штампа (советского и советологического); 2) последовательная историческая реконструкция темы (в том числе посредством архивных документов и текстов); 3) пристальное внимание к интеллектуальной биографии мыслителей и к контексту эпохи; 4) особый акцент на взаимоотношении русской и европейской мысли, на компаративистском сопоставлении европейских концепций и их «русских вариантов». Сюжеты русской интеллектуальной культуры, социально-политическая мысль и радикальные движения продолжают рассматриваться приверженцами направления историко-философской ориентации преимущественно как часть общеевропейской культуры и социаль-

К слову, архив ныне покойного Дж. Мastroianni (1921–2016), автора трудов «Философия в России перед революцией: “Вопросы философии и психологии”, 1890–1917», «Русские философы XX в.» и др. (*Mastroianni G. La filosofia in Russia prima della Rivoluzione. I “Voprosy filosofii i psichologii”*. Milano: Guerini e Associati, 1989; *Mastroianni G. Pensatori russi del Novecento*. Roma: L’officina tipografica, 1993), передан Туринскому университету.

но-политической жизни, а сама Россия – как часть Европы. Ценной стороной такого рода исследований является своеобразный критически-комплиментарный подход, проявляющийся в признании самостоятельности и многообразия русской интеллектуальной жизни, в подчеркивании особого звучания европейских доктрин на русской идейной почве и в отсутствии «черно-белого» описания течений, фактов, персоналий и историй их взаимодействия. Выводы в работах ученых данной линии всегда довольно сдержанные и взвешенные. Однако последнее можно отнести и к исследовательским издержкам. Так, стремясь к максимальной научной объективности и беспристрастности в освещении предмета исследования, авторы зачастую вовсе уstraняются от оценочных суждений по содержательным вопросам, говоря о своей позиции как бы между строк. Аналитическая составляющая исследований в данном случае уступает повествовательно-исторической.

Несмотря на точность и нетривиальность ряда частных характеристик, несомненно представляющих интерес и для отечественных исследователей русской культуры и философской мысли, следует отметить другой существенный недостаток, присущий данной мировоззренческой ориентации. Речь идет о тенденции игнорирования авторами религиозного измерения русской интеллектуальной культуры. Определенные основания для этого коренятся в светском характере итальянской академической среды. Однако необходимо помнить, что обособленность русской религиозной философии от светской радикальной и либеральной мысли никогда не была абсолютной. Она оборачивалась сложной диалектикой отношений и полемикой между различными течениями и творческими позициями отдельных мыслителей. Если в историографических работах постсоветского периода заметен существенный перекоc внимания в сторону религиозно-философских концепций русских мыслителей и их полемики с интеллигентской радикальной культурой, то в университетской итальянской историографии внимание к данному феномену весьма ограниченное. Вполне поправимым пробелом представляется отсутствие обобщающего труда по истории русской мысли, который синтезировал бы в себе перспективные наработки историко-философской линии на основе сходных методологических и ценностных установок. Несмотря на определенные недостатки, эта прогрессивная мировоззренческая

ориентация является одним из реальных научных флагманов в изучении течений и персоналий русской социально-философской мысли. С исследователями русской философии такого склада возможен и необходим научный диалог.

Проблема начала и оригинальности русской философии

Если на этапе своего зарождения и становления инициатива в изучении русской мысли принадлежала ученым-энтузиастам россиеведения, то в современных итальянских исследованиях русской философии присутствует тенденция к специализации внутри университетского направления. Основу университетского направления составляют ученые, сфокусированные на частных проблемах мировой мысли, истории и науки и в том числе исследующие вклад русских мыслителей в решение этих специальных проблем (С. Тальягамбе, Н. Боско, Р. Салиццони, К. Кантелли, С. Дживоне и др.). Чаще всего данная категория специалистов обладает знаниями по конкретным течениям, эпохе и персоналиям русской мысли, но не стремится к формированию цельного представления об истории русской философии. Особенно ценным нужно признать то, что русская мысль изучается большинством итальянских ученых наравне с западной как часть общемировой истории идей. Это способствует постепенному включению имен русских мыслителей в общие курсы по мировой эстетике, метафизике, философии науки и, следовательно, закреплению предмета русской философии в итальянской академической среде.

Обобщая особенности и тенденции университетского направления, тезисно выделим следующие его черты: 1) тенденция к осмыслению русской религиозной мысли в ее «светском» варианте; 2) внимание к историческому контексту исследуемой проблемы и интеллектуальной биографии мыслителей; 3) установка на компаративистское сопоставление европейской и русской мысли (при этом русская философия рассматривается как часть общеевропейской мысли); 4) специализация исследователей русской мысли; 5) слабая институционализация русской философии (незначительное количество специальных курсов, дипломных и диссертаци-

онных работ); б) наличие определенной «историко-философской моды» (большинство исследований хронологически концентрируются вокруг течений и персоналий начала конца XIX – начала XX вв.). Последнее представляется содержательным недостатком университетского направления. Практически отсутствуют исследования русской философии первой половины XIX в., не говоря уже о более ранних этапах развития отечественного любомудрия, преимущественно вынесенных за скобки историко-философских приоритетов университетского направления. Этот своеобразный исследовательский «перекос» свойственен как итальянской, так и отечественной историографии. Для последней по объективным историческим причинам большая часть разнообразных течений мысли рубежа XIX–XX вв., а также философия русской эмиграции открылись как исследовательская проблема сравнительно недавно, и на «возвращение забытых имен» были направлены основные усилия российских историков философии. Однако в Италии возможность изучения данного периода существовала всегда. Такой преимущественный исследовательский фокус университетского направления предположительно обусловлен тем, что русская философия с конца XIX в. итальянским авторам ближе и понятнее, т. к. в этот период усиливается тенденция к систематической, научно-понятийной форме выражения русского мировоззрения.

Перечисленные особенности университетского направления влияют на формируемый итальянскими авторами образ русской философии. Эта специальная тема требует отдельного подробного исследования. В рамках настоящей работы автор посчитал нужным обозначить некоторые наиболее репрезентативные мнения представителей университетского направления с целью выявления наиболее значимых мировоззренческих векторов по данному вопросу.

Солидных обобщающих историко-философских трудов, подобных работам А. Валицкого, Ф. Коплстона, Вильгельма Гердта (Wilhelm Goerd), в итальянской академической среде на настоящий момент не создано. Представления об образе и специфике русской мысли растворены в корпусе трудов ученых либо резюмированы ими в специальных статьях и монографиях: Д. Стейла «Русская философия между родиной и диаспорой», «Русская философия: между Западом и Востоком»; Н. Боско «Русская религиозная мысль»; С. Тальягамбе «Дивергенция в революции. Философия,

наука и техника в России (1920–1940 гг.)», «Материализм и диалектика в советской философии»; Дж. Мастрояни «Русские мыслители XIX в.», В. Страда «Символ и история: характерные черты и проблемы России XX в.», «ЕвроРоссия: литература и культура от Петра I до революции»; Л. Сатта-Боскиан «Просвещение и степь. XVIII век в России», К. Кантелли «Русская философия: анаморфозы западной философии»; А. Вентури «Историко-культурные типы» в русской социальной мысли XIX в.»²²¹. Полного единомыслия в авторских мнениях, конечно, не наблюдается. Относительное методологическое единство взглядов на историю и специфику русской мысли обусловлено установкой академических исследователей на рассмотрение философского процесса в России как части общеевропейского философского развития. Поэтому среди итальянских авторов мы не находим защитников «существенного своеобразия русской философии» (В. Эрн) или, наоборот, горячих сторонников сугубой подражательности русской мысли (хотя таковые все же встречаются). В этом смысле позиция итальянских ученых близка точке зрения Валицкого (его труды пользуются большой популярностью среди итальянских россиеведов), согласно которой русская философия является органической частью европейской философии и должна рассматриваться в сравнении с ней, а не в противопоставлении.

Следуя в целом установке, согласно которой русское Просвещение и русская философская мысль возникли и продолжали развиваться под влиянием западноевропейского мышления, итальянские авторы отмечают при этом оригинальность восприятия этого влияния русскими философами. В данном контексте

²²¹ *Steila D.* La filosofia russa tra patria e diaspora. Storia della filosofia, Vol. VI, t. I. Bari, 1999. P. 172–195; *Steila D.* Tra Oriente e Occidente: la filosofia russa. Storia della filosofia, Vol. V. Bari, 1997. P. 236–259; *Bosco N.* Il pensiero religioso russo. Dio nella filosofia del Novecento. Brescia, 1993. P. 502–511; *Tagliagambe S., Rispoli G.* La divergenza nella rivoluzione. Filosofia, scienza e teologia in Russia (1920–1940). Brescia, 2016; *Tagliagambe S.* Materialismo e dialettica nella filosofia sovietica. Torino, 1979; *Mastroiani G.* Pensatori russi del Novecento. Roma, 1983; *Strada V.* Simbolo e storia: aspetti e problemi del Novecento russo. Marsilio, 1988; *Strada V.* EuroRussia: letteratura e cultura da Pietro il Grande alla rivoluzione. Roma, 2005; *Satta-Boschian L.* Illuminismo e la steppa Settecento russo. Roma, 1994; *Cantelli C.* La filosofia russa: anamorfosi della filosofia occidentale. Firenze, 2010; *Venturi A.* I “tipi storico-culturali” nel pensiero sociale russo del secondo Ottocento // Studi storici. 2001. № 3. P. 589–610.

обращает на себя внимание следующая мысль исследовательницы творчества Н. Бердяева Анжелы Джустино (Angela Giustino): «Русские философы на рубеже XIX и XX вв. выработали оригинальные и очень важные для всей цивилизации идеи на питательном гумусе западной мысли... Русская мысль – питательная лимфа для слишком интеллектуальной и рациональной европейской культуры»²²². Похожий тезис встречаем у Н. Боско. Считая русскую философию неотъемлемой частью мировой истории мысли, которая находится в непрестанном диалоге с Европой и заимствует у последней принципы научного философского построения, Боско признает оригинальность, присущую концепциям русских авторов, и их вклад в переосмысление общего цивилизационного пути. В этом отношении репрезентативна следующая характеристика В.С. Соловьева, данная туринским исследователем: «В. Соловьев – философ типично национальный и абсолютно универсальный»²²³.

Примечательно, что критика западного рационализма русскими мыслителями воспринимается итальянскими учеными весьма позитивно как одно из наиболее интересных проявлений неравнодушного русского ума. Большинство специалистов склонно полагать, что Россия – это «другое» Европы и к ее мнению Европе нужно прислушиваться, чтобы лучше понять себя. Однако итальянские авторы, в свою очередь, не жалеют для русской мысли и ее историков подчас резких критических замечаний и оценок. Утверждения о том, что русские философы творчески восприняли общеевропейскую традицию мысли и оставили оригинальные советы своим потомкам, никак не противоречат их борьбе с чрезмерным акцентом на слово «русский» в словосочетании «русская философия» и критике чрезмерной «россиицентричности» взглядов отечественных любомудров.

Мотивированное осуждение «национализма» постсоветской историографической науки содержится в статье Д. Стейлы «Идея «русской философии» как элемент коллективной идентичности»²²⁴. Понятие «русская философия» спорно, по ее мнению, с двух сторон: во-первых, что считать философией в России и,

²²² *Giustino A.* Nikolaj Berdjaev e la megamacchina planetaria. Napoli, 2012. P. 31.

²²³ *Bosco N.* Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità. Padova, 2005. С. 16.

²²⁴ *Стейла Д.* Идея «русской философии» как элемент коллективной идентичности: Исторический очерк // Соловьевские исслед. 2011. № 4. С. 41–54.

во-вторых, что есть собственно «русское» в этой философии? Этот вопрос неоднократно поднимался во многих докладах, статьях, выступлениях отечественных историков философии и стал уже общим местом. Ценным вкладом Стейлы в понимание этого вопроса стала последовательная историческая реконструкция изменений образа русской философии в российской историографии с середины XIX в. до постсоветского периода. Туринский исследователь делает вывод о постоянной трансформации этого образа в угоду идеологическим доминантам и для конструирования определенной коллективной идентичности русского народа. В постсоветской историографии, согласно ее мнению, русская философия становится конструктом «воображаемой» философии с оттенком национальной уникальности посредством активной однонаправленной деятельности мыслителей русского зарубежья. Во избежание перекосов в отождествлении русской философии с одним из ее течений Стейла предлагает вообще отказаться от оценочного подхода, выражающегося в специальном поиске «русскости». И здесь ее мнение схоже с пожеланием Дж. Скэнлана в адрес русских философов «оставить претензии на самобытность и присоединиться к традиции “мировой философии”»²²⁵.

При всем своем критическом настрое, Стейла по-своему комплиментарна по отношению к русской философии. Исследователь подчеркивает в русской мысли важную диалогичную составляющую: полемику, которую она ведет с Европой, так как ей есть что сказать. В целом же Стейла призывает говорить о самой возможности построения национальной философии крайне осторожно. Ее позиция представляется во многом схожей с мнением Б.П. Вышеславцева о том, что не существует никакой специально русской философии, но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения, т. е., как говорит А.А. Ермичев, общечеловеческие темы даются в «русском изводе, в изводе нашей сложной и тяжелой, подчас трагической истории»²²⁶. К подобному же выводу Стейла приходит, размышляя в своих монографиях о русской рецепции марксизма, эмпириокритицизма,

²²⁵ Скэнлан Дж. Нужна ли России русская философия? // *Вопр. философии*. 1994. № 1. С. 62.

²²⁶ Ермичев А.А. С русскости русской философии: в ответ В.Н. Сагатовскому // *Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад.* 2009. Т. 1. № 4. С. 111.

неокантианства, непосредственно связывая особенности интерпретации и развития европейских учений русскими философами с социально-историческим контекстом.

Отдельных итальянских исследователей отличает резкий критицизм по отношению к основным проблемам русской мысли («проблема России», эсхатологическая и историософская проблематика). К. Кантелли делает вывод об избыточном «россиоцентризме», мессианизме и чрезмерном антизападничестве русской мысли. Ее принципиальная позиция заключается в том, что все национальные философские традиции проходят через этап встречи с западной мыслью. Спектр этих отношений варьируется от желания уподобления до радикального сопротивления, которое обычно проявляется в отстаивании уникальности собственной традиции. В этом своеобразном философском национализме усматривается попытка освободиться от «интеллектуального колониализма». В статье «Русская философия: анаморфозы западной философии»²²⁷ итальянская исследовательница обосновывает тезис о том, что сам термин «русская философия» представляет собой «парадокс»: рожденная от контакта с европейской культурой в XVIII в. в процессе «пассивного» Просвещения, философия в России строит свою оригинальность на дистанцировании себя от западной мысли, на ее критике, т. е. западная философия постоянно заимствуется, затем в ходе рецепции искажается и критикуется с последующим от нее отторжением как от чего-то губительного и опасного (так, по мнению исследовательницы, произошло в случае с Гегелем, Кантом, Фейербахом, Ницше и концепциями иных европейских мыслителей). При этом провозглашается уникальность собственной миссии России: призывание к спасению Европы.

Кантелли озвучила по-итальянски общие места зарубежной критики национализма в русской философии. Одним из таких общих мест является толкование причины осуждения западного *ratio* русскими мыслителями в духе ресентимента или юнговского «коллективного бессознательного» (идея прогресса в России ассоциируется со смертью: кости людей, погибших при строительстве

²²⁷ *Cantelli C. La filosofia russa: anamorfosi della filosofia occidentale. Firenze, 2010.* Основные положения статьи были использованы автором для написания главы про русскую философию для сборника «Философия в мире». *Filosofie nel mondo. Milano: Bompiani, 2014.*

Санкт-Петербурга). Видимо, будучи несомненным знатоком и ценителем отдельных эстетических концепций русских мыслителей, Кантелли не обладает системным знанием о русской философии; при этом она не избежала повторения распространенных штампов и стереотипов, не основанных на реальных эмпирических данных из истории русской мысли.

Поверхностные суждения о русской философской культуре, стереотипы и штампы, безусловно, вредят ее образу, служа помехой для развития серьезного академического интереса. Большинство работ, затрагивающих специфику русской мысли, относятся в Италии к трудам «внутреннего пользования», т. е. циркулируют в узком кругу специалистов. Однако существует ряд работ для широкого круга итальянской аудитории, что свидетельствует об определенной востребованности русской философии общественным сознанием. Примером тому служат небольшая брошюра известного итальянского журналиста Армандо Торно (Armando Torno) «Философия в России»²²⁸ и книги Доменико Ковьелло (Domenico Coviello) «Мозаика русской философии» и «Приглашение к русской философии»²²⁹. Автор затрудняется причислить Торно и Ковьелло к какому-либо направлению исследования русской мысли, предпочитая относить их к феномену «случайных авторов». Как раз ввиду их «случайного», т. е. дилетантского, отношения к предмету своих интерпретаций, они создают едва ли не анекдотическое представление о русской мысли. Торно начинает свое повествование с шутки о том, что «русская философия, как и Россия в целом, очень большая и постоянно оккупированная немцами»²³⁰. Далее, раскрывая этот образ, автор непрестанно подчеркивает, что без немецкой философии не было бы и русской.

Работы Ковьелло претендуют на более высокий статус учебного пособия. Основным методологическим приемом автор избирает противопоставление европейской и русской мысли, делая вывод о том, что русская мысль отстала, т. к. в России не было расцвета схоластики, эпохи Возрождения и т. д. Автор всячески подчеркивает

²²⁸ Torno A. *La filosofia I Russia*. Milano, 2013.

²²⁹ Coviello D. *Schegge sulla filosofia russa. Breve storia della filosofia russa dalle origini a Gorbaciov*. Cermenate, 2007; Coviello D. *Invito alla filosofia russa*. Romagnano al Monte, 2013.

²³⁰ Torno A. *La filosofia I Russia*. Milano, 2013. P. 13.

«варварство» русских, с большим запозданием ознакомившихся с идеями Данте, Фомы Аквинского, Коперника, Галилея. Иронические нотации на страницах работы Ковьелло соседствуют с презрительными замечаниями в адрес отдельных русских мыслителей и идейных течений. Концепцию Н.Я. Данилевского исследователь считает «нетолерантным национализмом»²³¹. Про К.Н. Леонтьева пишет, что его «мысль имела, без сомнений, слабое философское значение, а его политические идеи умалила его фанатическая реакционность»²³².

Автор привел лишь некоторые оценки характера русской мысли с целью продемонстрировать наличие полярных суждений и в то же время обнаружить основополагающую установку квалифицированных исследователей университетского направления на объективное освещение русской интеллектуальной истории. Авторитетное мнение М.А. Маслина о том, что «русская философия имеет свою неповторимую судьбу, оставаясь при этом философией – носительницей универсального опыта, обращенного ко всеобщему», и что «источник этого универсального опыта во многом определяется связью русской мысли с европейской философской традицией, которая никогда не прерывалась при всех драматических переломах отечественной истории»²³³, в целом разделяется учеными университетского направления. Вот только хронологически для итальянских авторов связь русской мысли с европейской традицией начинается с эпохи реформ Петра I. И в этом моменте они расходятся с концепцией «интегральной истории русской философии», представляемой в виде целостной картины, отражающей все главнейшие этапы и течения русской мысли, начиная с книжной культуры Киевской Руси. Однако в итальянском философском россиеведении (пусть и в ограниченном временном континууме) все же имеет место полнокровный поток русской интеллектуальной истории, многообразие течений, персоналий, тем и концепций. Такой базис представляется плодотворным «прологом» дальнейшего процесса систематического изучения истории русской мысли итальянскими специалистами.

²³¹ *Coviello D.* Schegge sulla filosofia russa. Breve storia della filosofia russa dalle origini a Gorbaciov. Cermenate, 2007. P. 156.

²³² *Ibid.* P. 170.

²³³ *Маслин М.А.* Европа и Россия: диалог о русской философии // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 26.

Резюмируя суждения представителей университетской линии о русской философии, можно выделить следующие их особенности: 1) акцент на универсальном общеевропейском характере русской мысли; 2) критика концепций «существенной оригинальности» русской мысли; 3) признание вторичности русской философии по отношению к европейской мысли; 4) преимущественно конструктивное принятие критики Запада в текстах русских философов; 5) подчеркивание содержательного созвучия русской мысли проблемам современного мира.

Надо сказать, что позиция итальянских авторов как историков философии не остается неизменной, но трансформируется в процессе исследовательской работы. Итальянские специалисты склонны подчеркивать в русской мысли вненациональные универсальные черты, открытые для обсуждения со стороны иных культур, что расширяет возможности для непосредственного обмена мнениями (конференции, семинары) и диалога через публикации. Критический подход к истории собственной философии и вступление в активный диалог с зарубежными коллегами означает выход русской философии на профессиональный мировой уровень, ее приобщение к единству многообразия.

ГЛАВА 3.

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Основные тенденции и представители

Теологическое направление изучения русской философии обращено преимущественно к русской духовной традиции во всей ее полноте (в том числе и к полноте выразившей ее философской мысли), нацелено на **конструктивный диалог между католичеством и православием**. Если для итальянских университетских исследователей основополагающей ценностью философской традиции, удостоверяющей уровень ее зрелости, является торжество разума и системности, то для теологических исследователей такой высшей ценностью является духовное возрастание человека и нации, и они ищут ответ на вопрос: каким образом философия может стать формой такого служения и как она может приблизить человека к религиозным ценностям? В этом плане «аксиоматика» русских религиозных мыслителей схожа с «аксиоматикой» итальянских исследователей теологического направления. «Изречение Гегеля: “Объект философии тот же, что и объект религии” – глубоко родственно русской душе и вместе с тем верно отражает традицию эллинизма»²³⁴, – пишет Б.П. Вышеславцев в своей известной работе «Вечное в русской философии». Действительно, религиозно-метафизическая ориентация русской философии имеет непосредственную связь с богословием и берет свое начало от того же античного истока, что и западная философская мысль и богословие. Это глубинное сродство и вместе с тем ве-

²³⁴ *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955. С. 8.

ками выработанное своеобразие порождает в католической среде интеллектуальный интерес, целью которого является приобретение ценных идей родственной философско-богословской традиции для развития своих собственных.

Направленность католической богословской мысли на обновление и на диалог с православной традицией, закрепленная на Втором Ватиканском соборе, была подтверждена в энциклике Папы Иоанна Павла II «Свет Востока» (*Oriente Lumen*) в 1995 г. Затем в 1998 году Папа включил в энциклику «Вера и разум» (*Fides et ratio*) имена конкретных русских философов, изучение которых особо поощряется Римско-католической Церковью. В пункте № 74 энциклики сказано следующее: «О плодотворной связи философии со словом Божиим свидетельствуют смелые поиски более близких к нам по времени мыслителей, среди которых я [Иоанн Павел II] хотел бы упомянуть таких представителей западного мира, как Д.Г. Ньюмен, А. Розмини, Жак Маритен, Этьен Жильсон и Эдит Штейн, а из восточной культуры – ученых такого ранга, как В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, П.Я. Чаадаев, В.Н. Лосский. Разумеется, ссылаясь на этих авторов, наряду с которыми можно также упомянуть и других, я не собираюсь производить оценку их взглядов, а только представить их творчество как яркий пример философских размышлений определенного типа, которые обогатились благодаря взаимодействию с истинами веры. Несомненно одно: изучение пути духовного развития этих мыслителей будет способствовать успешным поискам истины и позволит с большей пользой использовать достигнутые результаты в служении человеку. Хочется пожелать, чтобы эта великая философско-богословская традиция нашла в наши дни и в будущем продолжателей и исследователей на благо Церкви и человечества»²³⁵. Подобная поддержка Ватикана определенно стимулирует католических специалистов на изучение наследия русской религиозно-философской мысли.

Конец XX – начало XXI вв. стали крайне плодотворным периодом для изучения русской философско-богословской мысли в Италии. В эти годы опубликован ряд солидных обобщающих

²³⁵ Энциклика Вера и Разум (*Fides et Ratio*), 1998. Пункт 74. Гл. V: Суждения Учительства Церкви в области философии. URL: <http://www.illuminats.ru/articles/205-papa?start=6> (дата обращения: 01.06.2016).

трудов (причем в большинстве работ квалифицированно рассмотрены не только идеалистические течения русской мысли, но и взгляды представителей рационалистической традиции). Среди них: «История русской философской мысли: 988–1988», «Россия-Европа в русской философской мысли», «Русская духовность», «Русская идея. Иное видение человека», «Жар-птица. История русской философии»²³⁶. В эти два десятилетия на итальянском языке изданы поздние основополагающие работы С.Н. Булгакова (малая и большая трилогии), все основополагающие работы П.А. Флоренского и его эпистолярное наследие, переизданы отдельные работы Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, опубликовано несколько трудов В.Н. Лосского и Г.В. Флоровского. Надо отметить, что современный этап изучения русской мысли в пределах теологического направления отмечен доминирующим вниманием к одной фигуре, упомянутой в энциклике «Вера и разум», а именно к П.А. Флоренскому.

Проблемы русской религиозной мысли разрабатываются по большей части в стенах специализированных учебных заведений, таких как: Папский Восточный институт, Папский Григорианский университет, Папский Латеранский университет (Pontificia Universitas Lateranensis), Папская Коллегия Руссикум, Католический университет Святого Сердца (Università Cattolica del Sacro Cuore), **Институт экуменических исследований** Св. Бернардина (L'Istituto di Studi Ecumenici San Bernardino), Высшая школа религиозных наук им. Итало Манчини (Istituto Superiore di Scienze Religiose "Italo Mancini"), **Институт религиозных наук** им. Альберто Марвелли (Istituto Superiore di Scienze Religiose "Alberto Marvelli"). Важными средоточиями изучения русской духовности по-прежнему остаются центр «Христианская Россия» и монашеская община Бозе. В 1991 г. для оживления экуменического диалога между Католической и Православной церквями при Папском Восточном институте были созданы научно-исследовательский центр им. Эцио Алетти (Centro di Studi e Ricerche "Ezio

²³⁶ Piovésana G. Storia del pensiero filosofico russo: 988–1988. Milano: Paoline, 1992; Piovésana G. Russia-Europa nel pensiero filosofico russo. Storia antropologica. Roma: Lipa, 1995; Špidlík T. La spiritualità russa. Roma, 1991; Špidlík T. L'idea russa: un'altra visione dell'uomo. Roma, 1995; Asnaghi A. L'uccello di fuoco. Storia della filosofia russa. Gorle: Servitium, 2003.

Aletti” и издательство «Липа» (Lipa). Одна из ключевых миссий центра – распространение знаний о русской культуре и философско-религиозной традиции.

Исследователей теологического направления можно условно разделить на профессиональных богословов и католических ученых. Первых отличает преимущественный профессиональный интерес к восточной богословской традиции, к основополагающим догматическим, апологетическим, экклезиальным и другим специальным теологическим проблемам (Пьеро Кода, Любомир Жак, Адальберто Майнарди²³⁷ (*Adalberto Mainardi*), Стефано Каприо²³⁸ (*Stefano Caprio*), Алдино Каззаро, (*Aldino Cazzago*), Луиджи Раззано (*Luigi Razzano*), Жерардо Чоффари (*Gerado Cioffari*), Баттиста Мондин (*Battista Mondin*). Вторых характеризует комплексный интерес к русской культурной традиции: религии, литературе, философии, искусству (Адриано Дель Аста, Наталино Валентини, Луиджи Медуза (*Luigi Medusa*), Массимо Болонгино (*Massimo Bolongino*), Джузеппе Малафронте (*Giuseppe Malafronte*). Кроме этого, исследователи, принадлежащие к последней группе, как правило, являются сотрудниками итальянских католических университетов и региональных факультетов теологии, подчиняющихся местным итальянским диоцезам, в то время как первых характеризует преимущественно понтификальная аффилиация (понтификальные университеты институты, факультеты, кафедры, центры и т. п.). Примечателен феномен своеобразного историографического «ригоризма» в среде католических авторов. Он проявляется себя двояким образом: 1) принятием официальных документов

²³⁷ А. Майнарди – члену католической общины Бозе, активному деятелю экуменического движения и историку русской мысли – принадлежит первенство в изучении наследия русского ученого монашества. С его участием опубликованы сборники статей о Ниле Сорском (*Nil Sorskij e l'escicismo. Magnano: Qiqajon, 1995*) и о Паисии Величковском (*Autobiografia di uno starec. Magano: Qiqajon. 1998*).

²³⁸ С. Каприо – выпускник Папского Восточного института, католический священник восточного обряда – был одним из основателей Института святого Фомы в г. Москва в 1991 г. (преподавал в Институте патрологии и догматическое богословие). С начала 2000-х гг. – преподаватель Папского Восточного института, читает курс по истории русской философии. Автор исследования о В.И. Несмелове (*V.I. Nesmelov e l'antropologia religiosa russa. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2006*).

Католической Церкви как призыва к научно-исследовательской деятельности (например, вслед за оглашением в 2006 г. энциклики Бенедикта XVI о христианской любви «Бог Есть Любовь» (*Deus Caritas Est*) последовала серия публикаций²³⁹ итальянских богословов о понимании любви, в том числе в русской философско-богословской традиции); 2) ссылкой на официальные документы Ватикана и обильным цитированием понтификов для обоснования важности исследования той или иной проблемы русской мысли.

Со времен Второго Ватиканского собора, который представляется исследователям теологического направления решающим событием во всей полноте социально-культурной и научной жизни Римско-Католической Церкви, католическое богословие переживает время онтолого-антропологического поворота и пересмотра философско-богословской мысли в тринитарном ключе. Доктрина Св. Троицы дополняется персоналистическими категориями, такими как бытие вместе, диалог, единство в любви. Внимание католических авторов концентрируется вокруг следующих важных проблем: обновление еkkлезиальной жизни и теологии, современная нравственная теология, метафизика истории, человек в современном мире, концепция обожения и др. Для решения этих и других проблем итальянские исследователи обращаются к «дружественным» традициям мысли, в том числе к философско-богословскому наследию отдельных русских мыслителей, идеи которых созвучны проблемам современности. Наиболее известные и изучаемые в итальянском католическом мире русские философы: П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, П.Н. Евдокимов, Л.П. Карсавин, В.Н. Лосский, Г.В. Флоровский. Некоторые профессиональные итальянские богословы включают историю и представителей русской религиозной мысли в свои обобщающие работы и учебные пособия по теологии.

Баттиста Мондин – итальянский философ и богослов, профессор Гарвардского университета и декан Папского Урбанианского университета в Риме (*Pontificia Universitas Urbaniana*) – полови-

²³⁹ Приведем примеры нескольких статей: *Žák L.* L'agape nella teologia ortodossa russa. La teologia dell'amore. Stresa, 2006. P. 159–186; *Žák L.* L'amore nella teologia: tra Oriente e Occidente // *Sabornost. The Theological Year-Book. Požarevac (Serbia)*, 2009. P. 29–43; *Valentini N.* La rivelazione dell'amore. Il contributo di Pavel A. Florenskij // *Path*. 2006. № 2. P. 435–451.

ну второго тома своего фундаментального труда про богословов XX в.²⁴⁰ отводит подробным интеллектуальным портретам русских мыслителей (Булгаков, Флоровский, Евдокимов, В. Лосский) и обзору их идей. Автор также включает ключевую информацию о русских философах в свою обобщающую работу по современной теологии «История богословия: современная эпоха»²⁴¹. Вторую половину XIX в. исследователь называет периодом «пробуждения русского богословия»²⁴², а мысль русских религиозных мыслителей первой половины XX в. он находит конгениальной проблемам современного мира и человека. Сходной позиции придерживается большинство католических исследователей, отдающих предпочтение изучению русской философско-богословской мысли конца XIX – первой половины XX вв. Не имея возможности обозначить научно-исследовательские достижения всех крупных представителей теологического направления, кратко скажем лишь о некоторых и затем выделим архетипичные для данного направления представления об образе и характере русской философии.

«Русские исследования» профессиональных богословов

Среди современных профессиональных итальянских богословов одним из наиболее квалифицированных специалистов по русской религиозно-богословской мысли является профессор Папского Латеранского университета Пьеро Кода. Профессор Кода имеет сан пресвитера Католической Церкви, занимает должности директора института «София» в г. Лоппиано (L'Istituto Universitario Sophia) и президента Ассоциации итальянских богословов, выступает как активный участник экуменического диалога Католической и Православной Церквей. Кода был учеником Н. Боско, окончил Туринский университет. Затем, получив диплом Папского Латеранского университета по специальности «Догматическая теология», он стал преподавателем этого университета и собрал вокруг себя единомышленников, интересующихся русской религи-

²⁴⁰ *Mondin B.* I grandi teologi del secolo XX. Vol. II, I teologi protestanti e ortodossi. Torino, 1972.

²⁴¹ *Mondin B.* Storia della teologia: Epoca contemporanea. Bologna, 1997.

²⁴² *Ibid.* P. 572.

озной философией. Перу Кода принадлежит несколько авторитетных обобщающих работ по богословию, в которых есть разделы, освещающие концепции русских религиозных мыслителей²⁴³.

Профессор Кода развивает философско-богословские основы тринитарной онтологии, обращаясь, помимо наследия Отцов Церкви и западных мыслителей (Григорий Нисский, Фома Аквинский, Бонавентура, Гегель, Шеллинг, Розмини-Сербати), к наследию С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, Л.П. Карсавина, П.А. Флоренского. Основным предметом его «русских исследований» с конца 1980-х гг. является религиозно-богословское наследие С. Булгакова²⁴⁴. На теологическом факультете Папского Латеранского университета Кода читает курс «Жертвенная христология и тринитарное таинство у С. Булгакова». Среди многочисленных квалифицированных публикаций католического исследователя о Булгакове²⁴⁵ на первое место по оригинальности, по мнению автора, претендует монографическое исследование «Другое Бога. Откровение и кенозис у С. Булгакова»²⁴⁶. Эта работа считается одной из первых крупных европейских монографий, раскрывающих жизнь и учение русского философа после известной работы Л. Зандера «Бог и мир (миросозерцание отца Сергия Булгакова)»²⁴⁷. Кода предпринял серьезную попытку по установлению связи между христологией и софиологией мыслителя. Кенозис Христа,

²⁴³ *Coda P.* Dio Uno e Trino. Rivelazione, esperienza e teologia del Dio dei cristiani. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2009; *La Teologia del XX secolo*. In 3 voll. / A cura di Coda P., Canobbio G. Roma: Città Nuova, 2003.

²⁴⁴ Итальянские специалисты активно разрабатывают специальные проблемы учения С. Булгакова. Во Франции и Швейцарии, где, как и в Италии, опубликованы все основополагающие работы С. Булгакова, исследования менее интенсивны.

²⁴⁵ *Coda P.* Lo Spirito Santo come amore ipostatico nella pneumatologia di S. Bulgakov // *La sapienza della croce*. 1987. № 2. P. 125–138; *Coda P.* Un'introduzione storica e metodologica alla cristologia di S. Bulgakov // *Lateranum*. 1989. № 55. P. 435–469; *Coda P.* Cristologia della kenosi e della gloria. La sintesi «sofiologica» di S. Bulgakov // *Introduzione a S. Bulgakov L'Agnello di Dio*. Roma, 1990. P. 11–35; *Coda P.* Per una rivisitazione teologica della sofiologia di Sergei N. Bulgakov // *Filosofia e teologia*. 1992. № 6. P. 216–235; *Coda P.* Trinità, sofiologia e cristologia in S. Bulgakov // *Lateranum*. 1993. № 49. P. 97–142.

²⁴⁶ *Coda P.* L'altro di Dio. Rivelazione e kenosi in S. Bulgakov. Roma: Città Nuova, 1998.

²⁴⁷ *Зандер Л.А.* Бог и мир (миросозерцание отца Сергия Булгакова). Париж, 1948.

согласно католическому богослову, становится центральным герменевтическим ключом для проникновения в тайну тринитарной любви и в замысел Бога о человеке. Учение Булгакова о Софии представляется автору одним из самых удачных в истории богословия интеллектуальных опытов осмысления христианской тайны. Не соглашаясь с мнением прот. И. Мейендорфа, заявившего, что софиологическая проблематика как научная тема является исчерпанной и у новых поколений исследователей интереса вызвать уже не может²⁴⁸, Кода подчеркивает значимость и актуальность софиологии Булгакова для современного католического богословия и экуменического диалога: «Именно введение софиологической перспективы и упорное стремление по-настоящему углубить ее в пределах, доступных христианину, открывают возможности для мысли, неизвестные западному богословию, которое почти одновременно – даже с разрывом в несколько десятилетий – обращалось к тем же темам осмысления откровения тринитарной Любви-Агаре в пасхальном событии, в единстве божественной сущности (ousia) и отношений Троичного Бога и творения»²⁴⁹. Важный момент, который подчеркивает Кода, заключается в том, чтобы не останавливаться на ограниченном подходе к булгаковской софиологии, поскольку необходимо признать, что «софиологическая и кенотическая перспективы тесно взаимосвязаны, и обе относятся к сфере откровения Троичного Бога»²⁵⁰. В отличие от большинства историков русской философии, Кода настаивает на существенной оригинальности именно позднего богословского периода творчества Булгакова, не считая его забвением живой философской мысли и, судя по всему, абсолютно разделяя следующую позицию русского философа: «Догматическое богословие только и может быть единственно возможной религиозной философией»²⁵¹. Профессор Кода убежден, что в силу оригинальности своей мысли «С. Булгаков принадлежит в равной степени православной традиции и современной русской и европейской религиозной мысли»²⁵². Созвучие

²⁴⁸ Мейендорф И.Ф. Живое предание: свидетельство Православия в современном мире. М., 2004. С. 272.

²⁴⁹ Coda P. L'altro di Dio. Rivelazione e kenosi in S. Bulgakov. Roma, 1998. P. 151.

²⁵⁰ Ibid. P. 150.

²⁵¹ Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. Шестова // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 511.

²⁵² Coda P. L'altro di Dio. Rivelazione e kenosi in S. Bulgakov. Roma, 1998. P. 10.

идей русского философа и западных богословов (в первую очередь А. де Любака, К. Ранера, Х.У. фон Бальтазара) итальянский исследователь неоднократно подчеркивает на страницах своих работ.

В 2015 г. на русский язык была переведена малая монография Кода «Сергей Булгаков», в которой автор отразил часть своих общих взглядов на наследие русского философа, реконструируя духовные основы его творчества и сосредоточившись в первую очередь на его оригинальном философско-богословском учении. Остается надеяться, что эта первая публикация работы итальянского исследователя на русском языке послужит началом дальнейшего научно-историографического общения.

Ученик П. Кода уроженец Словакии Любомир Жак – профессор и преподаватель богословия Папского Латеранского университета – участвовал в собраниях научного кружка своего учителя и в обсуждениях концепций русских религиозных мыслителей. Со студенческих лет Жак серьезно увлекся русской религиозно-философской традицией, в особенности – мыслью С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина и Н.А. Бердяева. Жак публикует квалифицированные статьи по различным аспектам русской мысли на итальянском, испанском, словацком, чешском и английском языках. Его работы отличает широкая компаративистская перспектива. Жак репрезентативно раскрывает комплексную кенотическую традицию русской мысли, берущую начало, по его мнению, в учении святителя Филарета (Дроздова) и трудах А.М. Бухарева, а затем развитую Соловьевым, Флоренским, Бердяевым, Карсавиным и школой М.М. Тареева. Данной специальной проблеме посвящена серия статей исследователя: «Кенозис Христа в “Серебряный век” русской теологии: творчество Л.П. Карсавина», «Кенозис в учении Л.П. Карсавина и актуальность его наследия для диалога конфессий», «Кенотическая теология М.М. Тареева. Глава истории русской православной теологии», «Кенозис Христа и тайна Церкви в софиологии С.Н. Булгакова», «Кенозис Христа и тайна Церкви в софиологии П.А. Флоренского»²⁵³.

²⁵³ *Žák L.* La kenosi di Cristo nella «età d'argento» dell'Ortodossia russa: la prospettiva di L.P. Karsavin (1882–1952) // *Il Crocifisso e le religioni*. Roma, 2002. P. 209–229; *Žák L.* La kenosi nel pensiero di L.P. Karsavin e la sua attualità per il dialogo interreligioso // *Dialegesthai*. Rivista telematica di filosofia. 2002. № 4. URL: <http://mondodomani.org/dialegesthai/lz03.htm> (дата обращения: 21.04.2015); *Žák L.* La teologia kenotica di M.M. Tareev. Un capitolo di storia della teologia or-

Момент пересмотра философско-богословской мысли в тринитарном ключе занимает главенствующее место в научной деятельности Жака. Этим, как представляется автору, обусловлено его внимание к наследию Флоренского, учение которого он характеризует как преимущественно кенотическое и тринитарное. Рецепции творчества русского мыслителя Жак посвятил свою монографию «Истина как этос. Тринитарная теодицея П.А. Флоренского»²⁵⁴. Данная работа отличается последовательной реконструкцией теологической мысли русского философа и в особенности его фундаментальных работ по тринитарной онтологии. Католический теолог обращается в своем исследовании к этическому измерению теодицеи Флоренского, к его христологии и софиологии. Выявляемые о. Павлом онтологические (а не субъектно-психологические) отношения сущностной любви между ипостасями составляют, согласно Жаку, основу тринитарной онтологии. Важнейший момент отношения между ипостасями заключается в опустошении себя ради другой ипостаси – кенозисе – и возвращении истощенной потерянной энергии за счет прославления ее со стороны другой ипостаси. При написании этой монографии Жак работал с архивом Флоренского в Москве, встречался и консультировался с игуменом Андроником (Трубачевым) и С.М. Половинкиным. Для своего времени (работа была опубликована в 1997 г.) книга Жака представляла собой прогрессивный вклад в реконструкцию интеллектуальной биографии и философско-богословского наследия русского философа.

С середины 1990-х гг. Жак изучает различные аспекты мысли Флоренского, включая его философию языка, теорию символа и эстетическую концепцию (статьи: «Символ как теологический путь. Размышления над символизмом П.А. Флоренского»; «Тайна времени как “четвертого измерения” в творчестве П. Флоренского», «П.А. Флоренский: проект и свидетельство тринитарной гносеологии»; «Принципы тринитарной эстетики

todossa russa // La sapienza della croce. 2003. № 1. P. 9–29; *Žák L.* Kenosi di Cristo e mistero della Chiesa nella sofiologia di S.N. Bulgakov // La sapienza della croce. 2005. № 2. P. 117–136 (parte 1); 2005. № 3 P. 233–253 (parte 2); *Žák L.* Kenosi di Dio e mistero della Chiesa nella teologia di Pavel A. Florenskij // La sapienza della croce. 2005. № 4. P. 347–370.

²⁵⁴ *Žák L.* Verità come ethos. La teodicea trinitaria di P.A. Florenskij. Roma, 1998.

П.А. Флоренского»²⁵⁵ и др.). Считая мысль о Павла глубоко христологичной, итальянский специалист критикует Г.В. Флоровского за «православно-фундаменталистский» взгляд на наследие философа. Профессор Жак считает, что именно фигура Христа является прочной эпистемологической базой всего корпуса мысли русского философа. Итальянский исследователь, как нам кажется, иногда предельно схематичен в своем взгляде на комплексный феномен русской религиозной мысли. Создается впечатление, что он условно делит русских философов и богословов на «творческих» и «оригинальных», соответственно, представляющих собою интересных «собеседников» для католической мысли, и на «архаичных», относящих себя к защитникам исторической Церкви и поэтому не имеющих что сказать о современном мире и его проблемах. В частности, о концепции неопатристического синтеза Флоровского Жак отзывается весьма скептически, считая ее явлением регрессивным по сравнению с периодом «пробуждения» русской философско-богословской мысли.

Профессиональные богословы П. Кода и Л. Жак уделяют преимущественное внимание специальным философско-богословским проблемам русской мысли, разработка которых может быть полезна для задач обновления современного католического богословия, не ставя себе целью исследовать русскую религиозно-философскую традицию во всей ее полноте. При этом в качестве несомненно позитивного момента следует отметить, что католические богословы подробно разрабатывают некоторые аспекты идейного наследия русских мыслителей, на которые отечественные историки философии не обращают столь пристального внимания. Так, детально исследованная ими кенотическая перспектива трудов Булгакова и Флоренского остается равно маргинальной темой для российской философской науки и для православного богословия. Кроме того, католические «русские исследования» открывают воз-

²⁵⁵ *Žák L.* Il simbolo come via teologica. Spunti di riflessione sul simbolismo di P.A. Florenskij // *Humanitas*. 2003. № 4. P. 598–614; *Žák L.* P.A. Florenskij: progetto e testimonianza di una gnoseologia trinitaria // *La Trinità e il pensare*. Roma, 1997. P. 193–228; *Žák L.* Il mistero del tempo come “quarta dimensione” in Pavel A. Florenskij // *Dialegesthai*. Rivista telematica di filosofia, № 3, 2001. URL: <http://mondodomani.org/dialegesthai/lz02.htm> (дата обращения: 25.04.2015); *Žák L.* Principi dell'estetica trinitaria di Florenskij // *Rosminiane Sodalitas*. Stresa, 2008. P. 109–125.

возможности для оригинальных работ компаративистского характера: сопоставления идеи русских авторов с аналогичными сюжетами католической и протестантской философско-богословской мысли.

Изучение русской философии католическими учеными

Подход католической науки в лице двух ее представителей – А. Дель Аста и Н. Валентини – отличается от профессионально-теологического подхода тем, что они в большей степени сфокусированы на восприятии русской духовной традиции в ее полноте и развитии. Непосредственный творческий интерес для них представляет сама русская мысль, особенности духовной, культурной и богословской атмосферы, в которой она формировалась, а не отдельные ее сюжеты, которые можно использовать для решения проблем обновления католического богословия. Соответственно, работы католических ученых, не перенасыщенные специальной богословской тематикой и терминологией, ближе к научным канонам философской историографии.

Профессор Адриано Дель Аста – наиболее известный в России католический исследователь русской мысли, т. к. в течение пяти лет он руководил Итальянским институтом культуры в Москве (2010–2015 гг.), встречался с российскими учеными и студентами, читал лекции, выступал с докладами. Он является преемником и продолжателем лучших традиций центра «Христианская Россия», его настоящим вице-президентом и редактором журнала «Новая Европа». Серьезным уровнем проникновения в православную культуру и русскую религиозную мысль отмечено его монографическое исследование «Творчество. Начиная с Н.А. Бердяева»²⁵⁶. В этом труде обозначилась основная методологическая установка ученого: интерпретация идей русских мыслителей с учетом всей полноты культурного и духовного контекста православия. Подчеркивая в одной из статей методологическую неприемлемость «урезанного» рассмотрения истории русской мысли, тесно связанной со всей полнотой культурной и духовной жизни, которая ее подготовила, Дель Аста приводит слова известного амери-

²⁵⁶ Dell'Asta. A. La creatività. A partire da Berdjaev. Milano: Jaca Book, 1977.

канского историка русской мысли Ричарда Пайпса (Richard Pipes): «Даже если историки люди светские, подавляющая часть нации, которую они изучают, была религиозна»²⁵⁷.

Научные достижения Дель Аста многообразны: участие в подготовке к печати переводов трудов русских философов (среди них собрание сочинений В. Соловьева), самостоятельный перевод ряда основополагающих философских текстов с русского на итальянский язык (Бердяев, Соловьев, Флоренский, Юркевич, Зеньковский) и, конечно, десятки написанных им квалифицированных статей по специальным проблемам истории русской философии²⁵⁸. Персоналистическое направление русской мысли, экуменические проекты отдельных философов и работы, содержащие в себе критику различных форм тоталитарных идеологий (особенно Бердяева, Соловьева, Булгакова, Франка), составляют сферу преимущественного интереса Дель Аста. Персоналистическая ориентация, раскрывающая полноту бытия и единения со Христом, представляется католическому ученому главной ценностью традиции русской мысли. В перспективе антропологической доминанты Дель Аста рассматривает и экуменическую тему. Экуменизм для него – это прежде всего главенство человека и его духовной жизни, желание внутреннего единения в духе и углубление собственной личной веры. Обретая полноту жизни через встречу со Христом, человек становится причастен истинному единению, сохраняя при этом свою конфессиональную принадлежность. Эту идею образно выразил старший коллега Дель Аста Р. Скальфи, он любил повторять следующее: «Как мы можем объединиться? Если католики станут все более и более католиками, а православные – все более православными, т. е. каждый станет все более и более верующим,

²⁵⁷ *Pipes R. Il regime bolscevico. Dal terrore rosso alla morte di Lenin. Milano, 1999. P. 390.*

²⁵⁸ *Dell'Asta. A. La "rivoluzione" del pensiero filosofico-religioso russo all'inizio del XX secolo // La Nuova Europa. 2008. № 1. P. 43–52; Dell'Asta A. Dal nichilismo «delicato» all'apocalisse. L'attualità di Vechi a cento anni dalla rivoluzione del 1905 // La Nuova Europa. 2006. № 1. P. 9–22; Dell'Asta A. Sergej Bulgakov e il marxismo // Studia Patavina. Rivista di scienze religiose. 2005. № 3. P. 743–754; Dell'Asta A. La riscoperta del centro integrale della conoscenza // V.S. Solov'ëv. La conoscenza integrale. Milano, 1998. P. 5–46; Dell'Asta. A. Berdjaev e l'ideologia // La critica del marxismo in Russia agli inizi del secolo. Milano, 1991. P. 43–63; Dell'Asta A. Cultura, responsabilità e valori nel primo Michail Bulgakov // La filosofia russa. 1800–1900. Napoli, 1998. P. 29–84.*

тогда мы и соединимся, потому что Христос больше нас всех»²⁵⁹. Русские мыслители, с таким вниманием относившиеся к человеку, подготовили, по мнению профессора Дель Аста, экуменическое общение православных и католиков. Это общение постепенно осуществляется через конгенитальные идеи двух традиций, имеющих единые корни и во многом общую историю.

Подтверждение своим взглядам на экуменизм профессор Дель Аста находит у С. Булгакова в его работе «У стен Херсонеса»²⁶⁰. В предисловии к итальянскому изданию этого труда исследователь призывает рассматривать экуменические идеи русского философа в свете соловьевской идеи всеединства. Экуменизм Булгакова, по мнению Дель Аста, глубоко онтологичен и связан с «утверждением целой структуры бытия, в которой ничто не находится вне связи с Богом и все находит в Нем свой подлинный и объединяющий смысл... Лишь в свете этой связи можно понять конкретную важность софиологического подхода о. Сергия Булгакова, и в этом смысле он бесконечно далек от абстрактных рассуждений и глубоко укоренен в наиболее практической и насущной проблеме из всех, что могут иметь христиане: где и как встретить единственно Христа, Спасителя человека и вселенной»²⁶¹.

Что касается темы оппозиции русских религиозных философов тоталитарным идеологиям, то она, согласно Дель Аста, имеет глубокий смысл именно в персоналистическом герменевтическом ключе. Христос и его богочеловеческая природа без смешения и разделения являются в русской традиции отправной точкой критики марксизма и, соответственно, тоталитаризма. Деспотичной сущности марксизма противопоставляется иная тотальная истина – Истина христианства. Вера в значимость человека, в его свободу

²⁵⁹ Интервью с Д. Парравичини. Джованна Парравичини: Отец Романо Скальфи – самый молодой из нас! URL: <http://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=5&id=54650> (дата обращения: 14.10.2016).

²⁶⁰ К этому сочинению С.Н. Булгакова католические исследователи проявляют особое внимание, что подтверждается фактом его публикации в 1998 г. на итальянском языке одновременно в двух издательствах: «Матренин Двор» (Милан, предисловие А. Дель Аста) и «Липа» (Рим, предисловие М. Кампатели). К последнему изданию составлено обширнейшее двухсотстраничное предисловие.

²⁶¹ *Dell'Asta A. Ecumenismo e ontologia // Introduzione a S. Bulgakov Alle mura di Chersoneso. Milano: La casa di Matriona, 1998. P. 8–9.*

и творческую силу, способную преобразить самого человека и весь мир, – стержневые, по мнению католического ученого, чаяния русской мысли.

Активно способствуя диалогу западной и русской философско-богословских традиций своей издательской, исследовательской, преподавательской и организационной деятельностью, профессор Дель Аста признает особенно взаимоплезным для православной и католической мысли дискуссии на следующие темы: переоткрытие христианства не как отвлеченной доктрины, но как живого ядра жизни и как встречи со Христом; возрождение идеи разума, открытого для находящейся под покровом видимого тайны; восстановление разума, способного мыслить парадоксально, антиномично.

Не менее авторитетным «проводником» итальянского читателя в своеобразие русского мирозерцания является профессор Наталино Валентини – исследователь русской философии и богословия, этики и антропологии, активный участник экуменического диалога Католической и Православной Церквей, директор института религиозных наук им. А. Марвелли в г. Римини. В первую очередь он известен своими фундаментальными исследованиями творчества Флоренского. Реализуя призыв Папы Римского обратиться к изучению наследия русского философа как примера плодотворной встречи веры и философии, профессор Валентини с начала 1990-х гг. активно включился в процесс осмысления основных проблем его творчества.

Еще будучи студентом Болонского университета, Валентини увлекся русской философией (дипломная работа «Философия и феноменология в России 1900–1920 гг.»). Основательно изучив русскую философско-богословскую традицию под руководством известного итальянского философа и теолога Итало Манчини (Italo Mancini)²⁶² и ведущего специалиста Ватикана по истории русской религиозной мысли кардинала Томаша Шпидлика (Tomáš Špidlík), ученый сфокусировался на периоде религиозно-фило-

²⁶² Итало Манчини – итальянский философ, теолог испециалист по восточному православию. Специальных работ по русской философской мысли он не оставил, но заложил основы для дальнейшего углубленного изучения православной духовной традиции. Манчини основал Высшую школу религиозных наук при университете г. Урбино – первый теологический факультет при светском высшем учебном заведении в Италии. Начиная с 2000-х гг. подобные факультеты стали открываться и в других городах.

софского ренессанса²⁶³ русской мысли. Валентини был знаком с С. Аверинцевым и Н. Каухчишвили, часто обращался к ним за профессиональными консультациями.

Перу Валентини принадлежит десяток монографий и около сотни статей, раскрывающих основные категории и сюжеты отечественного любомудрия: страдание, зло, эсхатологическая и сотериологическая проблематика, правда и красота, сердце и разум. В качестве примера можно привести несколько названий статей, «говорящих» о специфике разбираемой проблематики: «Иов в русской мысли»; «Христос в русской мысли между кенозисом и красотой (П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев)»; «Философия и мистика сердца в русской мысли»; «Тайна человека в русской философии»²⁶⁴. Разнообразные исследования специальных проблем русской религиозной мысли легли в основу обобщающей работы профессора «Лики русской души. Культурная и духовная идентичность православного христианства»²⁶⁵. В этом труде Валентини синтезирует теологические исследования русской духовности с изучением русской религиозной философии, предлагая читателям панораму православного мирозерцания.

Некоторые статьи исследователя публикуются на русском языке в сборнике Библейско-богословского института святого апостола Андрея²⁶⁶. В 2015 г. институт издал на русском языке монографию Валентини «Павел Флоренский». Книга представляет

²⁶³ Можно предположить, что этот период оригинального творческого всплеска русской мысли, помимо его объективной религиозно-философской значимости, привлекает итальянских исследователей своим ренессансным духом, который им близок и интересен. Последнее подтверждается внушительным количеством публикаций книг итальянских авторов, освещающих различные аспекты эпохи Возрождения.

²⁶⁴ *Valentini N. Giobbe nel pensiero russo // Il libro di Giobbe. Firenze, 1993. P. 69–95; Valentini N. Cristo nel pensiero russo tra kenosis e bellezza (P. Florenskij, V. Ivanov, N. Berdjaev) // Cristo nella filosofia del Novecento. Cinisello Balsamo, 2002. P. 103–157; Valentini N. Filosofia e mistica del cuore nel pensiero russo // La Theologia cordis nel pensiero cristiano. Lisbona, 2009. P. 105–127; Valentini N. Il mistero della persona nel pensiero russo // Dire persona oggi. “Hermeneutica. Annuario di filosofia e teologia”. Brescia, 2006. P. 261–289.*

²⁶⁵ *Valentini N. Volti dell’anima russa. Identità culturale e spirituale del cristianesimo slavo-ortodosso. Milano: Paoline, 2012.*

²⁶⁶ *Валентини Н., Талалай М.Г. Восприятие о. Сергия Булгакова в Италии // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М., 2006. С. 80–95; Валентини Н. Понятие «дружба»*

собой изложение ключевых моментов интеллектуальной биографии Флоренского с акцентом на раскрытии особенностей его философско-богословской личности. Валентини – автор нескольких монографий о творчестве Флоренского («Память и Воскресение у Флоренского и Булгакова», «П. Флоренский: премудрость любви», «П. Флоренский. Разум и диалектика. Введение в теологическую мысль», «Искусство жить. Шесть лекций о П.А. Флоренском»²⁶⁷), а также более пятидесяти публикаций, раскрывающих специальные проблемы наследия о. Павла: тринитарную онтологию, этические и эстетические воззрения, эпистемологию символов, формы и антиномии разума, критику рационализма, научно-философское мировоззрение философа. Исследование творчества Флоренского представляется Валентини фундаментом для конструктивного диалога между богословием, философией и естественными науками, а также ключом к пониманию России, православия и общих путей развития культуры Востока и Запада. Вслед за Н.О. Лосским одной из основных заслуг Флоренского итальянский исследователь полагает распространение идеи единосущия из тринитарного богословия на всю «метафизику тварного бытия»²⁶⁸.

Под редакцией Валентини в Италии вышли десятки книг и статей Флоренского. Не будет преувеличением сказать, что Н. Валентини вместе с Л. Жаком являются наиболее квалифицированными европейскими специалистами по жизни и творчеству П. Флоренского. Совместными усилиями ученые издали на итальянском языке все основополагающие труды о. Павла с обширными пропедевтическими предисловиями, включая сборник эпистолярного наследия философа «Не забывайте меня»²⁶⁹ (письма родным философа из ГУЛАГа). Издательская и научная деятельность итальян-

в трудах П.А. Флоренского // На пути к синтетическому единству европейской культуры: Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность. М., 2006. С. 71–84.

²⁶⁷ *Valentini N.* Memoria e Risurrezione in Florenskij e Bulgakov. Verucchio: Pazzini, 1997; *Valentini N.* Pavel Florenskij: la sapienza dell' amore. Teologia della bellezza e linguaggio della verità. Bologna: EDP, 1997; *Valentini N.* Pavel Florenskij. Ragione e dialettica. (Introduzione al pensiero teologico). Brescia: Morcelliana, 2004; *Valentini N.* Pavel Florenskij. Brescia: Morcelliana, 2007; *Valentini N.* L' arte di vivere. Sei lezioni su P.A. Florenskij. Firenze: Santa Brigida, 2009.

²⁶⁸ *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 2007. С. 248.

²⁶⁹ *Florenskij P.A.* Non dimenticatemi. Milano, 2000.

янских специалистов способствовала тому, что философско-богословское наследие Флоренского стало фактом западного сознания. Несмотря на то, что в Италии совокупное количество монографий о Флоренском не уступает числу отечественных работ, в итальянском теологическом флоренсковедении имеется ряд существенных упущений. Во-первых, исследования остановились на работах периода «Столп и утверждение Истины», т. е. на периоде «теодицеи» о. Павла²⁷⁰. Подобный урезанный ракурс рецепции его философско-богословского наследия был присущ исследованиям русских ученых-эмигрантов первой половины XX в. и исчерпал свой творческий потенциал (работы Н. Павлюченкова, Н. Бонецкой в разной степени и с разными акцентами доказывают необходимость целостного представления творчества Флоренского периода «теодицеи» и «антроподицеи» для полноценного проникновения в его философскую систему). Вторым обстоятельством, препятствующим научному развитию итальянского теологического флоренсковедения, является общий некритично-восторженный тон историко-философских работ. Валентини называет Флоренского «иконой» и «самым гениальным русским мыслителем XX в.». В истории русской духовности, по мнению исследователя, есть «две основные иконы: “Троица” Рублева и фигура П. Флоренского»²⁷¹. Примечательно, что, цитируя слова С. Булгакова о Флоренском, Валентини освещает лишь положительные оценки, данные им творчеству друга, не приводя в своих работах его довольно жестких критических замечаний. Нигде не упоминая о расхождениях религиозной философии Флоренского с православным догматическим богословием, Валентини, напротив, утверждает, что о. Павел вдохнул новую жизнь в православную христианскую традицию, «никогда не отступая при этом от доктринальных основ, но переосмысливая актуальность их содержания в более широкой гносеологической перспективе»²⁷². Флоренский для итальянского профессора – средоточие основных смыслов русской духовной мысли и культуры,

²⁷⁰ «Философия культа» – произведение, раскрывающее антроподицею П.А. Флоренского, была опубликована в Италии в 2016 г. под редакцией Н. Валентини (Florenskij P.A. La filosofia del culto / A cura di Natalino Valentini. Cimisello Balsamo: San Paolo, 2016).

²⁷¹ Valentini N. Volti dell' anima russa. Milano: Paoline, 2012. P. 12.

²⁷² Валентини Н. Предисловие к русскому изданию // Павел Флоренский. М., 2015. С. XI.

т. е. своеобразная персонифицированная кульминация религиозно-богословского развития православного мира. Вообще в отношении к Флоренскому существует два основных «соблазна»: 1) обвинение философа в неправославии или «еретичестве»; 2) превознесение мученического подвига священника и соблазн «канонизации» его трудов. Именно второго «соблазна», как нам кажется, не избежал Валентини. В отечественной историографической литературе отношение к наследию русского философа более сдержанное и даже полярное. Некритичность итальянских авторов, в свою очередь, препятствует обогащению итальянского флоренсковедения проблемными и компаративистскими исследованиями. Ведь на примере творчества о. Павла можно увидеть всю сложность православного богословия и противоречивость наследия русской религиозно-философской мысли. Указанные замечания можно отнести к общей специфике исследований русской мысли в рамках теологического направления. Работы П. Кода и Л. Жака равно отличает критическая скупость по отношению к идеям русских мыслителей.

Резюмируя сказанное о теологической философской русистике, выделим ряд общих черт этого направления: 1) пристальное внимание к религиозно-философским концепциям «русского ренессанса» рубежа XIX–XX вв., **взламывающим традиции школьного богословия** (соответственно, слабый интерес к русской духовно-академической и более консервативной философско-богословской традиции); 2) акцент на компаративистское сопоставление творческих религиозно-философских идей русских мыслителей с идеями западных (католических и протестантских) философов и богословов; 3) использование идей русских мыслителей для укрепления основ римо-католического модернизма; 4) повышенное внимание к филокатолическим сюжетам русской мысли. Сформулированные особенности свидетельствуют о том, что русская религиозная философия (хотя и в «урезанном» объеме²⁷³) наряду с протестантской традицией стала важным «собеседником» для католической филофско-богословской мысли.

²⁷³ Помимо преимущественного интереса к русской религиозно-философской мысли, католические авторы в XXI в. квалифицированно осваивают иные основополагающие концепции русской мысли, например евразийство (работа компаративистского характера «Фонологическая концепция Николая Трубецкого в свете идеи целостности Отхмара Спанна» (*Gobber G. Il sistema fonologico di Nikolaj Sergeevič Trubeckoj alla luce della Ganzheitslehre di Othmar*

Сам факт католического влияния на научные исследования в Италии во многом обуславливает уникальность итальянской философской русистики. Ведь всесторонняя государственная поддержка, которую Ватикан до сих пор оказывает «русским исследованиям», уже, к сожалению, не имеет аналогов в мире. Основным научным «конкурентом» выступала французская историография русской философско-богословской мысли, но католицизм во Франции определенно сокращает интенсивность своего интеллектуального влияния.

Необходимо подчеркнуть, что Католическая Церковь не является однородной: внутри нее существуют различные ордены, конгрегации, течения, харизматические движения. Активнее всего русскую религиозно-богословскую мысль в Италии изучают члены ордена иезуитов, затем доминиканцы и бенедиктинцы. Возможные отличия в подходе к изучению предмета, к выбору тем представителями разных орденов в настоящей работе специально не рассматриваются. То же относится и к католическим движениям: очевидно, что определенные мировоззренческие ориентиры, присущие приверженцам того или иного движения, обуславливают их интеллектуальную оптику и, соответственно, угол зрения, под которым они рассматривают русскую мысль (к примеру, А. Дель Аста является членом движения «Общение и освобождение» (*Comunione e Liberazione*), П. Кода примыкает к движению фоколяров (*Movimento dei focolari*)).

Как было замечено выше, католические исследователи в целом обращают повышенное внимание на экуменические и филокатолические идеи русских мыслителей. Первое объясняется общей направленностью Ватикана на преодоление вероисповедальных разногласий. Интерес к филокатолическим сюжетам отчасти обусловлен здоровым желанием одобрения собственной конфессии-

Spann // Othmar Spann. *La scienza dell'intero*. Roma: Nuova Cultura. 2012. P. 89–120). И это вполне закономерно, ведь философско-теологическая подготовка означает способность видеть и правильным образом располагать важнейшие смыслы, составляющие оригинальность русской философской мысли, русской культуры в целом и ее положения между Востоком и Западом, а также пункты соприкосновения и расхождения этих двух различных культур, которые она в себя вмещает. Всестороннее изучение разнообразных тематических разработок теологического направления итальянских исследований русской философии принадлежит будущему.

нальной идентичности, и в этом он сродни заинтересованности русских интеллектуалов «Черными тетрадами» М. Хайдеггера в связи с комплиментарным отзывом философа о «русском начале». С другой стороны, некоторые позиции и симпатии у католических исследователей порой сильно обострены: какие-то идеи одного и того же русского философа всесторонне исследуются, другие – не раскрываются. Мотивы и тенденции подобных исследовательских приоритетов – комплексная проблема, которая во многом зависит как от личных профессиональных предпочтений авторов, так и от политики Ватикана.

При Папе Иоанне Павле II метафора о христианстве, дышащем «двумя легкими», принадлежащая Вячеславу Иванову, повторялась во многих работах и докладах и была настоящей программой к действию. После избрания Бенедикта XVI главой Римско-католической Церкви дух диалога и направленности на сближение русских и итальянских религиозных деятелей и интеллектуалов умерил свою интенсивность. Особо значимым событием стала историческая встреча Патриарха Кирилла и Папы Франциска, состоявшаяся в феврале 2016 г. Встреча еще раз подтвердила направленность православного и католического мира на совместное преодоление общедуховного цивилизационного кризиса. В пункте № 28 совместного заявления, подписанного церковными иерархами по итогам встречи, сказано: «В современном мире – многоликом и в то же время объединенном общей судьбой – католики и православные призваны братски сотрудничать для возведения Евангелия спасения, для общего свидетельства о нравственном достоинстве и подлинной свободе человека, “да уверует мир” (Ин. 17:21). Этот мир, в котором стремительно подрываются духовные устои человеческого бытия, ждет от нас сильного христианского свидетельства во всех областях личной и общественной жизни»²⁷⁴. Итальянская рецепция русской религиозной мысли представляется примером подобного «сотрудничества».

²⁷⁴ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (дата обращения: 10.05.2016).

Образ и основные черты русской философии

Переходя к мнениям исследователей теологического направления относительно образа и сущностных особенностей русской философии, отметим, что их суждения достаточно гомогенны, в отличие от позиций представителей университетского направления. Тому есть несколько объективных причин. Во-первых, исследователи теологического направления обычно конкретизируют, что имеют дело с русской религиозной философией и философско-богословской мыслью, т. е. исключительно с одним типом рациональности, присутствующим в русской философии наряду с другими. Во-вторых, католические специалисты практически всегда исходят из своеобразного подхода к русской мысли, т. к. уникальность русской философии зиждется, по их мнению, на уникальности самой православной духовной традиции. Наконец, авторов зачастую объединяет личное христианское мировоззрение, влияющее на общий теоретико-методологический фундамент их научных работ, на их историко-философские предпочтения и на заведомо эмпатическое отношение к рассматриваемому предмету.

О. Павел Флоренский – знаковая и наиболее изучаемая представителями теологического направления фигура русского религиозного ренессанса – в свою поздравительную речь, обращенную к его учителю А.И. Введенскому, включил следующие слова, касающиеся сущности русской философии: «Как, в каком смысле, при каких условиях возможна русская философия. Уже и ранее было для меня ясно, а из Ваших произведений делалось окончательно ясно, что каждый народ в лучшем своем определяется тем, во что он верит. И потому философия каждого народа, до глубочайшей своей сущности, есть раскрытие веры народа и из этой веры исходит и к этой же вере устремляется. Если возможна русская философия, то только – как философия православная, как философия веры православной, как драгоценная риза из золота – разума – и самоцветных камней – приобретений опыта – на святыне православия»²⁷⁵. В этих словах резюмировано общее для исследовате-

²⁷⁵ Флоренский П.А. Двадцатипятилетний юбилей профессора Московской духовной академии Алексея Ивановича Введенского. Цит. по: Ванчугов В.В. Очерк истории философии «самобытно-русской». М., 1994. С. 223.

лей теологического направления понимание русской философии в первую очередь как «философии веры православной». Подобное представление последовательно отражено в работах кардинала Т. Шпидлика, одного из лучших в мире знатоков и ценителей восточно-христианской духовной культуры. Среди его работ особо ценным источником знаний о русской мысли является фундаментальная монография, переведенная на несколько языков «Русская идея: иное видение человека»²⁷⁶. В этой книге подчеркивается значение русской религиозной философии для современного человека как философии сердца в сравнении с западной философией, где остро ощущается дефицит сердца и любви. Приведем здесь краткий историко-философский анализ работы, раскрывающий своеобразие русской мысли, т. к. основные положения этого квалифицированного труда разделяются большинством специалистов теологического направления и пользуются авторитетом у авторов университетского направления²⁷⁷.

«Русская идея» для Шпидлика – комплексное понятие для обозначения целостного мирозерцания, напрямую связанного с русской православной религиозностью и созданной на ее основе культурой. Свообразие русской мысли для католического исследователя обусловлено уникальностью ее «драгоценной ризы». Кардинал Шпидлик, будто находясь в некоем воображаемом музее христианской философии, хранящем «риз» разнообразных духовных традиций, выбирает предметом своего исследования русскую традицию, во многом родственную западной, но все же своеобразную в силу уникальных исторических и культурных влияний. Свою задачу по отношению к предмету исследования он объясняет следующим образом: «...когда Петр Великий решил обновить великую царскую Империю, он исходил из определенной “идеи” европейского Запада. Он хотел привнести в Россию то, что сам выбрал на Западе среди стольких вещей и что, как ему казалось, могло привнести в его страну то, чего ей тогда не доставало. Приблизительно так же мы смотрим на Восточную Европу со стороны Запада: мы тоже имеем о ней определенную «идею»

²⁷⁶ Špidlík T. L'idea russa. Un'altra visione dell'uomo. Roma: Lipa, 1995. Рус. изд.: СПб., 2014.

²⁷⁷ Д. Стейла включила работу Т. Шпидлика в список рекомендуемой литературы к курсу «Русская философия» в Туринском университете.

и намерение найти на славянском Востоке те начала, которых, как нам кажется, недостает духовной жизни и цивилизации Западной Европы и которые могут быть сюда привнесены»²⁷⁸. Получается, что цель исследователя – выявить основные «самоцветные камни», представляющие собой специальные проблемы русской мысли: человек, обожение, всеединство, живознание, сердце, софиология, интуитивная истина, красота. Подобная тематизация вопросов и задач русской мысли, которые ставили перед собой ее представители на протяжении веков, представляется ценной стороной работы Шпидлика.

Солидный труд «Русская идея», соединяющий в себе фило-софскую и богословскую проблематику, содержит разнообразный корпус имен преимущественно XVIII – начала XX в. Подробно не анализируя интеллектуальную биографию и идейное наследие отдельных философов, кардинал Шпидлик обозначает их вклад в освещение той или иной проблемы. Исследователь указывает на то, что в России «трудно провести точное разграничение между богословием, философией и другими отраслями человеческой культуры»²⁷⁹. В этом смысле Феофан Затворник для него такой же типично русский мыслитель, как и Павел Флоренский. Из основных черт русской философской традиции, выделяемых Шпидликом, укажем следующие: 1) нераздельность веры, богословия и философии; 2) апофатизм и символическое истолкование мира; 3) всеединство и троичность как идеал; 4) ответственность. Остановимся на последней, выделяемой исследователем особенности, которая представляется нам важной полемической составляющей образа русской мысли. Говоря об ответственности, Шпидлик имеет в виду то, что русские любомудры ответственно охраняли себя от секулярного влияния зарубежной мысли. Исследователю принадлежит мысль о том, что «труды средневековых авторов вообще раздражали славян, потому что они затрагивали вопросы, возникшие после разделения церквей, и иногда вступали в конфликт с традицией Отцов. Даже томизм, который пропагандировал митрополит Петр Могила, не сумел привиться достаточно прочно»²⁸⁰. В XIX–XX вв. Эта охранительная тенденция перешла в активные попытки найти

²⁷⁸ Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. СПб., 2014. С. 9.

²⁷⁹ Там же. С. 365.

²⁸⁰ Там же. С. 106.

новое разрешение антиномий, выявленных западным сознанием, сформировав мессианское мироощущение русских философов, считающих себя ответственными за все человечество. Как полагает автор, «истинный смысл этой ответственности был христологическим, кенотическим»²⁸¹. Получается, что там, где К. Кантелли усматривает философский национализм, несамостоятельность и попытку освободиться от интеллектуального колониализма западной мысли²⁸², кардинал Шпидлик видит своеобразие, смелость, жертвенность и ответственность.

Ценной стороной подхода Шпидлика к русской философии представляется его открытость и диалогичность. Ученый слово ведет разговор с русской традицией, задавая ей вопросы и оставляя их последующему поколению историков русской мысли. Например, он пишет: «Прекрасно сознавая свою ориентацию, русские персоналисты гордились сделанным ими новым вкладом в человеческую мысль; свою концепцию они противопоставляли западной, прежде всего унаследовавшей рационализм древних греков и юрицизм римлян. В каком смысле можно признать их правоту?»²⁸³. Этим вопросом Шпидлик напоминает об общности греко-римского (через Византию, «Второй Рим») христианского наследия, при этом призывая к познанию особых путей католической и православной традиции, в том числе в выразившей их философской мысли.

В подходе Шпидлика к русской философии прослеживается влияние панрелигиозной установки (В.В. Зеньковский) и тенденция к смешению «русского» и «православного». Ссылаясь на заслуженных специалистов истории русской мысли (В. Гердта, Джорджа Клайна (George Kline), Н.О. Лосского, Л. Ганчикова)²⁸⁴, исследователь в определенной мере разделяет их взгляды на образ русской философии. Так, вслед за Н. Лосским он говорит о важности гносеологической проблематики для традиции русской мысли, отклоняя при этом гносеоцентрическую позицию. Наряду с Гердтом Шпидлик признает общность эллинистически-визан-

²⁸¹ Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. С. 204.

²⁸² См. с. 89 наст. работы.

²⁸³ Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. С. 18.

²⁸⁴ Особенно часто Шпидлик ссылается на статьи Л. Ганчикова про течения и персоналии русской мысли, написанные русским ученым для итальянского философского энциклопедического издания *Enciclopedia filosofica* (Roma, 1957).

тийских корней западной и русской философии. В то же время ему совершенно чужда идея Гердта о единстве «традиции» и «прогресса» в русской философии. Второе издание обобщающей монографии немецкого исследователя «Русская философия: основы»²⁸⁵ и монография Шпидлика «Русская идея. Иное видение человека» вышли в один год (1995). Оба произведения – зрелый плод размышлений двух крупнейших зарубежных специалистов в области русской мысли. Объединяют их, как представляется автору, два момента: оба мыслителя уделяют ключевое внимание антропологической проблематике русской мысли и избирают не хронологическое рассмотрение ее истории, но, главным образом, фокусируются на тех основных понятиях, которые были общезначимыми для большинства русских философов. Однако в то время как Гердт говорит о равноправии и «разнообразии построений» как «духовной», так и «светской» философии в России, Шпидлик стремится продемонстрировать смысловое единство русской мысли, ее общую религиозную направленность. Он подспудно разделяет русских философов на две категории: тех, которые развивали исконную духовную направленность русской мысли (религиозные философы, богословы, профессора духовных академий), и тех, которые эту направленность искажали (представители революционно-демократического идейного течения, мыслители-позитивисты и пр.²⁸⁶). Соответственно, Шпидлик не избегает определенной маргинализации рационалистического направления русской философии, квалифицируя его как во многом антагоническое явление для традиции русской мысли, развивавшейся с эпохи Крещения Руси. При всей своей личной авторской расположенности к русской религиозной мысли Шпидлик деликатно говорит о представителях рационалистического направления в той мере, в какой их мысль пересекается с рассматриваемыми автором специальными философско-богословскими проблемами.

В трудах представителей теологического направления можно встретить и резко негативное отношение к русской материалистической традиции. Характерным примером подобного подхода

²⁸⁵ *Goerd W. Russische Philosophie. Grundlangen. München, 1995.*

²⁸⁶ Как русский социализм, так и русский анархизм (у Бакунина и Кропоткина), согласно Шпидлику, есть по своей внутренней сущности не что иное, как искаженная часть национально-русского мировоззрения.

является монография А. Аснаги «Жар-птица. История русской философии»²⁸⁷. Исследователь ставит амбициозную цель открыть собственно философские начала русской мысли, неотделимые от культуры и истории страны. Именно в этом признаке он полагает схожесть между русской философией и сказочным персонажем жар-птицей: «Находить в русской культуре строго философскую составляющую, пусть подчас и замаскированную под иными формами, составляет процесс, который отлично иллюстрирует сказка о жар-птице»²⁸⁸. Близким аналогом жанра работы Аснаги мог бы стать образ «живой истории философии» князя С.Н. Трубецкого. История русской философии, согласно этому подходу, производна от исторически сложившегося социально-культурного контекста, от всей совокупности форм творчества народа. Однако личностно окрашенная позиция итальянского автора обусловила искажение объекта изучения.

Аснаги включает в свой обобщающий труд рассмотрение всего корпуса русской философской мысли, ее основных течений и персоналий, преимущественное внимание уделяя представителям религиозных и идеалистических течений. Взгляды философов-материалистов занимают существенно меньшее место и освещаются скудно, от чего создается впечатление их второстепенности для истории русской мысли. К советской философии отношение у Аснаги вовсе враждебное. В.И. Ленину он едва уделяет два абзаца, отмечая, что после него философия в России перестала существовать. Подобная элиминация советского периода в истории русской мысли – в разной степени общая тенденция представителей теологического направления. Однако все зависит от авторской позиции. Так, Ф. Коплстон, будучи, как и А. Аснаги, католическим исследователем и поклонником русской религиозной философии, все же считал неприемлемым подобное историко-философское элиминирование рационалистических основ русской интеллектуальной культуры.

Спорным является деление Аснаги религиозных философов на «свободных» (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков) и «скованных статичностью старой ортодоксальной религиозности»²⁸⁹

²⁸⁷ *Asnaghi A. L'uccello di fuoco. Storia della filosofia russa. Gorle: Servitium, 2003.*

²⁸⁸ *Ibid. P. 7.*

²⁸⁹ *Ibid. P. 72.*

(К.Н. Леонтьев, А.А. Козлов). Подобные субъективные суждения часто встречаются на страницах труда католического исследователя. История русской философии предстает перед читателем монографии Аснаги в реинтерпретированном автором виде: исключительно как традиция самобытная в своей приверженности христианской метафизике. Аснаги полагает, что «явный или неявный призыв к метафизике и даже к теологии – скрытая тенденция всей русской философии до большевизма»²⁹⁰. Религиозно-детерминистская позиция автора наблюдается и в следующем суждении: «Русская философия идет от православных корней, от ее святых, от Троицы. И ее миссия тоже от этих корней»²⁹¹.

Для Аснаги как для католического священника, теолога и сторонника экуменического единства, в первую очередь интересен вопрос о взаимодействии двух типов христианского сознания (православного и католического) и возможность их синтеза. Этим, очевидно, обусловлены тематические симпатии и, соответственно, непреднамеренное искажение автором образа русской философии. В области русской религиозной философии он отдает предпочтение «свободным» философам, не находя оригинальных черт у сторонников более консервативной «христианской философии».

Подобного искажения удается избежать, не претендуя на рассмотрение всего корпуса русской философии, но определяя самостоятельный образ и особенности исключительно русской религиозной мысли. Примером объективного научно-философского анализа являются работы А. Дель Аста. В своих многочисленных статьях и обширной монографии о Н. Бердяеве²⁹² исследователь формирует представление о русской религиозной философии как о традиции, родственной общеевропейской мысли, но разорвавшей с ней живую связь в силу неприятия секулярных тенденций, уменьшающих область и проблематику метафизики. Дель Аста пишет: «Конечно, русская мысль питалась мыслью западной и особенно немецкой, но она никогда не принимала ее центральный принцип: секуляризованный рационализм»²⁹³. Эпоху Просвещения католический ученый считает решающим событием для русской религи-

²⁹⁰ *Asnaghi A. L'uccello di fuoco. Storia della filosofia russa. P. 107.*

²⁹¹ *Ibid. P. 13.*

²⁹² *Dell'Asta A. La creatività. A partire da Berdjaev. Milano: Jaca Book, 1977.*

²⁹³ *Ibid. P. 14.*

озной мысли, т. к. именно эта эпоха послужила катализатором для актуализации собственной философской традиции, которая к тому моменту уже существовала, но «молчала». Условно профессор выделяет следующие этапы развития русской религиозной философии: 1) период «концептуального молчания», или «подготовки к теологическим и философским размышлениям»²⁹⁴ (философия в данный период выразила себя в древнерусском искусстве: иконах, архитектуре); 2) период столкновения с западным секуляризованным сознанием и его рецепция; 3) этап теоретического оформления русской религиозной философии в конце XIX – начале XX вв.

Отличая русский тип рациональности (выражающей себя в традиции русской религиозной философии) от западного, Дель Аста считает первый скорее литургическим и иконографическим, чем дискурсивным и доктринальным. Он также подчеркивает различие центральных идей и терминологии русской и европейской традиции. К примеру, Дель Аста пишет, что если определять философию Бердяева западными категориями и отнести его к экзистенциалистам, то мы увидим что концепция русского философа едва вписывается в привычные рамки понимания этого течения мысли. Получается, что русская религиозная философия, ведущая диалог с мыслью западной, имеет свои особые черты, но вместе с тем она нацелена на решение основных мировых проблем, и данные решения принадлежат общей истории мировой философской мысли. Позиция Дель Аста представляет собой разумный баланс между религиозно ориентированным россиеведением и академическим научно-философским анализом.

Профессор Н. Валентини также затрагивает в своих работах проблему образа русской философии. Несколько глав его обобщающей монографии «Лики русской души», отражающей панораму православного мирозерцания, уделяются русской религиозной философии, ее генезису и особым чертам. Как и для рассмотренных выше исследователей, оригинальность русской религиозной мысли обусловлена для Валентини самим фактом ее преимущественной укорененности в православном мирозерцании, в традиции Отцов Церкви. Имея связь с западной традицией, она все же представляет собой особый мир смыслов и понятий. Выделение русской религиозной мысли как самостоятельного

²⁹⁴ *Dell' Asta A.* La creatività. A partire da Berdjaev. P. 15.

типа рациональности ученый хронологически относит к середине XIX в., а первую половину XX в. он полагает периодом ее наивысшего развития и превращения в общеевропейскую «лабораторию мысли»²⁹⁵. По словам Валентини: «Русская религиозная мысль начала XX в. – одно из наиболее оригинальных, глубоких и ярких направлений в истории идей. Это самая настоящая неразработанная “шахта”, кладезь христианского знания, сконцентрированная вокруг таких важных смыслов, как: идея и логос, разум и символ, знание и любовь, истина, благо и красота»²⁹⁶. Будучи крупным специалистом и поклонником периода русского религиозно-философского ренессанса, Валентини не уделяет достаточного внимания более ранним проявлениям отечественного любомудрия. В ткани русской философской культуры он вычленяет прежде всего интересующие его темы соотношения веры и разума, антиномий разума, критики рационализма Запада, тему души, духовности и сердца, апокалиптические и эсхатологические идеи. Сопоставляя основные сюжеты современной европейской философии и русской религиозной философии, Валентини, разделяя мнение своего учителя и духовного отца Т. Шпидлика, делает вывод о существенно маргинальном положении центральных идей русской мысли на Западе и о необходимости их привнесения в европейское сознание. Он пишет: «Сердце – центральная категория русской религиозной мысли... Нужно быть по меньшей степени отважным, чтобы поднимать эту тему в западном постмодернистском идейном контексте. Противопоставлять сердце и чувство разуму и интеллекту, знание – любви, – очень смело»²⁹⁷. Привнесение избранных смыслов русской философской традиции на Запад мыслится итальянским ученым как некая живительная духовная терапия.

Существует определенное смысловое единство во взгляде представителей теологического направления на русскую философию как на традицию, впитавшую в себя, в первую очередь, опыт веры русского народа. Выделим следующие особенности ее восприятия: 1) взгляд на традицию русской философии как на часть духовной традиции; 2) полное или частичное игнорирование рационалистических течений русской мысли; 3) подчеркивание

²⁹⁵ *Valentini N. Volti dell' anima russa. Milano: Paoline, 2012. P. 158.*

²⁹⁶ *Ibid. P. 16.*

²⁹⁷ *Ibid. P. 116.*

общности корней русской и европейской философской культуры (равная причастность к интеллектуальному наследию античной цивилизации и духовному наследию единой Церкви первого тысячелетия); 4) адекватное принятие критики Запада (основ секуляризированной культуры) в текстах русских религиозных философов; 5) подчеркивание «спасительности» и содержательной своевременности русской мысли для западного мира.

Своеобразие русского мировоззрения до сих пор не нашло в итальянской католической среде цельного научно-философского выражения. Здесь нет обобщающего труда, в котором освещался бы цельный образ русской религиозной философии, включающий в себя «внутреннюю философию» Руси, духовно-академическую мысль, «христианскую философию» славянофилов и ее влияние не только на наиболее изученных представителей религиозно-философского ренессанса, но и, к примеру, на К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского (эти авторы либо резко критикуются теологическими исследователями, либо вообще не берутся в рассмотрение). Получается, что «риза» русской мысли или, по выражению Валентини, «шахта» русской религиозной философии, требует дальнейшего систематического изучения. Теме своеобразия русской религиозной философии посвящено значительное количество отечественных современных работ, к которым итальянские авторы обращаются весьма ограниченно. Научно-историографический обмен и общие дискуссии вокруг религиозной философии русской мысли были бы крайне полезны.

Заключение

Столетний путь итальянских исследований русской мысли представляет собой важную страницу зарубежного философского россиеведения. Благодаря нескольким поколениям исследователей русская интеллектуальная традиция во всем ее многообразии рационалистических и религиозно-ориентированных течений мысли стала фактом итальянского сознания. В предисловии к тринадцатому тому из серии «История философии: от истоков до наших дней», посвященному итальянским философам XX в., авторы Д. Антисери и С. Тальямбе размышляют о судьбах философии в

XX столетии и выделяют русскую мысль как выдающееся интеллектуальное явление. Перечисляя имена Л. Шестова, Н. Бердяева, В. Шкловского, Р. Якобсона и др., авторы подчеркивают, что по сравнению с масштабным и ярким философским цветением русской и немецкой мысли в первой половине XX в. итальянская философия занимала позицию «периферийную, но не провинциальную»²⁹⁸. Подобный комплимент от известных итальянских историков философии в адрес отечественной традиции, безусловно, свидетельствует о том, что русские мыслители прочно обосновались в интеллектуальном пространстве Италии.

Интерес к русской интеллектуальной культуре в Италии не исчерпал себя, он расширяется, вбирая в себя все новые и новые сюжеты из ее истории (советскую и постсоветскую философию, творчество М. Мамардашвили, А. Зиновьева, В. Библихина, С. Хоружего и др.). Русская философия для большинства современных итальянских исследователей – «открытое произведение» (У. Эко), идейное наследие, из которого можно и нужно черпать актуальные для современного мира и человека смыслы. Подводя итоги, выделим некоторые специфичные особенности этой национальной традиции изучения русской мысли.

1. Сюжетные особенности:

– стабильный интерес к «левой» мысли, обусловленный историческими и социально-политическими причинами (движение за национальное освобождение, продолжительное влияние коммунистической партии). Этот интерес сохраняется и в XXI в. Данный факт приобретает особую значимость в свете современного предубеждения постсоветской историографии в том, что «марксистская философия была каким-то “незначительным” эпизодом» времен господства идей Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, П.Б. Струве²⁹⁹;

– неизменный интерес к русской духовной культуре, в том числе к корпусу работ религиозных философов (преимущественно представителей религиозно-философского ренессанса – Флоренского, Булгакова, Карсавина, Франка), обусловленный

²⁹⁸ *Antiseri D., Tagliagambe S. Storia della filosofia. T. 13: Filosofi italiani del novecento. Milano: Bompiani, 2008. P. 8.*

²⁹⁹ *Маслин М.А. Предубеждения и штампы в истории русской философии // Вестн. Вятск. гос. гуманитар. ун-та. 2010. № 4. С. 10.*

поддержкой Католической Церкви. Будучи поощряемы официальными энцикликами Ватикана, исследователи стремятся использовать философско-богословские идеи русских мыслителей для обновления католической доктрины и продолжения экуменического диалога.

2. Методологические особенности:

– взгляд на русскую философию как на органическую часть философии европейской. Итальянские авторы стремятся донести до западного читателя прежде всего положительные достижения русской мысли и вписать ее в общеевропейскую философскую традицию. Общая позиция итальянской историографии заключается в том, что русская мысль разрабатывает в целом ту же философскую проблематику с большей или меньшей степенью национально-своеобразного осмысления;

– стремление персонализировать русскую мысль, выделив ее наиболее выдающихся представителей, вследствие чего рассмотрение школ и направлений остается, как правило, на втором плане;

– комплиментарное отношение к русской философской мысли, которое проявляется в общем тоне работ, в опоре на объективные методы строгой историко-философской реконструкции, в отказе от резких суждений и оценок. Вообще современное западное сознание всячески обходит стороной те стороны наследия русских философов, которые связаны с критикой рационализма и буржуазного общества, с обоснованием самобытности русской культуры и ее «интеллектуальных инвестиций» в мировую цивилизацию. Итальянская историографическая традиция, напротив, весьма объективно и заинтересованно исследует данную историко-философскую проблематику, не выводя историософскую приверженность русской мысли из чувства так называемого «рессентимента»;

– актуализация наследия русской мысли. Работы ряда авторов свидетельствуют о стремлении приблизить основные сюжеты русской философии к интеллектуальным и духовным потребностям современного мира (Н. Боско «Соловьев и современное христианство», А. Джустино «Н. Бердяев и планетарная мегамашина», А. Дель Аста «Актуальность русской христианской мысли в XX веке: идея человека», С. Тальягамбе «Техника и тело. Размышления над произведением П. Флоренского», С. Тальягамбе и Д. Рисполи

«Дивергенция в революции. Философия, наука и техника в России (1920–1940 гг.)», В. Страда «В.И. Ленин, И.В. Сталин, В.В. Путин: исследования коммунизма и посткоммунизма»³⁰⁰).

3. Институциональные особенности:

– наличие исследовательских «русских центров» («Христианская Россия», центр имени Луиджи Парейсона, центр «Алетти», община Бозе). При поддержке исследовательских центров проводятся ежегодные конференции, семинары с участием как итальянских, так отечественных и западноевропейских представителей;

– существование специализированных академических сообществ. В некоторых итальянских высших светских и католических учебных заведениях читаются курсы, посвященные истории русской философии, ее отдельным течениям и представителям (в Туринском университете, в Папском Латеранском институте, Папском Восточном институте, университете «Ка’Фоскари»), а также происходит защита дипломных, диссертационных и докторских работ по специальным проблемам русской мысли³⁰¹;

– присутствие специализированных журналов и издательств, публикующих переводы работ русских мыслителей и посвященные им исследования («Новая Европа», «Яка Бук», «Липа», «Кикайон», «Матренин двор»).

Однако было бы неверно показать лишь **сильные и оригинальные** стороны итальянских исследований русской мысли, не сказав о недостатках. Во-первых, общая направленность современной итальянской философской русистики такова (как в университетском, так и в теологическом направлениях изучения), что преимущественный исследовательский фокус сосредоточен на периоде конца XIX – начала XX вв. Достижения данной эпохи абсолютизируются, в то

³⁰⁰ *Bosco N.* Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità. Padova, 2005; *Giustino A.* Nikolaj Berdjaev e la megamacchina planetaria. Napoli, 2012; *Dell'Asta A.* Attualità del pensiero cristiano russo del XX secolo: il concetto di persona // *La Nuova Europa*. 2012. № 6. P. 41–48; *La tecnica e il corpo. Riflessioni su uno scritto di Pavel Florenskij / A cura di S. Tagliagambe.* Milano, 2007; *Strada V.* Lenin, Stalin, Putin: studi su comunismo e postcomunismo. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2011.

³⁰¹ *Foni G.* Filosofia dell'ineguaglianza di Nikolaj Berdjaev / Tesi di dottorato. Università di Bologna. A.A. 2010/2011; *Ottaviano G.* Gustav Špet fra fenomenologia ed ermeneutica / Tesi di dottorato. Università degli Studi Roma Tre. A.A. 2008/2009; *Renna C.* Il periodo italiano nella vita e nel pensiero del filosofo russo Boris V. Jakovenko / Tesi di dottorato. Università degli studi di Roma “La Sapienza” A.A. 2005/2006.

время как многие иные течения трактуются как малооригинальные (духовно-академическая философия³⁰², профессиональная университетская философия, мысль Киевской и Московской Руси, разнообразные формы русского Просвещения и др.).

Во-вторых, не существует единой итальянской школы исследований русской философии даже в рамках выделенных направлений. Направления дробятся на мировоззренческие ориентации, но и принадлежащие к ним ученые, в свою очередь, мало сообщаются друг с другом, что порождает своеобразный исследовательский солипсизм. Итальянские авторы с переменным успехом пользуются историко-философскими достижениями друг друга, равно пренебрегая и новейшими квалифицированными работами российских историков русской мысли.

В-третьих, русская философия в Италии не оформлена как дисциплина. Отдельные курсы читаются, однако это в основном спецкурсы по выбору вроде «индийской философии» в российских университетах. И наконец, часть итальянских исследований компилятивна и подражательна, сводится к пересказу идей мыслителей или (что еще хуже) к пересказу вторичных источников. Основанные на чужом, заимствованном мнении работы могут представлять лишь пропедевтический, но не историко-философский интерес.

Конечно, историко-философский «ключ» к русской мысли удастся найти далеко не всем. Во всей зарубежной историографии русской философии немного мэтров, но достаточно квалифицированных подмастерьев. Итальянская философская русистика не стала здесь исключением. Она последовательно надстраивается повторениями и вариациями на схожие темы, между тем являя и оригинальные элементы своего научного строения. Любуясь во время своего итальянского путешествия собором Санта Мария дель Фьоре во Флоренции, В. Розанов размышлял: «Какая масса труда, заботливости, любви, терпения... Нужна вера не в мой труд, а в наш национальный труд, вследствие чего я положил бы свой камень со спокойствием, что он не будет сброшен, забыт, презрен в следующем году. Это-то и образует “культуру”, неуло-

³⁰² Одним из выдающихся исключений является диссертационное исследование Веры Поцци (Vera Pozzi) «Роль духовных академий в распространении кантианства в Российской империи. И.Я. Ветринский и П.Д. Юркевич», защищенное в 2014 г. в Миланском университете.

вимое и цельное явление связности и преемственности, без которой не началась история и продолжается только варварство»³⁰³. Думается, что эти положительные качества итальянцев проявляются и в отношении к русской философии, основные смыслы и проблемы которой постепенно включаются в итальянский научный и общекультурный дискурс.

Многообразное строение итальянской историографии русской философии ждет своего дальнейшего изучения. Несомненный интерес может представлять подробное исследование достижений итальянского флоренсковедения и булгаковедения, рецепция итальянскими авторами русской революционно-демократической мысли, трансформация образа русского варианта марксизма в итальянском россиеведении, компаративное изучение традиций осмысления истории русской философии, сложившихся в российской и в итальянской историографии. Заведомой эвристической ценностью обладают такие исследовательские проблемы, как: влияние итальянской философской культуры XX в. на методологическую, тематическую и мировоззренческую специфику исследований русской мысли в Италии; «интеллектуальные впечатления» от русской мысли в текстах итальянских философов и др. Ведь согласно известному выражению И.В. Киреевского: «Чужие мысли полезны только для развития собственных»³⁰⁴.

Специфика итальянских исследований русской мысли во многом обусловлена внутренним стержнем самой итальянской философии, который не мог не проявиться в тематических и мировоззренческих предпочтениях итальянских историографов. Этим стержнем, спецификой итальянской философии представляется ее историческая конкретность³⁰⁵. Стремление мыслить исторически объединяет самых, казалось бы, различных итальянских философов: родоначальника средневекового хилиазма Иоахима Калабрийского; Данте, создающего «Божественную комедию» не *ad speculandum*, но *ad opus*; Н. Маккиавели и Ф. Гвиччардини;

³⁰³ Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1889–1913 гг. М., 1994. С. 216.

³⁰⁴ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 68.

³⁰⁵ Представления об исторической конкретности и практическом пафосе итальянской философии как ее характерных чертах разработаны в трудах итальянских историков философии (Э. Гарин, Р. Эспозито и др.) и прочно вошли в европейский историко-философский дискурс.

Дж. Вико с его формулой *verum-factum*. В XIX в. установка на историческую конкретность проявляется у В. Джоберти и А. Розмини-Сербати. Джоберти не только представитель онтологизма, автор «Философии откровения», но он же размышлял о неогвельфизме, а Розмини стремился выработать философскую систему, которая бы послужила опорой для Церкви. И, конечно, проблемы конкретной жизни и истории сквозной линией проходят через творчество таких разных по своим взглядам мыслителей XX в., как Кроче, Джентиле и Грамши.

Русская социально-революционная мысль, обстоятельно исследуемая итальянцами, предполагает включенность философии в условия конкретной исторической действительности без неосуществимых устремлений в потустороннее. Отсюда близость революционного романтизма Герцена итальянскому мироощущению, интерес к субверсивным идеям Бакунина и Кропоткина, труды которых регулярно переиздаются в Италии, внимание к социальной философии Толстого, проекту теократического устройства Соловьева и др. Затем обращенность богословской мысли к русской религиозной философии и сам католический модернизм с его стремлением сделать вероучение соразмерным современному миру и человеку с его насущными проблемами также во многом объясняются установкой на историческую конкретность. Католических исследователей особо интересует историософская проблематика Бердяева, Булгакова, Франка, Карсавина. Идеи Флоренского, наряду с эмпириомонизмом Богданова, учением Вернадского о ноосфере и иными концепциями русских мыслителей изучаются итальянскими представителями философии науки, что, как нам представляется, опять-таки обусловлено этим конкретным, прикладным характером итальянской философской культуры. Из этого весьма выборочного перечисления следует, что проникновение в сущность и специфику вековой и в то же время динамично развивающейся традиции итальянских исследований русской мысли способствует познанию причин возникновения глубоких философских связей России и Италии.

Формирование взаимного интереса историков философии Италии и России к друг другу находится, по сути дела, в самом начале. Еще в 1910-е гг. Б. Яковенко сетовал на «философский

остракизм»³⁰⁶, которому была подвергнута итальянская мысль, а В. Эрн в своей речи перед защитой диссертации «Розмини и его теория знания» в Московском университете выражал надежду на то, что «Розмини и следующие за ним итальянские мыслители должны занять по праву принадлежащее им место, и несправедливость, допущенная в отношении к ним обозревателями новейшей философии, не должна иметь более продолжения»³⁰⁷. Столетие минуло с момента произнесения Эрном этих слов, однако ситуация, насколько можно видеть, кардинально ничуть не изменилась. Собственно, это «странное пренебрежение» к итальянской философии распространяется и на итальянскую традицию исследования русской мысли.

Символично то, что Эрн – основоположник концепции о «существенной оригинальности» русской философии – был также крупнейшим знатоком современной итальянской философской мысли, а его философский оппонент Яковенко, выступая своеобразным медиатором в интеллектуальном диалоге двух стран, призывал соотечественников посредством глубокой рецепции итальянских идей «далее самостоятельно двигать вперед развитие философской мысли»³⁰⁸. Слушая их голоса, доносящиеся из столетней дали, эту умонастроенность, в которой нераздельно сплетены внимание к судьбе собственной интеллектуальной традиции с искренним интересом к иной философской культуре, остается надеяться, что начатый ими проект «наведения мостов» между культурами, философскими и историографическими традициями будет продолжен.

³⁰⁶ Яковенко Б.В. Итальянская философия последнего времени // Логос. 1910. Кн. 2. С. 263.

³⁰⁷ Эрн В.Ф. Место Розмини в истории философии // Вопр. философии и психологии. 1915. № 127 (2). С. 242–243.

³⁰⁸ Яковенко Б.В. Итальянская философия последнего времени. С. 262.

Аннотированная библиография

Настоящая аннотированная библиография представляет собой срез не введенных в отечественный научный оборот репрезентативных публикаций, относящихся к современному этапу итальянских исследований русской философии. На основе критического изучения научных монографий и концептуальных статей итальянских ученых автором дана их краткая характеристика. Аннотирование выбранных трудов (преимущественно не анализируемых в тексте) предпринято для того, чтобы в общих чертах ознакомить читателя с масштабами разработанности специальных проблем русской мысли итальянскими россиеведами и предоставить возможность овладения источниковедческой базой для будущих исследователей данной традиции изучения русской философии.

Azzaro Pulvirenti R. Introduzione // Ern V.F. Rosmini e la sua teoria della conoscenza. Milano: San Paolo, 2010. P. 13–81.

(Адзаро-Пульвиренти Р. Введение // Эрн В.Ф. Розмини и его теория познания. Милан: Сан Паоло, 2010. С. 13–81)

Под редакцией Адзаро-Пульвиренти (ученица Ф.М. Шакки) на итальянский язык впервые вышел перевод сочинения Эрна о Розмини. Настоящая статья является предисловием к переведенной монографии и вводит читателя в круг основных проблем творчества русского и итальянского философов, в контекст работы Эрна над сочинением. Кроме этого, автор освещает историю рецепции творчества Эрна в Италии и подчеркивает конгениальные сюжеты русской и итальянской мысли. «Неожиданное внутренне родство»³⁰⁹ Эрна и Розмини является, по мнению Адзаро-Пульвиренти, примером интеллектуального взаимодействия итальянской и русской культур, вносящим вклад в единство «двух легких» – Римско-Католической и Православной Церквей.

Asnagli A. L'uccello di fuoco. Storia della filosofia russa. Gorle: Servitium, 2003. 350 p.

(Аснаги А. Жар-птица. История русской философии. Горле: Сервитимум, 2003. 350 с.)

Данную книгу Аснаги посвятил Патриарху Алексию II и архиепископу Милана Карло Мария Мартини в качестве вклада в экуменическое общение русского и итальянского народа. Работа отражает базовую специфику

³⁰⁹ Эрн В. Ф. Место Розмини в истории философии // *Вопр. философии и психологии*. 1915. Кн. 127 (2). С. 250. «Неожиданное внутренне родство» – название доклада Адзаро-Пульвиренти, прочитанного на международной конференции «На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность» (М., 2005).

теологического направления исследования русской философии. В воззрении на русскую мысль Аснаги выделяются две ключевые особенности: 1) стремление преувеличить масштаб и оригинальность религиозной линии, в тоже время преуменьшив значимость рационалистической; 2) повышенное внимание к экуменическим и филокатолическим сюжетам творчества русских философов. Эти две особенности обусловили искажение панорамы русской философии и особенно творчества отдельных русских мыслителей в работе Аснаги. Так, говоря о Чаадаеве и Соловьеве, автор по большей части рассматривает их позитивное отношение к Католической Церкви, не упоминая о сложном и противоречивом характере их суждений по данному вопросу.

Аснаги делит русских философов на два автономных противоборствующих лагеря – славянофилов и западников. Этим непримиримым противоборством, по мнению Аснаги, объясняется трагическая история России. Хотя в некоторых идейных явлениях автор признает влияние обоих парадигм: «Народничество – это премарксистский социализм, вдохновленный западничеством, но также вмещающий в себя порывы славянофильства» (81).

В работе подчеркивается глубина и оригинальность рецепций европейской идей русскими мыслителями: «Кант присутствует в русской философской мысли также как в философии западных стран» (229), а также существенный вклад русской мысли в метафизику. В монографии содержится множество авторских аллегорий, метафор и суждений, декларируемых в тексте, но подробно не раскрываемых (к примеру, про географический детерминизм в русской философии: огромная территория страны повлияла на развитие концепции соборности), а также резких критических оценок, не подкрепленных текстуальным анализом первоисточника («Третий Рим – религиозно-националистический миф» (35)).

Barsotti D. Dostoevskij. La passione per Cristo. Padova: Messaggero, 1996. 256 p.

(Барсотти Д. Достоевский. Христос – страсть жизни. Падуя: Мессаджеро, 1996. 256 с. (М., 1999. 249 с.))

Книга принадлежит Диво Барсотти – итальянскому богослову, одному из крупнейших знатоков православной духовности в XX в. Труд Барсотти – это глубокий критический религиозно-богословский анализ личности и творчества Достоевского. На материале пяти романов писателя («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы» и «Братья Карамазовы») автор исследует основные идейные линии (Бог, человек, народ) и категории мировоззренческого универсума Достоевского (святость, истина, любовь, страсть, зло, смерть и др.). Обширная вторая часть книги посвящена раскрытию образов его персонажей. Произведения Достоевского Барсотти считает «досрочным судом» (26) над человеком и миром.

Одной из центральных линий повествования настоящей работы является критика сакрализации русского народа в трудах Достоевского. Исследуя образ народа в романах писателя, Барсотти приходит к выводу, что этот образ аморфен, и что «притязания на то, чтобы именно этот народ, по большей части не имеющий лица, спасал Европу, – лишь утопия и, можно даже сказать, почти нелепость» (140). Считая Достоевского абсолютно христианским автором, Барсотти констатирует присущие ему «искушение “русским Богом”» и «соблазн связать Бога с землей и народом». Стоит отметить, что итальянский богослов обходит стороной те страницы произведений Достоевского, где писатель обличает Католическую Церковь.

Bosco N. Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità. Padova: Messaggero, 2005. 159 p.

(Боско Н. Вл. Соловьев. Христианство и современность. Падуя: Мессаджеро, 2005. 159 с.)

Книга состоит из семи глав, поступательно освещающих основы философской системы Соловьева, которую Боско именуется «незаконченным проектом по реализации в истории метаисторического всеединства людей» (7). Главы I: Настоящий русский философ; II: Свободная теософия и цельное знание; III: Теократия и экуменизм; IV: Теургия, философия любви и творчества; V: Торжество и поражение антихриста; VI: Иудаизм и христианство; VII: София: русское слово. Боско демонстрирует сложный диалектический путь становления философа в контексте эпохи от его ранних сочинений, содержащих резкую критику западной отвлеченной философии, до поздних трудов, наполненных апокалиптическими предчувствиями

В третьей главе подробно рассматриваются экуменические взгляды Соловьева в их развитии и включенности в масштабный теократический проект. Данная глава представляет особый интерес с точки зрения итальянского соловьеведения. Как представитель университетской линии изучения русской мысли Боско критично подходит к корпусу филокатолических идей Соловьева. Рассматривая экуменизм философа наравне с другими сюжетами его творчества, она пишет: «Главное для Соловьева – восстановление метафизического единства, воплощение Софии-премудрости Божьей. Как раз этого самого главного в его учении и не замечали, и не понимали даже иезуиты. Их больше интересовало действие (сам процесс объединения церкви), а не глубокие мысли, лежащие в его основе» (59).

Актуальность наследия Соловьева Боско видит в том, что «он оставил нам, своим потомкам, теоретико-практическую альтернативу секулярной и атеистической идеологии, которая наводнила мир» (142).

Campatelli M. Saggio introduttivo // Bulgakov S.N. Presso le mura di Chersoneso. Roma: Lipa, 1998. P. 9–200.

(Кампателли М. Вступительная статья // Булгаков С.Н. У стен Херсонеса. Рим: Липа, 1998. С. 9–200.)

Обширное предисловие Марии Кампателли (ученица Т. Шпидлика, директор издательства «Липа» и крупный специалист-булгаковед) к переведенному ей сочинению Булгакова с солидной долей подробности раскрывает контекст написания произведения, экклезиологические и социологические аспекты теории культуры русского философа, основы его учения о Софии. Как для многих других авторов теологической философской русистики, для Кампателли Булгаков является в первую очередь выразителем филокатолической направленности русской мысли. Таким образом, ключевое внимание она уделяет разбору его отношения к Католической и Православной Церквам.

Cantelli C. La filosofia russa: anamorfosi della filosofia occidentale // Giornaledi Bordo di Storia, Letteratura ed Arte. 2010. No. 8. P. 22–45.

(Кантелли К. Русская философия: анаморфозы западной философии // Giornaledi Bordo di Storia, Letteratura ed Arte. 2010. № 8. С. 22–45.)

Придерживаясь западноцентричного подхода, Кантелли полагает, что все национальные философские традиции проходят этап встречи с канонической спекулятивной западной мыслью. Вначале они познают ее, становятся ее учениками, а затем стремятся переписать собственную мыслительную традицию по аналогу с западной или, наоборот, противопоставив себя ей. В отношении русской мысли, по мнению Кантелли, верен второй сценарий.

Начало философского процесса в России Кантелли, соответственно, относит к эпохе ее европеизации. Проследивая в статье судьбу рецепции западных идей русскими мыслителями, исследовательница приходит к выводу, что идентичность русской мысли строится на искажении («анаморфозах») западных концепций и на последующей критике в мессианском и эсхатологическом духе этих доведенных до парадоксальной крайности искажений.

Cavazza A. «La Chiesa è una» di A.S. Chomjakov. Edizione documentario-interpretativa. Bologna: Il Mulino, 2006. 366 p.

(Каватца А. «Церковь одна» А.С. Хомякова. Текстологически-интерпретативный анализ. Болонья: Иль Мулино, 2006. 366 с.)

Настоящая монография представляет собой переработанную докторскую диссертацию Антонеллы Каватца, которую она защитила в Папском Восточном институте (2003 г.). Автор сосредоточен на богословском, в первую очередь экклезиологическом аспекте славянофильства. В книге

опубликован первый оригинальный вариант текста рукописи Хомякова, а также реконструирован историко-культурный контекст написания этого произведения, актуальные для того времени богословские споры в России и в Европе, интеллектуальная биография Хомякова и судьба сочинения «Церковь одна». По сути, настоящая монография – обращение к истории текста Хомякова и к его месту в истории русской литературной, философской и богословской мысли середины XIX столетия.

В работе подробно освещаются богословско-философские влияния русских и западных авторов (прежде всего католических и англиканских богословов), которые испытал Хомяков при написании работы; достижения православного богословия, развивавшегося в стенах духовных академий; содержание распространенных в эпоху написания работы «Церковь одна» богословских трудов (например «Православно-догматическое богословие» митрополита Макария).

Citati D. La passione dell'Eurasia. Storia e civiltà in Lev Gumilëv. Milano-Udine: Mimesis, 2015. 446 p.

(Читати Д. Страсти по Евразии. История и цивилизация в творчестве Льва Гумилева. Милан-Удине: Мимесис, 2015. 446 с.)

В этой работе впервые в итальянской историко-философской науке представлен систематический обзор и всесторонний анализ основных тем, проблем, методологических особенностей наследия Л. Гумилева. Дарио Читати – директор программы «Евразия» при римском Институте высших геополитических исследований смежных наук (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie) – привлек колоссальный объем материала, пройдя вместе с мыслителем его интеллектуальный путь (автор проанализировал многие из тех источников, на которые ссылается Гумилев в своих работах), а также изучил доступный библиографический материал о нем как на русском, так и на европейских языках. Библиографический список (411–433) насчитывает пятнадцать тематических категорий, среди них – два раздела с критической литературой по классическому евразийству и творчеству Гумилева. Историографический каркас работы включает также рассмотрение «предъевразийских» идей и достижений академической ориенталистики конца XIX в., в частности работ ориенталистов университетов Казани и Санкт-Петербурга (Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, С.Ф. Ольденбург и др.).

Монография Читати, прежде всего, нацелена на освобождение мысли Гумилева от идеологизированных диссидентских и пост-советских трактовок его учения, а также в целом на объективное представление феномена евразийства. В задачи ученого входило раскрытие интеллектуальной истории классического евразийства, подробная реконструкция и систе-

матизация мысли Гумилева, критический анализ и оценка его научного наследия (исторических исследований на тему кочевых народов, теории «пассионарного онтогенеза» и др.), обзор современных трактовок идей классических евразийцев и Л. Гумилева в академических и политических кругах России, Казахстана и других бывших советских республик.

Настоящим исследованием подчеркивается, что неоевразийские концепции отражают авторские взгляды разнообразных интерпретаторов наследия Гумилева (А. Дугин, С. Бабурин, А. Акаев) и зачастую существенно искажают оригинальную концепцию мыслителя. Не углубляясь в тонкости «ноевразийских» идеологий, Читати достаточно полно описывает многообразие современного евразийского дискурса, не забыв упомянуть имя А. Панарина как достойный пример академического неоевразийства. Что касается отношения Гумилева к классическому евразийству, то оно, по мнению автора, не выходит за рамки историографической преемственности: мыслитель стал продолжателем традиции классических евразийцев в очень ограниченном смысле, углубив их исследования степных народов и антизападнический пафос.

Coviello D. Invito alla filosofia russa. Romagnano al Monte: Booksprint, 2013. 407 p.

(Ковьелло Д. Приглашение к русской философии. Романьяно-аль-Монте: Букспринт, 2013. 407 с.)

В работе раскрывается история русской философии (все основные течения и персоналии) от Крещения Руси до конца 1990-х гг. Эту книгу стоит отнести к разряду учебных пособий сугубо компилятивного характера. Автор отразил основные предубеждения и стереотипы западноцентричного взгляда на русскую мысль. В перечень русских философов включены А. Кулишова, Р. Люксембург, Н. Крупская, А. Макаренко и другие нетипичные персоналии. Ковьелло негативно отзываясь о Данилевском, называя его «нетолерантным националистом» (156). Про Леонтьева пишет, что его мысль «имела, без сомнений, слабое философское значение и его политические идеи умалила его фанатическая реакционность». Множество прочих подобных указанным суждений обнаруживают некомпетентность автора в теме своего исследования. Книгу можно рассматривать как пример негативного историко-философского мифотворчества.

Dalla Sofia al New Age. Roma: Lipa, 1995. 288 p.

(От Софии к Нью Эйдж. Рим: Липа, 1995. 288 с.)

Данный сборник – результат взаимодействия крупных итальянских специалистов по русской религиозной мысли (как университетского, так и теологического направления). Основная тема – гностические, эзотери-

ческие и пара-религиозные течения в русской мысли, вобравшие в себя многообразные элементы как учений Отцов Церкви, так и каббалы, европейской мистики, ересей XVIII в.

С историко-философской точки зрения особый интерес представляют следующие публикации:

Шнидлик Т. «Софиология Святого Василия Великого».

Боско Н. «Философия без границ. Вл. Соловьев».

Рупник М. «София как творческая память от Соловьева до Тарковского».

Кавацца А. «Розанов и «люди лунного света».

Сташулане А. «Через искусство к теософии. Взгляд на некоторое картины Н. Рериха».

Déchet F. Compagni di strada: saggi su Dostoevskij e Sestov. Bari: Laterza. 1988. 257 p.

(Деше Ф. Попутчики: эссе о Достоевском и Шестове. Бари: Латерца, 1988. 257 с.)

Обстоятельная монография Ферручио Деше представляет собой результат его многолетнего исследования русской и западной философии экзистенциального типа. Достоевский предстает в исследовании подлинным беспочвенником по типу своего философствования. И в этом смысле он является «попутчиком» Шестова.

Первая часть работы посвящена основным идеям произведений Достоевского и интерпретациям его творчества русскими мыслителями от Соловьева до Шестова. Вторая часть работы раскрывает мирозерцание Шестова (главы «Шестов читает Паскаля» и «Шестов критикует Гуссерля»). Деше делает вывод о том, что собирая армию философских единомышленников (Плотина, Ницше, Достоевского, Паскаля, Кьеркегора и др.) для борьбы против очевидного зла разума, Шестов, с одной стороны, открывает новые грани их творчества, но, с другой стороны, «шестовская оптика» (186) искажает и отодвигает на второй план те взгляды, которые расходятся с его представлениями.

Dioletta-Siclari A. I «Sonetti» di L.P. Karsavin. Storia e metastoria. Milano: Franco Angeli, 2004. 144 p.

(Диолетта-Сиклари А. Сонеты Л.П. Карсавина. История и метаистория. Милан:

Франко Анджели, 2004. 144 с.)

Перевод «Венка сонетов» Карсавина на итальянский язык, осуществленный Диолеттой-Сиклари, предваряет исследование историсофских взглядов мыслителя, нашедших отражение в данной стихотворной форме. Литературоведческому анализу содержание сонетов Диолетта-Сикла-

ри посвящает отдельный раздел. В целом исследование работа носит преимущественно историко-философский характер. Сонеты и прозаическое послесловие Карсавина Диолетта-Сиклари интерпретирует как единый текст и считает сонеты апогеем метафизики мыслителя, его теологии истории. Поэтический текст явился, по мнению автора, единственно возможной инструментальной формой для выражения метаисторического измерения отношений Бога и человека.

Ferrari A. La foresta e la steppa. Il mito dell'Eurasia nella cultura russa. Milano: Libri Scheiwiller, 2003. 340 p.

(Феррари А. Лес и степь. Евразийский миф в русской культуре. Милан: Libri Шейвиллер, 2003. 340 с.)

Альдо Феррари – профессор Венецианского университета (Ка’Фоскари), русист, крупнейший в Италии специалист по арменистике, кавказоведению, евразийству, российской ориенталистике. Настоящая монография синтезировала в себе многолетние наработки автора по теме евразийства. С привлечением широчайшего фактологического материала излагается история осознания Россией своей принадлежности к двум культурам – восточной и западной. Будучи сторонником многолинейной концепции истории, он рассматривает евразийство как органичное явление русской культуры, противопоставляя свой взгляд западноцентричному подходу к осмыслению данной концепции.

Исследуя теоретические основания для утверждения особого места России во всемирной истории, Альдо подробно освещает взгляды славянофилов, Данилевского, Леонтьева, Чаадаева, Э. Ухтомского, М. Погодина, С. Уварова, Ф. Достоевского, Н. Федорова и др. Тема «поиска» Востока в русской культуре раскрывается также на материале творчества русских поэтов, писателей, деятельности Географического и Теософского обществ. Классическое евразийство (Трубецкого-Савицкого-Флоровского-Якобсона) предстает в книге Альдо как, с одной стороны, новое явление в русском идейном пространстве, а с другой стороны – как концепция обобщившая многовековые социально-культурные тенденции, наглядно проявившиеся после революции 1917 г.

Filoni M. Il filosofo della domenica. La vita e il pensiero di Alexandre Kojève. Torino: Bollati Boringhieri, 2008. 259 p.

(Филони М. Воскресный философ. Жизнь и философия Александра Кожева. Турин: Боллати Бориньери, 2008. 259 с.)

Автор этого исследования – Марко Филони – итальянский историк философии, систематически занимающийся изучением наследия Кожева³¹⁰ и подготовкой его сочинений к изданию в Италии. В настоящей работе Филони прослеживает философский путь и интеллектуальную биографию мыслителя начиная с юношеских лет и кончая 1945 г., когда Кожев приступает к активной политической деятельности во Франции.

Основной задачей автора, которой подчинена структура настоящей книги, является раскрытие комплексного мировоззрения Кожева, впитавшего в себя влияния русской метафизики, христианства, буддизма, платонизма, сциентизма. Филони выделяет три периода в творческой биографии русско-французского философа: 1) юность, внимание к теологическим сюжетам (Достоевский, Толстой, Соловьев); 2) философское образование в Берлине и Гейдельберге; 3) переезд во Францию и разработка собственной философской доктрины.

Ранние годы жизни Кожева реконструируются итальянским исследователем на основе материалов дневника философа, который к настоящему моменту опубликован в Италии под редакцией Филони. Годы жизни в Германии скрупулезно восстановлены автором по архивным документам. На основании поступательного проникновения в интеллектуальную жизнь мыслителя, Филони обосновывает тезис о том, что самостоятельная рационалистическо-атеистическая доктрина Кожева испытала на себе многообразные влияния, не сводимые лишь к гегельянству.

Genova C. Michail Bakunin. L'etica. Torino: Ananke, 2003. 371 p.

(Дженова К. Михаил Бакунин. Этика. Турин: Ананке, 2003. 371 с.)

Пример комплексного осмысления этического наследия Бакунина. Исследование включает в себя тридцать пять глав последовательно раскрывающих интеллектуальную биографию мыслителя, содержание его трудов, эпистолярного наследия и исторических событий, которые служили важным фоном для развития его этических идей.

Бакунин был скорее профессиональным революционером, чем «регулярным» философом, поэтому исследование его мысли осложняется форматом написанных им текстов, весьма трудно поддающихся разделению

³¹⁰ Стоит отметить, что интерес к интеллектуальному наследию Кожева в Италии значителен: на итальянском языке вышли его основополагающие работы, публикуются архивные материалы, с 1990-х гг. ведутся исследования, посвященные специальным проблемам его творчества.

по тематическим блокам. По большей части это работы, написанные «по случаю» и напрямую связанные с актуальной на то время социально-политической ситуацией или с конкретным историческим событием. Интерпретируя наследие Бакунина в этическом ключе, Карло Дженова выбирает «диахронное представление этической теории Бакунина» (4), постоянно сопоставляя разные моменты его учения с историческими и биографическими фактами. Диахронный анализ помогает также лучше понять причины расхождения М. Бакунина с К. Марксом, Д. Мадзини, С. Нечаевым и другими современниками мыслителя. Бакунина часто обвиняют в имморализме, для подтверждения приводя цитаты из его текстов времен общения с Нечаевым. Во избежание подобных суждений Дженова рассматривает идеи философа-анархиста в их непрерывном становлении, эволюции, внутреннем противоречии и единстве.

В работе делается вывод о том, что «этика представляет собой красную линию, проходящую через все творчество мыслителя...и находящуюся в связке антропология – этика – социология – политика» (4) Эта связка является «скелетом» общей бакунинской доктрины, а «медиумом» (57), соединяющим этический план концепции философа-анархиста с социально-политическим, выступает понятие «свобода».

Автором составлена исчерпывающая библиография текстов русского мыслителя и историографических текстов о нем, написанных российскими и европейскими авторами. Библиографический список разделен на 279 тематических разделов, расположенных в хронологическом порядке.

La critica al marxismo in Russia agli inizi del secolo. Milano: Jaca book, 1991. 167 p.

(Критика марксизма в России в начале века. Милан: Яка бук, 1991. 167 с.)

Данный сборник работ итальянских и русских авторов представляет русский вариант марксизма как глубокое и творческое переосмысление этой идеологии. Ученые напоминают читателям о том, что именно в лице русских мыслителей марксистская доктрина обрела своих самых сокрушительных критиков, которые пошли намного дальше ревизионизма Берштейна и оставили актуальное интеллектуальное наследие для осмысления авторитарных режимов. Содержание сборника показывает неугасающий интерес к истории русского марксизма в современной итальянской науке.

Приводим список публикаций итальянских ученых:

Дель Аста А. «Бердяев и идеология».

Сеттембрини Д. «Марксизм Туган-Барановского между реформизмом и «конструктивизмом».

Модесто П. «Марксизм, мораль и нигилизм: наследие С.Л. Франка».
Страда В. «Сконструировать Бога, переделать человека, трансформировать мир: мечты и реальность марксизма в России».

La filosofia russa 1800–1900. Napoli: La città del sole, 1998. 250 p.
(Русская философия 1800–1900 гг. Неаполь: Ла чигта дель соле, 1998. 250 с.)

Сборник работ известных итальянских специалистов в области русской метафизики освещает идеалистическую традицию русской мысли преимущественно конца XIX – начала XX вв. Некоторые статьи затрагивают литературоведческую проблематику. К историко-философским относятся следующие работы:

Боско Н. «К корням русской мысли: Владимир Соловьев».

Ди Кьяра А. «Начала свободы в творчестве Н.А. Бердяева».

Мастрояни Дж. «Проблемы наследия Бахтина».

Лингва Г. «Пространства воображаемого» в творчестве П.А. Флоренского».

Дживоне С. «Русская мысль и Апокалипсис».

Деше Ф. «Эрос как творчество в учении Н. Бердяева».

Шпидлик Т. «Русская духовность».

Обстоятельный обзор эсхатологических концепций русских мыслителей, предложенный Дживоне, и экскурс в историю смыслов русской религиозной мысли, представленный кардиналом Шпидликом, отличаются широтой привлекаемых исследователями имен и основных понятий русской религиозной мысли. Другие статьи посвящены конкретным философам и частным проблемам их творчества. В частности, Лингва обращается к эстетической концепции Флоренского, описывая впечатления философа от посещения выставки картин П. Пикассо.

Langella M.R. Salvezza come Illuminazione. Uno studio comparato di S. Bulgakov, V. Lossky, P. Evdokimov. Roma: Pontificia università gregoriana, 2000. 283 p.

(Ланжелла М.Р. Спасение как благодать. Сравнительное исследование концепций С. Булгакова, В. Лосского, П. Евдокимова. Рим: Папский Григорианский университет, 2000. 283 с.)

Работа выполнена в духе теологического направления изучения русской мысли и сочетает в себе богословскую и философскую проблематику. Исследуя сoterиологические концепции Булгакова, Лосского и Евдокимова в компаративистском ключе, Ланжелла выясняет значение их теорий для католической теологии и для перспектив экуменического диалога церквей, а также отмечает концептуальные расхождения текстов русских мыслителей с писаниями Отцов Церкви.

Диалектическая методология Ланжеллы предполагает рассмотрение Булгакова как софиолога, Лосского как антисофиолога, а учение Евдокимова представлено в качестве взвешенного синтеза воззрений первых двух философов. Последовательно раскрывая интеллектуальную биографию и процесс формирования основных идей творчества трех русских мыслителей, Ланжелла переходит к реконструкции их ответов на принципиальные сотериологические вопросы:

От кого или от чего мы спасаемся и почему мы нуждаемся в спасении?

Каков механизм спасения и когда оно наступает?

Какова связь между творением и спасением?

Marinelli G. La Russia e il destino dell'occidente. Dostoevskij, Solov'ev, Rozanov, Šestov. Roma: Studium, 1994. 213 p.

(Маринелли Д. Россия и судьба Запада. Достоевский, Соловьев, Розанов, Шестов. Рим: Студиум, 1994. 213 с.)

Подробный и скрупулезный анализ русской историософской и эсхатологической мысли на основе трудов В. Соловьева, Ф. Достоевского, В. Розанова, Н. Бердяева и Л. Шестова. Основная цель книги – философски проанализировать некоторые первостепенные линии развития и характеристики модерна и постмодерна на материале творчества русских мыслителей, которые, по мнению Маринелли, проникли в самые потаенные смыслы западного сознания.

Маринелли сопоставляет концепции русских философов между собой, отмечая их определенное единство, крепкую связь с духовной православной традицией и последовательную передачу смыслов от мыслителя к мыслителю. обстоятельному анализу подвергаются и существенные расхождения их взглядов, противоположные способы размышлений над значением и судьбой модерна. Маринелли приводит также компаративную характеристику воззрений русских религиозных философов и некоторых европейских мыслителей (М. Хайдеггер, К. Левит, Э. Гуссерль, Л. Блуа), делая вывод о схожести их апокалиптического мироощущения.

Mendoza M. Uno scrittore russo del primo '800. Petr Jakovlevic Čaadaev. Mantova: Universitas Studiorum, 2014. 144 p.

(Мендоса М. Русский писатель начала XIX века. Петр Яковлевич Чаадаев. Мантуя: Университас Студиорум, 2014. 144 с.)

В книге реконструирована эволюция историософских взглядов Чаадаева (первое философское письмо и «Апология сумасшедшего»). Мыслитель представлен как герой своего времени, писатель-философ, борец с обскурантизмом русской действительности начала XIX в., а также как основоположник антропологического поворота русской мысли (во многом

благодаря католицизму). Книга подробно воспроизводит историко-культурный и социально-политический фон России начала XIX в. (именно к этому периоду Мендоса относит зарождение самостоятельного философского процесса в стране). Русская мысль в лице Чаадаева, освобожденная от косной государственности и религиозности, впервые смело выступила против мессианизма и узкого национализма. Голос Чаадаева вливается в более широкий цивилизационный диалог, в рамках которого Россия не противопоставляется Европе, но становится ее учеником и критическим последователем.

В монографии также рассмотрены идейно-философские концепции, оформившие взгляды Чаадаева. Последняя глава посвящена исследованию влияния Чаадаева на мысль Достоевского.

**Pavel Florenskij // Humanitas. 2003. No. 4. P. 551–761.
(Павел Флоренский // Гуманитас. 2003. № 4. С. 551–761.)**

На страницах этого номера известного итальянского журнала общей темой творчества Павла Флоренского объединены представители обоих направлений исследования русской мысли в Италии: университетского и теологического. Этим сборником подчеркивается нераздельность теоретических и духовных оснований познания и глубинная связь между философией, богословием и наукой. Кроме этого, публикации, представленные в сборнике свидетельствуют о зрелости и успехах итальянского флоренсковедения.

1. *Каухчишвили Н.* «Формирование Флоренского и литературный текст». Внимательный обзор культурной атмосферы России начала XIX – конца XX вв. С особым акцентом на литературные опыты эпохи и их влияние на мирозерцание Флоренского.

2. *Валентини Н.* «Формы разума. Диалектика, антиномия и новые модели рациональности».

Анализ преодоления дихотомии разум-вера в творчестве о. Павла.

3. *Жак Л.* «Символ как богословский путь. Начальные размышления над символизмом Павла Флоренского».

Рассмотрены основные черты символизма Флоренского, гносеология, эпистемология символа и тринитарная перспектива символизма мыслителя.

4. *Феррари-Браво Д.* «Слово и икона. От истинного познания к истинному видению и наоборот. На примере творчества П. Флоренского».

Анализируются лингвистические аспекты учения Флоренского, сакральная роль слова в искусстве.

5. *Горелов А.* «Связь науки с реальностью в философии П. Флоренского». В статье подробно разбирается концепция науки как символического описания.

6. *Маззанти Д.* «Троица и онтология соборной/экклезиальной любви. Друг, брат и универсальная любовь в творчестве Павла Флоренского». Автор сфокусировался на тринитарной онтологии и антропологии о. Павла, на тринитарных отношениях ипостасей, которые Флоренский переносил на межличностные и социальные отношения.

В сборнике содержится еще несколько статей итальянских авторов и испанского специалиста *Х. Лонес-Саес*, в которых разбираются эстетико-мистические и богословские аспекты учения «русского Леонардо».

Piovesana G. Storia del pensiero filosofico russo (1988–1988). Cinisello Balsamo: Paoline, 1992. 416 p.

(*Пиовесана Д. История русской философии (1988–1988). Чинизелло-Бальсамо: Паолине, 1992. 416 с.*)

Крупнейшая италоязычная обобщающая работа по истории русской философии. Цель автора – раскрыть тысячелетнюю панораму русской мысли начиная от Крещения Руси и заканчивая периодом перестройки. Монографию можно отнести к жанру истории идей. Пиовесана включает в свой труд широкий пласт интеллектуальной культуры России: ее историческое, социально-политическое и религиозное измерение.

Первая глава посвящена периоду, который часто игнорируется в итальянских исследованиях: русская философия X–XVII вв. Основная мысль Пиовесана состоит в том, что русские книжники не были закрыты для западных влияний, но активно использовали идеи европейской схоластики для выработки собственных философских построений и академической философской культуры. В последующих главах автор рассматривает все основные сюжеты из истории русской мысли, объективно и адекватно освещая как рационалистические, так и религиозные идейные течения.

Пиовесана обращает особое внимание на либеральную линию в истории русской философии (т. е. на проблему свободы отстаивания прав человека против автократического режима в трудах русских мыслителей), а также на неоднородность мессианских мотивов в творчестве русских философов.

Что касается советского периода, то, по мнению Пиовесана, философии в Советском Союзе не было, она была полностью отправлена в ссылку. Заканчивается исследование выражением надежды на возвращение бывшего интенсивного философского процесса в Россию.

Piovesana G. Russia-Europa nel pensiero filosofico russo. Storia antologica. Roma: Lipa, 1995. 228 p.

(Пиовесана Д. Россия-Европа в русской философской мысли. Антология истории идей. Рим: Липа, 1995. 228 с.)

Работа представляет собой комментированную антологию текстов русских мыслителей начиная со Сковороды и Радищева и кончая Мамардашвили, Аверинцевым, Хоружим. Книга со специальным фокусом на осмысление образов России и Европы является дополнением к солидному обобщающему труду Пиовесана «История русской философской мысли: 988–1988». Антология, реактуализирующая богатое наследие русской мысли, предлагает читателю вступить в диалог с крупнейшими интеллектуалами XIX и XX столетия по вопросам мессионизма, национализма, будущего России, заимствования европейского культурного и социального опыта, услышать доводы *pro et contra* этих и других проблем. Небольшие фрагменты частично комментированных автором текстов русских философов предваряются краткой биографией и содержанием основных проблем творчества каждого мыслителя. Авторский текст составляет около трети книги. Особой оценки заслуживает удачная подборка текстов первоисточников, органично раскрывающих тему работы.

Работа состоит из девяти глав, последовательно раскрывающих образ России и Европы в русской философской традиции на материале многообразных мировоззренческих ориентаций: I. Россия-Европа в конце XVIII в.; II. Славянофилы и западники; III. Нигилизм, анархизм, народничество; IV. Национализм, панславизм и византизм; V. Философия, религия и общество (представлены взгляды Соловьева, Федорова и Толстого); VI. Либеральное право и либеральный национализм; VII. Религиозная философия и русский марксизм в начале XX в.; VIII. Эмигрантская философия; IX. Сталинский марксизм, конец марксизма и новые тенденции. В качестве эпилога Пиовесана предлагает рассмотреть, «что русские сказали о своей философии» (215), обозначая мнения Зеньковского, Радлова, Яковенко, Н.О. Лосского, Бердяева.

Исторические события определенно наложили отпечаток на данный труд, опубликованный в 1995 г. 1990-е гг. для российского научно-философского сообщества были временем переосмысления марксистского наследия, возвращения утраченных имен и текстов и началом формирования цельного, не урезанного представления о русской мысли. В последней главе Пиовесана задается вопросами: как развивалась русская философия после периода ее «абсолютной обездвиженности» в сталинское время, каковы перспективы русской мысли в постперестроечное время, умер ли марксизм, что представляют собой современные русские западники и славянофилы.

Pozzi V. Kant e l'ortodossia russa. Accademie ecclesiastiche e filosofia in Russia tra XVIII e XIX secolo. Firenze: FU Press, 2018. 213 p.

(Поцци В. Кант и русская православная мысль. Духовные академии и философия в России в XVIII–XIX вв. Флоренция: ФЮ Пресс, 2018. 213 p.)

Монография Веры Поцци представляет собой критическое исследование рецепции наследия И. Канта (особенно его произведения «Критика чистого разума») представителями русской духовно-академической мысли XIX столетия. Наиболее подробно автор останавливается на работах И.Я. Ветринского и П.Д. Юркевича. Основной задачей книги является опровержение распространенного мнения о том, что православная мысль (которая обычно редуцируется до так называемой «русской религиозной мысли» конца XIX–начала XX вв.) была враждебно настроена по отношению к кантианству. Опираясь на обширную литературу (с середины XIX в.), повествующую о философских достижениях духовно-академической мысли и на новейшие российские историко-философские источники, В. Поцци детально исследует специфический контекст развития русского кантианства. Основной вывод исследования состоит в том, что отношение к системе критической философии И. Канта в духовно-академической среде носило куда более открытый, творческий и дружелюбный характер, чем принято считать.

Книга содержит обширный библиографический список историко-философских работ о рецепции кантианства в России.

Rizzo V. Vita e razionalità in Pavel Florenskij. Milano: Jaca book, 2012. 233 p.

(Риццо В. Жизнь и учение Павла Флоренского. Милан: Яка бук, 2012. 233 с.)

Данная работа нацелена на систематическое изложение центральных идей П. Флоренского. Книга призвана приблизить фигуру и концептуальные основы творчества русского философа к кругозору западного читателя, подготовив почву для проникновения в специальные проблемы его наследия. В связи с этим работа носит реферативно-описательный характер. Авторская интерпретация и анализ наследия русского мыслителя не входят в круг задач исследования. Риццо подробно рассматривает контекст эпохи конца XIX – начала XX вв. в России, основные моменты интеллектуальной биографии Флоренского (начиная с детства кончая пребыванием в ГУЛАГе) и некоторые центральные идеи его учения. Вместо заключения опубликована статья Л. Жака «П.А. Флоренский – философ логоса», кратко рецензирующая труд Винченцо Риццо и освещающая достижения и пробелы современного итальянского флоренсковедения.

Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. СПб.: Алетейя, 2014. 257 с.

Достаточно редкая публикация сборника статей участников международной научной конференции в Италии (Неаполь, 2011 г.) на русском языке. Этим изданием подчеркивается актуальность русско-итальянского интеллектуального общения, а также определенная конгениальность двух культур.

К историко-философским публикациям относятся:

1. Интерпретации М.М. Бахтина в Италии. *С. Сини.*

Статья Сини представляет собой «летопись» итальянской бахтинистики (исследования филологов, ученых-славистов, специалистов в области эстетики) с 1960-х гг. понастоящий момент. Половину статьи составляет справочный и библиографический аппарат. Приводится множество историко-философских фактов. К примеру, описывается как в 1961 г. В. Страда открывает Бахтина для себя и всей Италии (посылая перевод его книги о Достоевском в туринское издательство «Эйнауди»), знакомясь с русским мыслителем примерно в тот же период, когда с ним начинают общение Кожин, Гачев и Бочаров.

2. Аугусто Дель Ноче и марксизм советских революционеров. *Д. Барбуто.* В статье рассмотрено понимание марксизма, в том числе его русского варианта, крупным итальянским католическим мыслителем А. Дель Ноче. Представлен его взгляд на различия большевизма Сталина и Ленина.

3. Заболеть Италией: Путешествия русских мыслителей XIX – начала XX в. в поисках себя. *А. Джустино.*

В статье прослеживается италоцентричная точка зрения, согласно которой «расцвет творческой деятельности русских почти полностью совпал со временем частых посещений Европы и в частности Италии» (141). До XIX в. русская культура «носила черты архаики и провинциализма» (140). Джустино рассматривает преимущественно итальянские впечатления Бердяева.

4. Христианский универсализм С.С. Аверинцева. *С. Грачотти.*

Автор раскрывает интеллектуальную биографию и основные идеи творчества Аверинцева.

5. «Мистика» между Европой и Азией в русской религиозно-философской культуре. *С. Канпуо.*

Публикация в духе теологического направления исследования русской мысли, сконцентрированная на общих вехах религиозно-философской мысли Руси («Слово о законе и благодати», «Москва – Третий Рим», западные влияния и противостояние им).

Satta Boschian L. Illuminismo e la steppa. Settecento russo. Roma: Studium, 1994. 550 p.

(Сатта-Боскиан Л. Просвещение и степь. XVIII век в России. Рим: Студиум, 1994. 550 с.)

Комплексное критическое исследование русского интеллектуального контекста XVIII в. Работа, выполненная в жанре истории идей, преимущественно затрагивает литературоведческую, но также религиозную, философскую, социально-политическую проблематики «подготовительного» века русской мысли. Сатта-Боскиан раскрывает впечатляющую панораму русской культуры, обобщив внушительный пласт фактологического материала. Разделы ее книги посвящены петровским преобразованиям и реакциям на них русского общества; русской официальной мысли эпохи Екатерины II и учению Г.С. Сковороды; контактам русских мыслителей с западными философами-просветителями; русской духовной традиции и представителям ученого монашества; русскому масонству; поиску русской национальной идентичности и др.

Сатта-Боскиан выделяет две базовые для русской культуры парадигмы: «просвещение» и «степь». Сталкиваясь в XVIII в., эти противоположные парадигмы формируют всю последующую русскую культурную традицию. Когда Россия после петровских реформ испытывала на себе активное и всестороннее влияние западной мысли, она одновременно располагала мощной альтернативой – «автохтонной духовностью» (425) – благодаря которой «европейское просвещение начинало приобретать русский колорит» (160). Исследовательница указывает на Сковороду как на основного носителя этой альтернативной традиции. Его странствование, пишет автор, «представляет собой одно из самых уникальных философских наследий. Мир, сотрясаемый людьми и событиями, проходил мимо Сковороды. Для него не имело никакого значения, что Екатерина II взошла на трон, что Дидро и энциклопедисты провозглашали смерть Бога во имя разума, и что все это надвигалось на Россию... Между историей и Сковородой расстилалась степь с еebesкочечной безмолвностью» (102). К представителям духовной потаенной традиции «степи» автор относит также Дмитрия Ростовского, Тихона Задонского, Паисия Величковского. Парадигму «просвещения» воплощают Ломоносов и Радищев (при этом первый рассматривается как оригинальный русский мыслитель, а второй – как вдумчивый читатель и компилятор работ иностранных философов).

Продолжением данной работы является книга Сатты-Боскиан «XIX век в России. Гении, демоны и пророки» (Ottocento russo. Geni, diavoli e profeti. Roma, 1994).

Serretti D. Logos-Sofia. La metafisica e l'estetica di Vladimir Solov'ev. Roma: Studium, 2010. 167 p.
(*Серретти Д. Логос-София. Метафизика и эстетика Владимира Соловьева. Рим: Студиум, 2010. 167 с.*)

Исследование Серретти – ученого-слависта и преподавателя русской литературы – представляет собой критический взгляд на основные проблемы творчества русского философа. Раскрывая в первой части работы софиологию Соловьева, он задается вопросом: совместимо ли учение о Софии с догматами Православной Церкви. Серретти анализирует и другие дискуссионные сюжеты творчества философа. К примеру, его трактовку учения Аврелия Августина о свободе воли, которую автор считает абсолютно ошибочной и приводит аргументы в защиту концепции Августина. Серретти критикует чрезмерную спекулятивность мышления русского философа и полагает, что «Соловьев недооценивает роль Божьей благодати в угоду эмпирическим выкладкам, пытаясь философски измерить добро» (53).

Во второй части книги внимательно анализируется эстетическая концепция Соловьева на материале его поэтического наследия. В этом же разделе подробно рассматривается история развития течения символизма в России, основные его представители и влияние учения Соловьева на их теории.

Библиографический список к работе не прилагается. Автор не ссылается на работы других многочисленных итальянских исследователей творчества философа. В качестве опорных им задействованы работы отечественных историков философии (А. Козырева, П. Гайденко, К. Мочульского и др.)

Scocozza C. Aleksandr Herzen e il Risorgimento italiano. Milano: Mimesis, 2010. 221 p.
(*Скокоцца К. Александр Герцен и итальянское Рисорджименто. Милан: Мимесис, 2010. 221 с.*)

Историко-философский труд Кармен Скокоццы сконцентрирован на проблематике Рисорджименто в трудах русского мыслителя. Опорными для автора стали статьи журнала «Колокол», на материале которых раскрывается отношение Герцена к ключевым проблемам и фигурам национально-освободительного движения Италии. В общих чертах представлена интеллектуальная биография мыслителя (скрупулезно реконструированы сюжеты его пребывания в Италии и история отношений с итальянскими интеллектуалами). Отдельная глава посвящена истории итальянского герценоведения. В приложении к книге приводятся несколько статей по теме исследования из журнала «Колокол».

Špidlík T. L'idea russa: un'altra visione dell'uomo. Roma: Lipa, 1995. 461 p. (Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. Рим: Липа, 1995. 461 с. (СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. 464 с.)

Одна из лучших зарубежных монографий по истории русской духовной культуры. Это объективное, глубокое исследование православной традиции и русской философии как ее неотъемлемой части.

Необходимость настоящего исследования Шпидлик объясняет намерением «найти на славянском Востоке те начала, которых, как нам кажется, недостает духовной жизни и цивилизации Западной Европы и которые могут быть сюда привнесены» (9). В основе концепции автора лежит признание существенной оригинальности русской традиции мысли, ее «инаковость», новместе с тем – причастность общему с западной мыслью истоку мудрости.

Книга разделена на семь глав: I. Права личности; II. Познание; III. Права человека и общества; IV. Спасение исторично; V. Человек и космос; VI. От рабства к свободе; VII. Перед лицом Божиим: молитва; VIII. Софиология. В каждой главе освещается важный религиозно-богословский пласт идей (всеединство, свобода, познание, мессианство, эсхатология, зло, творчество, проблема пола и др.) Несомненным достоинством книги является ее диалогичный стиль: Шпидлик будто ведет беседу с русскими мыслителями в достаточно краткой афористичной манере, основательно подкрепляя свои суждениями цитатами первоисточников.

Надо отметить, что в работе отчасти элиминируется важность по-своему оригинального рационалистического течения русской философии. Взгляды мыслителей этого направления, рассматриваемые в связи с некоторыми специальными проблемами русской мысли, представлены как пример искажения и отдаления от настоящего призвания русской идентичности, а призвание это, по мысли Шпидлика, религиозное.

Steila D. Scienza e rivoluzione. La recezione dell'empiriocriticismo nella cultura russa (1877–1910). Firenze: Le lettere, 1996. 530 p.

(Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). Флоренция: Ле леттере, 1996. 530 с. (М., 2013. 366 с.)

Самая обстоятельная зарубежная монография, посвященная русскому варианту эмпириокритицизма (или махизма), описывающая полный жизненный цикл этого идейного течения в России.

В намерение Стейлы входило реконструировать историю горячей полемики, развернувшейся между махизмом, марксизмом и идеализмом, представив махизм в качестве одного из ведущих интеллектуальных течений рубежа XIX–XX вв. Создавая историко-философскую панораму

развития эмпириокритицизма в России, Стейла привлекла колоссальное количество материалов. Данная монография – образец высокопрофессиональной архивной работы. Большая часть источников – это статьи и рецензии в газетах, журналах и сборниках, в том числе и малотиражных, эпистолярное наследие непосредственных участников событий, их воспоминания и другие важные архивные материалы (в том числе из зарубежных архивов – архив Э. Маха во Фрибурге), большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Отметим, что в публикации книги на русском языке пропущено много ссылок справочного и библиографического характера (работа в переводном варианте значительно урезана). В первой части монографии автор знакомит читателя с ключевыми персоналиями из истории зарождения и развития махизма (Лесевич, рабочий-философ Тронин, Луначарский, М. Филиппов, А. Гуревич, Богданов и др.), демонстрирует идейную полемику вокруг этого течения на страницах различных научных журналов эпохи. Русская интеллектуальная жизнь начала XX в. представлена Стейлой как передовая лаборатория мысли, производящая оригинальные философские соединения на основе рецепций европейских идей. Автор показывает то, что эмпириокритицизм в России никогда не был единым течением, но имел ярко выраженные авторские особенности.

Во второй части акцент смещается в политическую область полемики большевиков и меньшевиков. Основательно раскрыта философская составляющая споров и суть многообразных концепций (эмпириомонизм Богданова, эмпириокритицизм ницшеанского типа Луначарского, богоскательство). Основной вывод исследования заключается в том, что махизм был одним из течений-претендентов (наравне с марксизмом) на роль лидирующего всеобъемлющего мировоззрения, позволяющего истолковывать самые разные аспекты реальности и служить основой для действия.

Steila D. Tra Oriente e Occidente: la filosofia russa // Storia della filosofia. Vol. V / A cura di P. Rossi, C.A. Viano. Bari: Laterza, 1997. P. 236–259.
(Стейла Д. Между Востоком и Западом: русская философия // История философии. Т. V. / Отв. ред. П. Росси, К.А. Виано. Bari: Латерца, 1997. С. 236–259.)

Статья выражает традиционную для университетского направления изучения русской философии мысль о том, что последняя является неотъемлемой частью европейской философии и развивалась при непосредственном ее влиянии с момента Крещения Руси и проникновения неоплатонизма в среду русского ученого монашества. При всей объективной интенсивности западного влияния на развитие путей русской философии,

она, по мнению Стейлы, формировалась в уникальном социо-культурном пространстве, наложившем отпечаток на ее интегральный образ и на авторские интерпретации основных проблем мировой философии. Русская мысль для Стейлы прежде всего ориентирована не на чистое философствование, а на активное действие в мире, на его преобразование.

В статье с солидной долей подробности излагается история развития русской мысли начиная с П.Я. Чаадаева кончая философами начала XX в. Автор акцентирует внимание читателя на взглядах русских мыслителей на пути развития собственной страны, Европы и на вопросе общих путей развития цивилизаций.

Steila D. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Dordrecht: Springer, 1991. 246 p.

(Стейла Д. Генезис и развитие теории познания Г.В. Плеханова. Марксист между антропологическим материализмом и психологией. Дордрехт: Шпрингер, 1991. 246 с.)

В монографии актуализируются гносеологические идеи Плеханова, их источники и специфика. Работа включает в себя описание исторического контекста эпохи и общего состояния русского марксизма в начале XX в., рассмотрение интеллектуальной биографии Плеханова, его полемики с немецким и русским ревизионизмом и ее итогов, анализ философских и естественно-научных влияний на гносеологические воззрения русского мыслителя (Спиноза, Кант, Фейербах, Рейнке, Чернышевский, Сеченов и др.). Стейлой избран метод последовательной историко-философской реконструкции эпистемологии русского мыслителя, фокусирующий читателя на изменениях, которые происходили во взглядах Плеханова. Автор дает также общий обзор влияния психологии и естествознания на философские дебаты в России в конце XIX – начале XX вв.

Tagliagambe S., Rispoli G. La divergenza nella rivoluzione. Filosofia, scienza e teologia in Russia (1920–1940). Brescia: La scuola, 2016. 285 p.
(Тальягамбе С., Рисполи Дж. Дивергенция в революции. Философия, наука и богословие в России (1920–1940). Брешиа: Ла scuola, 2016. 285 с.)

Эта оригинальная работа – результат соавторства двух ученых: маститого специалиста по истории русской философии Сильвано Тальягамбе и его научной последовательницы Джулии Рисполи. В центре внимания исследователей – научно-философские концепции трех русских мыслителей – ярких представителей «дивергентной мысли» России начала XX в.: А. Богданова, П. Флоренского и В. Вернадского.

Эпиграфом к монографии выбраны следующие строки из Флоренского: «Вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства»³¹¹. Субстанциональное единство концепций трех русских ученых, по мнению авторов книги, обусловлено разделяемой ими идеей «творческого фильтра» (9), т. е. их общим сознательно-творческим стремлением преобразить мир и человека. Теории Богданова-Вернадского-Флоренского представлены в работе как совокупно гениальный прорывной проект, который не был развит в России в силу исторических причин, но позже, во второй половине XX в., был подхвачен другими мировыми специалистами. Тальягамбе и Рисполи приводят многочисленные примеры научных и философских теорий, сходных или прямо пересекающихся с положениями русских мыслителей («Гея» Джеймса Лавлока, иммунология Нильса Эрне, теория символа Петера Слотердайка и др.). Таким образом, цель работы – продемонстрировать тот факт, что русская «дивергентная» мысль подготовила основания концепциям и линиям исследования которые в XXI в. сохраняют статус научного мейнстрима, и обратить внимание на еще не исчерпанный эвристический потенциал этой мысли. Основная часть книги отведена скрупулезному рассмотрению концепций Богданова, Вернадского и Флоренского в их поступательном оформлении, а также анализу взаимовлияний и теоретико-методологических сходств их учений. Одна из глав отведена экскурсу в архетипичные сюжеты русской культуры (Мать-Сыра Земля, былинный эпос). Подробно реконструирована атмосфера русской «экспериментальной и творческой лаборатории во всех сферах» конца XIX в. – первых десятилетий XX в. (в том числе, рассмотрена лингвистическая теория в. Шкловского, теория искусства В. Кандинского). Затронута проблема расхождений между «дивергентной» мыслью «творческой лаборатории» и утилитарным подходом приверженцев диалектического материализма. В библиографическом списке содержатся работы европейских авторов о Богданове, Вернадском и Флоренском, а также современные труды по философии науки.

Valentini N. Pavel A. Florenskij. Brescia: Morcelliana, 2004. 151 p.
(Валентини Н. Павел Флоренский. Брешиа: Морцеллиана, 2004. 151 с. (М., 2015. 122 с.)

Монография Валентини в общих чертах передает особенности восприятия русской философской традиции в рамках теологического направления исследования русской философии в Италии. В настоящей работе автор выступает в качестве комментатора, а не проблематизатора наследия

³¹¹ *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. С. 112.

Флоренского, последовательно раскрывая жизненный путь, философские влияния и стержневые идеи системы мыслителя. Особым вниманием отмечено мировоззрение о. Павла. Его служение «истине до конца» Валентини называет великим актом самопожертвования русского философа, «свидетельством святости и мученичества в XX веке» (12). Автор представляет творчество Флоренского в качестве вклада в возможное сближение православного и католического миров.

В конце книги содержится подробная библиография, включающая тексты Флоренского и работы о нем на русском, итальянском и других европейских языках.

Valentini N. Volti dell'anima russa. Identità culturale e spirituale del cristianesimo slavo-ortodosso. Milano: Paoline, 2012. 404 p.

(Валентини Н. Лики русской души. Культурная и духовная идентичность православного христианства. Милан: Паолине, 2012. 404 с.)

На страницах обобщающей работы Валентини раскрывается многообразие православной духовной традиции. Обращаясь к различным религиозно-богословским темам в главах своей монографии (тайна взаимоотношений человека и Бога, философия и мистика сердца, исихазм и имяславие, литургия и церковные таинства, русский эрос, метафизика иконы, дружба, страдание и зло, кенозис, пасхальное богословие и др.) автор преимущественно рассматривает их на материале русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. Валентини считает указанный период развития отечественного любомудрия – наиболее оригинальной и значительной стадией развития русского духа. Основная задача книги, как ее формулирует сам автор, состоит в том, чтобы «выразить экуменический потенциал, содержащийся в теологических размышлениях начала прошлого [XX] века» (16).

На страницах данной работы Флоренский, С. Булгаков, Франк, Бердяев предстают выразителями подлинной и оригинальной русской духовности. Особое внимание автор уделяет философско-богословскому учению Флоренского, уподобляя его жизнь и творчество (как своеобразное высшее произведение русского духа) «Троице» Рублева.

Валентини, как и большинство представителей теологического направления исследований русской философии, комплиментарен по отношению к русской духовной культуре. Отстаивая принципиальную оригинальность русской мысли, он подчеркивает ее дополняющую функцию по отношению к западной более рационалистической традиции. Однако стоит отметить не критичное отношение Валентини к наследию русских религиозных философов: автор нигде не упоминает о расхождении их доктрин с учением Православной Церкви.

**Библиографический список трудов
итальянских исследователей
с 1907 по 2018 гг.**

Монографии

1. *Барсотти Д.* Достоевский. Христос – страсть жизни. М.: Паолине, 1999.
2. *Валентини Н.* Павел Флоренский. М.: ББИ, 2015.
3. *Капидуни С.* «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф.М. Достоевский. СПб.: Алетейя, 2013.
4. *Кода П.* Сергей Булгаков. М.: ББИ, 2015.
5. *Ло Гатто Э.* Мои встречи с Россией. М.: Кругъ, 1992.
6. *Стейла Д.* Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). М.: Акад. Проект, 2013.
7. *Страда В.* Этика террора. От Федора Достоевского до Томаса Манна. М.: РОССПЭН, 2014.
8. *Страда В.* Россия как судьба. М.: Три квадрата, 2013.
9. *Шпидлик Т.* Русская идея: иное видение человека. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014.
10. *Aroldi C.* La negazione di Dio e dello Stato in Max Stirner e Michele Bakunin. Ragusa: La Fiaccola, 1966.
11. *Asnaghi A.* L'uccello di fuoco. Storia della filosofia russa. Gorle: Servitium, 2003.
12. *Asnaghi A.* Storia ed escatologia del pensiero russo. Genova: Lanterna, 1973.
13. *Asnaghi A.* L'amante della sofia: vita e pensiero di Vladimir Sergeevic Solov'ev. Cernusco sul Naviglio: CENS, 1990.
14. *Bartolini M.G.* Introspecie mare pectoris tui: ascendenze neoplatoniche nella produzione dialogica di H. S. Skovoroda (1722–1794). Firenze: Firenze university press, 2010.
15. *Battaglia F.* Il problema morale dell'esistenzialismo. Bologna: Zuffi, 1949.
16. *Battistrada F.* Marxismo e populismo (1861–1921). Milano: Jaca Book, 1982.
17. *Berti G.* Un' idea esagerata di libert . Introduzione al pensiero anarchico. Milano: El uthera, 2011.
18. *Berti G.* Il pensiero anarchico dal Settecento al Novecento. Manduria-Bari-Roma: Lacaita, 1998.
19. *Bori P.C.* L'altro Tolstoj. Bologna: Il Mulino, 1995.
20. *Bori P.C., Bettiolo P.* Movimenti religiosi in Russia prima della rivoluzione (1900–1917). Brescia: Queriniana, 1978.
21. *Bori P.C.* La Madonna di S. Sisto di Raffaello. Studi sulla cultura russa. Bologna: Il Mulino, 1990.

22. *Bosco N.* Vladimir Solov'ev. Ripensare il cristianesimo. Torino: Rosenberg e Sellier, 1999.
23. *Bosco N.* Vladimir Solov'ev. Invito alla lettura. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2001.
24. *Bosco N.* Vladimir Solov'ev. Cristianesimo e modernità. Padova: Messaggero, 2005.
25. *Bucceri S. N.* Berdjaev. Brescia: La scuola, 1949.
26. *Cacciari M.* Icone della Legge. Milano: Adelphi, 1985.
27. *Cacciari M.* L'Angelo necessario. Milano: Adelphi, 1986.
28. *Cantelli C.* La bellezza salverà il mondo. Saggio su Vladimir S. Solov'ev. Milano: Librerie CUEM, 1996.
29. *Cantelli C.* L'icona come metafisica concreta: Neoplatonismo e magia nella concezione dell'arte di Pavel Florenskij. Palermo: Centro Internazionale Studi di Estetica, 2011.
30. *Cantelli C.* Simbolo e l'icona. Estetica e filosofia pratica nel pensiero di Vjačeslav Ivanov. Bologna: Pendragon, 2000.
31. *Cantoni R.* Crisi dell'uomo. Il pensiero di Dostoevskij. Milano: Mondadori, 1948.
32. *Caprio S. V.I.* Nesmelov e l'antropologia religiosa russa. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2006
33. *Carrella A.* Lenin: il laboratorio della strategia comunista. Bergamo: Janus, 1992.
34. *Catalfamo G.* Berdiaeff. Il metafisico della libertà. Messina: Edizioni Ferrara, 1953.
35. *Cavaliere F.* La logica formale in Unione Sovietica: gli anni del dibattito, 1946–1965. Firenze: La nuova Italia, 1990.
36. *Cavazza A.* «La Chiesa è una» di A. S. Chomjakov. Edizione documentario-interpretativa. Bologna: Il Mulino, 2006.
37. *Cerroni U.* Le origini del socialismo in Russia. Roma: Riuniti, 1965.
38. *Cerroni U.* V. Lenin. Stato e rivoluzione. Roma: Newton Compton italiana, 1971.
39. *Chiantese M.* Dostoevskij. Filosofia e religione. Firenze: Atheneum, 1999.
40. *Citati D.* La passione dell'Eurasia. Storia e civiltà in Lev Gumil'ev. Milano-Udine: Mimesis, 2016.
41. *Coda P.* L'altro di Dio. Rivelazione e kenosi in Sergej Bulgakov. Roma: Città Nuova, 1998.
42. *Coda P.* Dio Uno e Trino. Rivelazione, esperienza e teologia del Dio dei cristiani. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2009.
43. *Confino M.* Il catechismo del rivoluzionario: Bakunin e l'affare Necaev. Milano: Adelphi, 1976.
44. *Corno D.* Dalla comunicazione al testo: una prospettiva semiotica (con due saggi di Lotman, Pjatigorskij e Uspenskij sul testo). Torino: Centro scientifico, 1996.

45. *Corvisieri S.* Trotskij e il comunismo italiano. Roma: Samonà e Savelli, 1969.
46. *Coviello D.* Invito alla filosofia russa. Romagnano al Monte: Booksprint, 2013.
47. *Coviello D.* Schegge sulla filosofia russa. Breve storia della filosofia russa dalle origini a Gorbaciov. Cermenate: New Press, 2007.
48. *Croce B.* Storia del Europa nel secolo decimonono. Bari: Laterza, 1932.
49. *D'Ambra N.* Bakunin: lettere da Ischia. Ricerca storica. Forio d'Ischia: Centro di Ricerche Storiche d'Ambra, 2016.
50. *Déchet F.* Compagni di strada: saggi su Dostoevskij e Sestov. Roma: Japadre, 1988.
51. *Déchet F.* L'itinerario filosofico di Leone Sestov. Milano: Marzorati, 1964.
52. *Déchet F.* Ottavo giorno della creazione: saggio su N. Berdjaev. Milano: Marzorati, 1969.
53. *Déchet F., Ferrari A.* La Russia e la storia universale: breve antologia del pensiero conservatore russo dell'Ottocento. San Marino: Il cerchio, 1988.
54. *Del Noce A.* Il concetto di ateismo e la storia della filosofia come problema. Bologna: Il Mulino, 1963.
55. *Dell'Asta A.* La creatività. A partire da Berdjaev. Milano: Jaca Book, 1977.
56. *Dell'Era T.* Liberalismo e rappresentanza popolare nella filosofia politica di Boris Nikolaevič Čičerin. Roma: Nuova cultura, 2009.
57. *Dioletta-Siclari A.* I «Sonetti» di L.P. Karsavin. Storia e metastoria. Milano: Franco Angeli, 2004.
58. *Dioletta Siclari A.* L'estetico e il religioso in P.L. Karsavin. Milano: Franco Angeli, 1998.
59. *Dioletta Siclari A.* Simbolisti russi: Belyj, Brjusov, Ivanov, Sologub. Parma: Zara, 1990.
60. *Dioletta Siclari A.* L'Università di Mosca nel Settecento. Milano: I.S.U., Università cattolica, 1994.
61. *Escher Di Stefano A.* Il sogno della verità nel pensiero di Leon Chestov. Napoli: Il Tripode, 1983.
62. *Faenza L.* Dialettica e materialismo dialettico: letture inattuali. Rimini: La rosa, 1994.
63. *Ferrari A.* La foresta e la steppa. Il mito dell'Eurasia nella cultura russa. Milano: Mimesis, 2003.
64. *Ferrari A.* La Russia tra Oriente e Occidente. Per comprendere il continente-arcipelago. Milano: Ares, 1994.
65. *Filoni M.* Il filosofo della domenica. La vita e il pensiero di Alexandre Kojève. Torino: Bollati Boringhieri, 2008.
66. *Filoni M.* Kojève mon ami. Torino: Aragno, 2013.
67. *Fistetti F.* Lenin e il machismo: da Materialismo ed empiriocriticismo ai Quaderni filosofici. Milano: Feltrinelli, 1977.

68. *Flores M.* La forza del mito. La rivoluzione russa e il miraggio del socialism. Milano: Feltrinelli, 2017.
69. *Gančikov L.* Orientamenti dello spirito russo. Torino: ERI, 1958.
70. *Gasparini E.* La cultura delle steppe: morfologia della civiltà russa. Roma: Istituto per l'Europa orientale, 1934.
71. *Gasparini E.* Morfologia della cultura russa: il dramma dell'Intelligencija. Padova: Cedam, 1940.
72. *Gasparini E.* Le previsioni di Constantino Leont'ev. Venezia: La Goliardica, 1957.
73. *Genova C.* Michail Bakunin. L'etica. Torino: Ananke, 2003.
74. *Gentile G.* Mussolini contro Lenin. Roma: Laterza, 2017.
75. *Ghidini M.C.* Il cerchio incantato del linguaggio. Moderno e antimoderno nel simbolismo di Vjaceslav Ivanov. Milano: Vita e pensiero, 1997.
76. *Giulianelli R.* Bakunin e la rivoluzione anarchica. Casal Velino: Galzerano, 1998.
77. *Giusti W.* Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1935.
78. *Giusti W.* Annotazioni sul pensiero russo. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1936.
79. *Giusti W.* Studi sul pensiero illuministico e liberale russo nei secoli XVIII–XIX. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1938.
80. *Giusti W.* Il pensiero politico russo: dal decabrismo alla guerra mondiale. Milano: Istituto per gli studi di politica internazionale, 1939.
81. *Giusti W.* Il pensiero di Lenin. Roma: Cosmopolita, 1945.
82. *Giusti W.* Il pensiero di Trotzky. Firenze: Le Monnier, 1949.
83. *Giusti W.* Josef Stalin. Bolscevismo e capitalismo. Roma: Leonardo, 1945.
84. *Giusti W.* Dostoevskij e il mondo russo dell'Ottocento. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1952.
85. *Giusti W.* Storia del panslavismo. Roma: Colombo, 1946.
86. *Giusti W.* Il panslavismo. Milano: Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, 1941.
87. *Giusti W.* I compagni di Dostoevskij rivoluzionario. Roma: ABETE, 1976.
88. *Giustino A. N.* Berdjaev e la megamacchina planetaria. Spunti di riflessione pedagogica. Napoli: Liguori Editore, 2012.
89. *Giustino A., Lami G.* Storia e filosofia in N.A. Berdjaev. Milano: Franco Angeli, 2000.
90. *Givone S.* Dostoevskij e la filosofia. Bari: Laterza, 2006.
91. *Gobetti P.* Paradosso dello spirito russo. Torino: Einaudi, 1926.
92. *Guardini R.* Dostojevskij. Il mondo religioso. Brescia: Morcelliana, 1995.
93. *Guariglia G.* Il messianismo russo. Roma: Studium, 1956.
94. *Jachia P.* Michail Bachtin. I fondamenti della filosofia del dialogo: individuo, arte, lingua e società nel Circolo di Bachtin S. Bulgakov, V. Lossky, P. Evdokimov (1919–1929). Segrate: Nike, 1997.

95. *Lami G.* Un ribelle “legale”. N.K. Michajlovskij (1842–1904). Contributi per una biografia intellettuale. Milano: Unicopli, 1990.
96. *Lami G.* Perestrojka. Il Vecchio e il Nuovo fra gli intellettuali russi. Milano: Centro di Studi sull’Europa Orientale, 1995.
97. *Langella M.R.* Salvezza come illuminazione. Uno studio comparato di S. Bulgakov, V. Lossky, P. Evdokimov. Roma: Pontificia Univ. Gregoriana, 2000.
98. *Licandro G.* La filosofia in URSS: lineamenti storici e significato politico. Reggio Calabria: I.S.N.P., 1997.
99. *Lingua G.* Kénosis di Dio e santità della materia. La sofiologia di S. N. Bulgakov. Napoli: Esi, 2000.
100. *Lingua G.* Oltre l’illusione dell’Occidente. P.A. Florenskij e i fondamenti della filosofia russa. Torino: Zamorani, 1999.
101. *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa. In 7 voll. Roma: I.P.E.O., 1928–1945.
102. *Lo Gatto E.* I miei incontri con la Russia. Milano: Mursia, 1976.
103. *Lo Gatto E.* Russi in Italia: Dal secolo XVII ad oggi. Roma: Riuniti, 1971.
104. *Lo Gatto E.* Pagine di storia e di letteratura russa. Roma: Anonima romana editoriale, 1928.
105. *Lo Gatto E.* Storia della Russia. In 2 voll. Firenze: Sansoni, 1946.
106. *Lo Gatto E.* L’estetica e la poetica in Russia. Firenze: Sansoni, 1947.
107. *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa contemporanea. Milano: Nuova Accademia, 1958.
108. *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanov: estetica e filosofia. Firenze: La Nuova Italia, 1983.
109. *Malcovati F.* Introduzione a Dostoevskij. Roma: Laterza, 1998.
110. *Manfredi P.* Il neocristianesimo nelle riunioni religioso-filosofiche di Pietroburgo (1901–1903). Agli albori del dibattito modernista. Milano: Mimesis, 2004.
111. *Marinelli G.* La Russia e il destino dell’Occidente. Dostoevskij, Solov’ev, Rosanov, Sestov. Roma: Studium, 1994.
112. *Masini P.* Storia degli anarchici italiani: da Bakunin a Malatesta, 1862–1892. Milano: Rizzoli, 1972.
113. *Masoero A.* Vasilij Pavlovic Voroncov e la cultura economica del populismo russo (1868–1918). Milano: Franco Angeli, 1988.
114. *Mastroianni G.* Ipotesi su Bachtin. Napoli: Istituto italiano per gli studi filosofici, 2009.
115. *Mastroianni G.* La filosofia in Russia prima della rivoluzione: i «Voprosy filosofii i psichologii», 1890–1917. Milano: Guerini e Associati, 1989.
116. *Mastroianni G.* Pensatori russi del Novecento. Roma: L’officina tipografica, 1993.

117. *Mastroianni G.* Il materialismo storico di N. I. Bucharin. Firenze: Sansoni, 1982.
118. *Mastroianni G.* Lenin e la rivoluzione russa. Firenze: Giunti, 1993.
119. *Mastroianni G.* Il pensiero religioso e politico di Tolstoj in Italia (1886–1910). Firenze: Olschki, 1996.
120. *Medusa L.* Nikolai Berdjajev: la morale. I valori morali nella riflessione di Nicolai Berdjajev. Napoli: M. D’Auria, 1984.
121. *Mendosa M.* Uno scrittore russo del primo ‘800. Petr Jakovlevic Čaadaev. Mantova: Universitas Studiorum, 2014.
122. *Mondin B.* I grandi teologi del secolo XX. Vol. II: I teologi protestanti e ortodossi. Torino: Borla, 1972.
123. *Mondin B.* Storia della teologia: Epoca contemporanea. Bologna: Edizioni Studio Domenicano, 1997.
124. *Orabona A.* Il grandioso Ottocento russo. Filosofi, filosofie, narratori da Puskin a Rozanov. Civitella in Val di Chiana: Zona, 2010.
125. *Pacini A.* Lo Spirito Santo nella Trinità. Il Filioque nella prospettiva teologica di Sergej Bulgakov. Roma: Città Nuova, 2004.
126. *Pacini G.* Nietzsche lettore dei grandi russi. Milano: Mondadori, 2001.
127. *Palmieri A.* La chiesa russa: le sue odierne condizioni e il suo riformismo dottrinale. Firenze: Libreria editrice fiorentina, 1908.
128. *Palmieri A.* Theologia dogmatica orthodoxa ecclesiae Graeco-Russicae ad lumen catholicae doctrinae examinata et discussa. Firenze: Libreria editrice fiorentina, 1911.
129. *Pareyson L.* Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino: Einaudi, 1993.
130. *Pareyson L.* Il pensiero etico di Dostoevskij. Torino: Einaudi, 1967.
131. *Pastore A.* La filosofia di Lenin. Milano: Edizioni G. Bolla, 1946.
132. *Pavan S.* Rozanov e Sinjavskij. Un rapporto ideale e controverso. Firenze: Alinea, 1998.
133. *Peano L.* La Chiesa nel pensiero russo slavofilo. Brescia: Morcelliana, 1964.
134. *Pernice R.* L’etica della rivoluzione in M. Bakunin. Roma: Lo Faro, 1987.
135. *Piovesana G.* Russia-Europa nel pensiero filosofico russo. Storia antropologica. Roma: Lipa, 1995.
136. *Piovesana G.* Storia del pensiero filosofico russo: 988–1988. Milano: Paoline, 1992.
137. *Poggio P.* Aspetti della teoria sociale in Russia: l’ideologia comunitaria slavofila. Genova: Centro ligure di storia sociale, 1976.
138. *Poggio P.* L’obscina: comunità Contadina e rivoluzione in Russia. Milano: Jaca Book, 1978.
139. *Poggioli R.* Rozanov. N. Y.: Hillary House, 1962.

140. *Ponzio A.* Michail Bachtin: alle origini della semiotica sovietica. Bari: Dedalo, 1980.
141. *Ponzio A.* Segni e contraddizioni: fra Marx e Bachtin. Verona: Bertani, 1981.
142. *Ponzio A.* Scrittura, dialogo, alterità: tra Bachtin e Lévinas. Scandicci: La nuova Italia, 1994.
143. *Ponzio A.* La rivoluzione bachtiniana: il pensiero di Bachtin e l'ideologia contemporanea. Bari: Levante, 1997.
144. *Ponzio A.* Tra semiotica e letteratura. Introduzione a Bachtin. Milano: Bompiani, 2003.
145. *Ponzio L.* Icona e raffigurazione: Bachtin, Malevič, Chagall. Milano-Udine: Mimesis, 2016.
146. *Pozzi V.* Kant e l'ortodossia russa. Accademie ecclesiastiche e filosofia in Russia tra XVIII e XIX secolo. Firenze: Firenze University Press, 2018.
147. *Prosperi P.* Al di là della parola. Apofatismo e personalismo nel pensiero di Vladimir Losskij. Roma: Città Nuova, 2013.
148. *Razzano L.* L'estasi del bello nella sofologia di S.N. Bulgakov. Roma: Città Nuova, 2006.
149. *Rispoli G.* Dall'Empiriomonismo alla Tectologia. Organizzazione, complessità e approccio sistemico nel pensiero di Aleksandr Bogdanov. Roma: Aracne, 2012.
150. *Rizzo V.* Vita e razionalità in Pavel A. Florenskij. Milano: Jaca Book, 2012.
151. *Ronco A.* L'Esistenzialismo religioso di N. Berdiaev. Roma, 1960.
152. *Rose G.* Bibliografia di Bakunin. Catania: Edizioni della rivista Anarchismo, 1976.
153. *Rosselli N.* Mazzini e Bakunin: dodici anni di movimento operaio in Italia (1860–1872). Molinara: West Indian, 2014.
154. *Rossi D.* Michail Bakunin (1814–2014). Il bicentenario di un infaticabile rivoluzionario. Roma: Pgreco, 2014.
155. *Rossignotti M.* Persona e tempo in Berdjaev. Bologna: Studio Domenicano, 1993.
156. *Russo M.* La dialettica della libertà in Nietzsche e Dostoevskij. Saonara: Il Prato, 2014.
157. *Salizzoni R.* L'idea russa di estetica, Sofia e Cosmo nell'arte e nella filosofia. Torino: Rosenberg & Sellier, 1992.
158. *Salizzoni R.* Michail Bachtin autore ed eroe. Torino: Trauben, 2003.
159. *Salomoni A.* Lenin e la rivoluzione russa. Firenze: Giunti, 1993.
160. *Salomoni A.* Il pensiero religioso e politico di Tolstoj in Italia (1886–1910). Firenze: Olschki, 1996.
161. *Salvestroni S.* Dostojevskij e la Bibbia. Magnano: Qiqajon, 2000.

162. *Santorno S.* L'Italia e L'Europa orientale. Diplomazia culturale e propaganda 1918–1943. Milano: Franco Angeli, 2005.
163. *Satta Boschian L.* Illuminismo e la steppa Settecento russo. Roma: Studium, 1994.
164. *Satta Boschian L.* Ottocento russo. Geni, diavoli e profeti. Roma: Studium, 1994.
165. *Satta Boschian L.* Vita di Lenin, Roma: Studium, 1990.
166. *Satta Boschian L.* Dalla Santa Russia all' URSS (1905–1924). Roma: Studium, 1988.
167. *Sbriziolo I.P.* Il sermone di Ilarion “sulla legge e sulla grazia”. Napoli: Istituto universitario orientale, 1988.
168. *Sbriziolo I.P.* Tipologia, struttura e stile dei Poslanija della Rus' (XIV–XVI secolo). Roma: Il Calamo, 1995.
169. *Scarlato A.* L'immagine di Cristo, le parole del romanzo. Dostoevskij e la filosofia russa. Milano: Mimesis, 2007.
170. *Schultze B.* Pensatori russi di fronte a Cristo. In 3 voll. Firenze: Mazza, 1947–1949.
171. *Schultze B.* Il senso della storia nel pensiero russo. Roma: Civiltà Cattolica, 1955.
172. *Sciacca M.F.* Il problema del Dio e della religione nella filosofia attuale. Brescia: Morcelliana, 1944.
173. *Scocozza C.* Aleksandr Herzen e il Risorgimento italiano. Milano: Mimesis, 2010.
174. *Serretti D.* Logos-Sofia La metafisica e l'estetica di Vladimir Solov'ev. Roma: Studium, 2010.
175. *Sini S.* Michail Bachtin: una critica del pensiero dialogico. Roma: Carocci, 2011.
176. *Špidlik T.* L'idea russa: un'altra visione dell'uomo. Roma: Lipa, 1995.
177. *Špidlik T.* I grandi mistici russi. Roma: Città Nuova, 1977.
178. *Steila D.* Scienza e rivoluzione. La recezione dell'empiriocriticismo nella cultura russa (1877–1910). Firenze: Le Lettere, 1996.
179. *Steila D.* Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Dordrecht; Boston: Springer, 1991.
180. *Strada V.* Tradizione e rivoluzione nella letterature russa. Torino: Einaudi, 1969.
181. *Strada V.* La rivoluzione svelata. Una lettura nuova dell'ottobre 1917 un'altra prospettiva. Roma: Fondazione Liberal, 2007.
182. *Strada V.* Lenin, Stalin, Putin. Studi su comunismo e postcomunismo. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2011.
183. *Strada V.* Umanesimo e terrorismo nel movimento rivoluzionario russo. Il “caso Nechaev”. Roma: Edizioni dell'Asino, 2012.

184. *Strada V., Scherrer J., Gloveli G.* L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunacarskij-Bogdanov: la "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio". Capri: La Conchiglia, 1994.
185. *Strada V.* EuroRussia: letteratura e cultura da Pietro il Grande alla rivoluzione. Bari: Laterza, 2005.
186. *Strada V.* La questione russa: identità e destino. Venezia: Marsilio, 1991.
187. *Tagliagambe S.* Il sogno di Dostoevskij. Come la mente emerge dal cervello. Milano: Raffaello Cortina, 2002.
188. *Tagliagambe S.* Come leggere Florenskij. Milano: Bompiani, 2006
189. *Tagliagambe S.* Il cielo incarnato. L'epistemologia del simbolo di Pavel Florenskij. Roma: Aracne, 2013.
190. *Tagliagambe S.* Materialismo e dialettica nella filosofia sovietica. Torino: Loescher, 1979.
191. *Tagliagambe S.* Scienza, filosofia, politica in Unione Sovietica (1924–1939). Milano: Feltrinelli, 1978.
192. *Tagliagambe S., Mironov V.V.* Il destino del marxismo in Russia: dall'idolatria al rifiuto, Roma: Luiss Edizioni, 2001.
193. *Tagliagambe S., Rispoli G.* La divergenza nella rivoluzione. Filosofia, scienza e teologia in Russia (1920–1940). Brescia: La Scuola, 2016.
194. *Torno A.* La filosofia In Russia. Milano: Book Time, 2013.
195. *Valentini N.* L'arte di vivere. Sei lezioni su P. A. Florenskij. Firenze: Santa Brigida, 2009.
196. *Valentini N.* Memoria e Risurrezione in Florenskij e Bulgakov. Verucchio: Pazzini, 1997.
197. *Valentini N.* Pavel A. Florenskij. Brescia: Morcelliana, 2004.
198. *Valentini N.* Pavel A. Florenskij: la sapienza dell' amore. Teologia della bellezza e linguaggio della verità. Bologna: EDP, 1997.
199. *Valentini N.* Pavel A. Florenskij. Ragione e dialettica. (Introduzione al pensiero teologico). Brescia: Morcelliana, 2004.
200. *Valentini N.* Volti dell'anima russa. Identità culturale e spirituale del cristianesimo slavo-ortodosso. Milano: Paoline, 2012.
201. *Valenziano M.G.* Florenskij. la luce della verità. Roma: Studium, 1986.
202. *Varengo S.* Pagine anarchiche. Petr Kropotkin e il mensile "Freedom" (1886–1914). Roma: Biblion, 2015.
203. *Vegetti M.* La fine della storia: saggio sul pensiero di Alexandre Kojève. Milano: Jaca Book, 1999.
204. *Venturi A.* Rivoluzionari russi in Italia. 1917–1921. Milano: Feltrinelli, 1979.
205. *Venturi F.* Il populismo russo. Torino: Einaudi, 1952.
206. *Venturi F.* Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino: Einaudi, 1956.
207. *Venturi F.* Roots Of Revolution. A History Of The Populist And Socialist Movements In Nineteenth Century Russia. N. Y.: Revised, 1960.

208. *Vitiello V.* Cristianesimo e nichilismo. Dostoevskij-Heidegger. Brescia: Morcelliana, 2005.
209. *Wetter G.* Il materialismo dialettico sovietico. Torino: Einaudi, 1948.
210. *Zák L.* Pavel A. Florenskij. Invito alla lettura. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2002.
211. *Zák L.* Verità come ethos. La teodicea trinitaria di P. A. Florenskij. Roma: Città Nuova, 1998.
212. *Zangrando S.* Aspetti della teoria del romanzo: Ortega y Gasset, Lukács, Bachtin. Trento: Dipartimento di studi letterari, linguistici e filologici, 2006.
213. *Zoccoli E.* L'anarchia: Gli agitatori. Le idee. I fatti. Milano: Bocca, 1949.
214. *Zoppo F.* La rivelazione della libertà. Saggio sul personalismo di N. Berdiaev. Firenze: Editoriale Kursaal, 1966.
215. *Zoppo F.* Dostoevskij, il Dio russo e il Cristo russo. Taranto : Athena, 1959.
216. *Zucal S.* Romano Guardini e la metamorfosi del religioso tra moderno e post-moderno: un approccio ermeneutico a Hölderlin, Dostoevskij e Nietzsche. Urbino: QuattroVenti, 1990.

Статьи

- 217 *Аснаги А.* Интерес к русской религиозной философии XX в. в Италии // Русская религиозно-философская мысль XX в.. Питтсбург: Отд-ние. Славян. яз. и лит. Питтсбург. ун-та, 1975. С. 142–149.
- 218 *Барбуто Д.* Аугусто Дель Ноче и марксизм советских революционеров // Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2014. С. 186–199.
- 219 *Бори П.Ч.* Новое прочтение «Трех разговоров» и повести об антихристе Вл. Соловьева. Конфликт двух универсализмов // Вопр. философии. 1990. № 9. С. 27–36.
- 220 *Бори П.Ч.* Развитие идеи ненасилия: «непротивление» у Льва Толстого // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 88–97.
- 221 *Валентини Н.* Понятие «дружба» в трудах П.А. Флоренского // На пути к синтетическому единству европейской культуры: Философско-богослов. наследие П.А. Флоренского и современность. М.: ББИ, 2006. С. 71–84.
- 222 *Вентури А.* Русско-итальянская модель В.М. Чернова (1899–1902) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: Европ. дом, 1997. С. 21–30.
- 223 *Вентури А.* Русские эмигранты-революционеры в Италии (1906–1922) // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 44–52.

- 224 *Гидини М.К.* Особенности герменевтики Г.Г. Шпета // Начала. 1992. № 2. С. 13–18.
- 225 *Грачотти С.* Христианский универсализм С.С. Аверинцева // Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб.: Алетей, 2014. С. 225–235.
- 226 *Де Миккел М.* За то, что я пережил и понял в искусстве, должен отвечать своей жизнью. Заметки о рецепции идей М.М. Бахтина в Италии // Бахтин. чтения-I: Материалы Международ. науч. конф. Витебск: Витебский ун-т, 1998. С. 85–96.
- 227 *Дель Аста А.* Красота и спасение в мире Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 250–262.
- 228 *Дель Аста А.* Проблема церковного единства у С. Булгакова // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь: Международ. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения. М.: Рус. путь, 2003. С. 285–300.
- 229 *Дель Аста А.* Реализм В.С. Соловьева // Соловьевский сб.: материалы междунар. конф. «В.С. Соловьев и его философское наследие». М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 272–294.
- 230 *Дель Аста А.* Соборность, личность и преображение против коммунальности, индивидуализма и революции – пример и свидетельство русской религиозной философии в мире тоталитаризма // Личность в церкви и в обществе: материалы Международ. научно-богослов. конф. (г. Москва, 17–19 сент. 2001 г.). М.: Свято-Филарет. моск. высш. православно-христиан. шк., 2003. С. 105–119.
- 231 *Диолетта-Сиклари А.* Символ и миф в мышлении Л.П. Карсавина // Историко-филос. альманах. 2010. № 3. С. 226–235.
- 232 *Диолетта-Сиклари А.* Смысл и значение «индивидуализации» культуры в мышлении Л.П. Карсавина // Лев Платонович Карсавин. Сер. Философия России первой половины XX в.. М.: РОССПЭН, 2012. С. 340–359.
- 233 *Жак Л.* «Единство и множество»: к вопросу об истории проблемы и попытке ее тринитарного решения в работах П.А. Флоренского // На пути к третьему тысячелетию. Материалы 1-го междунар. симпози., посвящ. третьему тысячелетию христианства. М.: Екклесия Пресс, 1999. С. 160–169.
- 234 *Жак Л.* Актуальность богословия С. Булгакова в диалоге с Западом // Православное богословие и Запад в XX в.: История и встречи. М.: Христиан. Россия, 2006. С. 119–146.
- 235 *Кавацца А.* Эклисиология А.С. Хомякова и ее влияние на религиозные искания Л.Н. Толстого // Духовное наследие А.С. Хомякова: теология, философия, этика. Юбилейн. сб. Тула: Изд-во ТГПУ, 2003. С. 78–96.

- 236 *Кавацца А.* «Церковь одна» А.С. Хомякова в Самаринской рукописи // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Т. 1. М.: Яз. славян. культуры, 2007. С. 355–360.
- 237 *Капидуни С.М.* Вера и разум у Достоевского: наследие надежды между традицией и современностью // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2003. С. 122–134.
- 238 *Каприо С.* «Мистика» между Европой и Азией в русской религиозно-философской культуре // Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2014. С. 236–249.
- 239 *Карпи Г.* Икона в русской литературе XIX в.: Ф.М. Достоевский // Икона и образ, иконичность и словесность. М.: Паломник, 2007. С. 222–248.
- 240 *Каухчишвили Н.* Можем ли мы считать П.А. Флоренского духовным отцом объединенной Европы? (Предварительные размышления) // Философия, богословие и наука как опыт цельного знания: Сб. ст. по итогам юбилей. конф., посвящ. П.А. Флоренскому. М.: Макс Пресс, 2012. С. 324–335.
- 241 Конференция в Бергамо [интервью с Н. Каухчишвили] // Наука и религия. 1988. № 6. С. 56–57.
- 242 *Майнарди А.* Образы постмодернистской рациональности в русской современной мысли. Взгляд извне // Соловьев. исслед. 2011. № 4. С. 27–41.
- 243 *Оттавиано Д.* Г. Шпет: путь от феноменологии к герменевтике // Horizon: Феноменол. исслед. 2013. № 2. С. 62–76.
- 244 *Петрилли С.* Бахтин, прочитанный в Италии // Михаил Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002. С. 361–382.
- 245 *Поцци В.* Поэтическая антропология Ольги Седаковой. Диалог с Сергеем Аверинцевым и Борисом Пастернаком // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 321–356.
- 246 *Рисполи Д.* Теории систем и эволюционные трансакции в контексте учения А.А. Богданова // Филос. науки. 2014. № 12. С. 50–65.
- 247 *Серретти Д.* Монархо-универсалистская идея Данте и теократический идеал Вл. Соловьева // Соловьев. исслед. 2004. № 9. С. 97–111.
- 248 *Серретти Д.* Соловьев и младосимволисты между символом и реальностью // Соловьев. исслед. 2008. № 18. С. 164–176.
- 249 *Сини С.* Интерпретации М.М. Бахтина в Италии // Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2014. С. 172–185.
- 250 *Стейла Д.* В.В. Тронин и А.В. Луначарский в Цюрихе: судьбы двух русских философов-эмигрантов // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: Европ. дом, 1997. С. 128–141.

- 251 *Стейла Д.* Идея русской философии как элемент коллективной идентичности. Исторический очерк // Соловьев. исслед. 2011. № 4. С. 41–54.
- 252 *Стейла Д.* История и идеалы: значение некоторых неокантианских тем в спорах русских марксистов на рубеже XIX и XX вв. // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 328–341.
- 253 *Стейла Д.* Предисловие // Неизвестный Богданов. Т. III: Десятилетие отлучения от марксизма. М.: Изд. центр «АИРО-XX», 1995. С. 5–21.
- 254 *Стейла Д.* Теория познания Г.В. Плеханова и ее философские источники // Марксизм в России: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 23–49.
- 255 *Стейла Д.* Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм // Вопр. философии. 2012. № 1. С. 129–143.
- 256 *Стейла Д.* Эволюция теории познания Г.В. Плеханова в дискуссии о ревизионизме // П Плеханов. чтения: Тез. докл. Л., 1991. С. 59–62.
- 257 *Стейла Д.* Проблема ответственности и человеческой личности: М.К. Мамардашвили и А.А. Зиновьев // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2014. С. 435–455.
- 258 *Стейла Д.* В поисках «научного мировоззрения»: соображения о русском махизме // Вопр. истории естествознания и техники. 1994. № 1. С. 44–59.
- 259 *Тальягамбе С.* Об одной концепции логики микрофизики // Вопр. философии. 1972. № 7. С. 68–77.
- 260 *Феррари А.* К истории евразийской идеи: взгляд с Запада // Евразийство: пробл. осмысления. Материалы междунард. науч. конф. (г. Уфа 14–15 сент. 2000 г.). Уфа: Вос. ун-т, 2002. С. 61–66.
- 261 *Феррари А.* Евразийская парадигма русской культуры: проблемы и перспективы // Вестн. Евразии. 2006. № 1. С. 7–18.
- 262 *Читати Д.* Similia cum similibus. Наследие Л. Гумилева как преодоление этноцентризма и мультикультурализма // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы: Сб. ст. междунард. науч. конгр., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева (г. Санкт-Петербург, 1–3 окт. 2012 г.) СПб: РГПУ им. Герцена, 2012. С. 269–274.
- 263 *Accarini G.* La ricerca di una nuova via spirituale in «Colonna e fondamento della Verità» di Pavel Florenskij // Rivista di filosofia neoscolastica. 1975. No. 5. P. 726–737.
- 264 *Acquaviva M.* Heidegger e Florenskij lettori di san Paolo // Rivista di Scienze religiose. 2009. No. 1. P. 91–117.

- 265 *Anedda A.* L'icona e lo sguardo. Dalla bellezza alla compassione // *Humanitas*. 2003. No. 4. P. 648–650.
- 266 *Antomarini B.* La natura come caso speciale della tecnica // *La tecnica e il corpo. Riflessioni su uno scritto di Pavel Florenskij*. Milano: Franco Angeli, 2007. P. 100–113.
- 267 *Asnaghi A.* I cento anni di Vladimir S. Solov'ëv // *La scuola Cattolica*. 1953. No. 81. P. 288–315.
- 268 *Azzaro Pulvirenti R.* Introduzione // *Ern V.F. Rosmini e la sua teoria della conoscenza. Ricerca sulla storia della filosofia italiana del XIX secolo*. Milano: San Paolo, 2010. P. 13–81.
- 269 *Azzaro Pulvirenti R.* Sciacca e il pensiero russo // *Sciacca: la filosofia dell'integralità*. Firenze: Olschki, 2010. P. 889–897.
- 270 *Barsotti D.* La mistica dell'unità-totalità // *Solovjov. Cristianesimo russo*. Firenze: Libreria editrice Fiorentina, 1948. P. 139–155.
- 271 *Bartolini M.G.* Kiev e la formazione culturale di H.S. Skovoroda // *Kiev e Leopoli. Il "testo" culturale*. Firenze: Firenze University Press, 2007. P. 61–75.
- 272 *Bartolini M.G.* Metafore spaziali della conoscenza di sé nei dialoghi di H.S. Skovoroda. *Fonti patristiche // Studi slavistici*. 2008. No. 5. P. 65–88.
- 273 *Bartolini M.G.* "Manlier than many men". Images of Female Sanctity in Simeon Polotskii's Court Sermons // *Studi Slavistici*. 2016. No. 13. P. 7–22.
- 274 *Bartolini M.G.* A Linguistic Analysis of the First and Second Redactions of H.S. Skovoroda's Dialogue Narkiss: from a Local to a Supernatural Perspective // *Wiener Slavistischer Jahrbuch*. 2015. No. 2. P. 26–48.
- 275 *Bartolini M.G.* Il testo skovorodiano Ubuždešsja, viděša slavu ego: un trattato catechetico-liturgico sulla festa della Trasfigurazione // *Studi Slavistici*. 2014. No. 11. P. 7–22.
- 276 *Bartolini M.G.* "Glava že vsěm Biblija". Le citazioni bibliche nell'opera di H.S. Skovoroda (1722–1794) tra tradizione slava ecclesiastica e cultura barocca // *Studi Slavistici*. 2012. No. 9. P. 29–52.
- 277 *Bartolini M.G.* Il tempo del saggio come imago aeternitatis: otium e negotium nella produzione filosofica di H.S. Skovoroda (1722–1794) // *Immagini di tempo. Studi di Slavistica*. Verona: QuiEdit, 2010. P. 15–30.
- 278 *Bazzarelli E.* Remo Cantoni interprete di Dostoevskij // *Materiali di estetica*. 2003. No. 9. P. 45–54.
- 279 *Betti R.* Pavel Florenskij: matematica e visione del mondo // *Emmeciquadro*. 2009. No. 35. P. 83–97.
- 280 *Bori P.C.* Introduzione // *Bulgakov S.N. Il prezzo del progresso: saggi 1897–1913*. Casale Monferrato: Marietti, 1984. P. 8–62.
- 281 *Bori P.C.* Lo sviluppo dell'idea di nonviolenza: la "non-resistenza" in Lev Tolstoj // *La nonviolenza come strategia di mutamento sociale*. Padova: Cedam, 1992. P. 11–20.

- 282 *Bosco N.* La filosofia russa come filocalia // Icona e avanguardie. Percorsi dell'immagine in Russia. Torino: Zamorani, 1999. P. 25–31.
- 283 *Bosco N.* Il pensiero religioso russo // Dio nella filosofia del Novecento. Brescia: Queriniana, 1993. P. 502–511.
- 284 *Bosco N.* Vladimir Solov'ev e Sergej N. Bulgakov. Due sofologie // Filosofia e Teologia. 1992. No. 2. P. 199–215.
- 285 *Bosco N.* N. Bulgakov, un uomo amato da Dio // La Nuova Europa. 1998. No. 5 P. 45–48.
- 286 *Bosco N., Lingua G., Bernardi P.* Storia e storiografia bulgakoviane // Filosofia e Teologia. 1992. No. 2. P. 236–252.
- 287 *Bunciuga F.* Bakunin. 200 anni dopo // Rivista anarchica. 2015. No. 1. P. 119–125.
- 288 *Burini S.* Nota a Ju. Lotman “L'insieme artistico come spazio quotidiano” // Strumenti critici. 1995. No. 78. P. 234–242.
- 289 *Caffo L.* Il popolo reale e vivente. Intervista (immaginaria) a Michail Bakunin // Rivista anarchica. 2014. No. 6. P. 221–223.
- 290 *Campatelli M.* Introduzione // *Bulgakov S.N.* Presso le mura di Chersoneso. Roma: Lipa, 1998. P. 9–200.
- 291 *Cantelli C.* Filosofia russa // Filosofie nel mondo. Milano: Bompiani, 2014. P. 69–248.
- 292 *Cantelli C.* La filosofia russa: anamorfose della filosofia occidentale // Giornale di Bordo di Storia, Letteratura ed Arte. 2010. No. 8. P. 22–45.
- 293 *Cantelli C.* L'estetica di Solov'ev // Rivista di Estetica. 1993. Vol. 44–45. No. 1. P. 139–166.
- 294 *Cantelli C.* Solov'ev, Nietzsche e i simbolisti russi // Paradosso. 1994. Vol. 9. No. 5. P. 201–226.
- 295 *Cantelli C.* Il male in Solov'ev // Paradosso. 1994. No. 3. P. 119–149.
- 296 *Cantelli C.* Arte e creazione nella metafisica simbolica di Florenskij // Paradosso. 1997. No. 4. P. 89–107.
- 297 *Cantelli C.* Corporeità dell'idea nella sofologia russa // Le provocazioni dell'estetica. Dibattiti a Gargnano. Torino: Trauben, 1999. P. 49–60.
- 298 *Cantelli C.* Nichilismo russo e décadence dell'Occidente // Il dibattito sui valori tra Ottocento e Novecento. Milano: Franco Angeli, 2004. P. 9–26.
- 299 *Cantelli C.* La profezia dell'opera d'arte assoluta. Estetica e cosmologia in N.F. Fëdorov // Estetica. 2003. Vol. 2. No. 10. P. 17–43.
- 300 *Cantelli C.* Florenskij e l'icona come simbolo: tra regressione e attualità // Reportata. 2014. No. 1. URL: <http://mondodomani.org/reportata/cantelli01.htm> (data обращения: 04.11.2015).
- 301 *Cantoni R.* Problematicismo // Materiali di estetica. 2003. No. 9. P. 15–34.
- 302 *Capilupi S.* Dostoevskij e il cattolicesimo: memorie da un dialogo culturale // Ricerche slavistiche. 2012. No. 56. P. 75–98.

- 303 *Catalfamo G.* Il vincolo della Filosofia con la vita nel pensiero di N. Berdjaev // Teoresi. 1951. No. 6. P. 219–245.
- 304 *Catalfamo G.* Esistenzialità e conoscenza nella filosofia di Berdjaev // Teoresi. 1952. No. 7. P. 143–164.
- 305 *Cavazza A.* Nuova ricognizione dell'opera di A.S. Chomjakov // Introduzione a A.S. Chomjakov Opinioni di un russo sugli stranieri. Bologna: Il Mulino, 1997. P. 19–86.
- 306 *Cazzola P.* L'idea di Roma nei "Rimskie sonety" di Vjaceslav Ivanov (con richiami a Gogol' e a Herzen) // Cultura e memoria. Firenze: La Nuova Italia, 1988. P. 81–97.
- 307 *Ceccarelli M., Blundo C.* Lev Vygotskij e l'organizzazione gerarchico-relazionale della mente umana // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2012. No. 6. P. 28–42.
- 308 *Cerrigone M.E.* Il problema degli universali in Florenskij. E alcune considerazioni sui numeri transfiniti di Cantor // Reportata. 2014. No. 1. URL: <http://mondodomani.org/reportata/cerrigone01.htm> (дата обращения: 04.11.2015).
- 309 *Chivilò G.* Antropogenesi e temporalità nella filosofia di Kojève // Metamorfosi dell'umano. Milano-Udine: Mimesis. 2015. P. 179–195.
- 310 *Cioffari G.* Breve storia della teologia russa // Quaderni di Odigos. 1987. No. 3. P. 5–100.
- 311 *Cioffari G.* Sofiologia ed ecumenismo in Pavel Florenskij // Studia Patavina. 2005. No. 1. P. 45–76.
- 312 *Citterio E.* La scuola filocalica di Paisij Velichkovskij e la Filocalia di Nicodemo Aghiorita. Un confronto // Amore del bello. Studi sulla Filocalia. Magnano: Qiqajon, 1991. P. 179–207.
- 313 *Ciulla A.* La libertà creatrice personalistica nelle meditazioni esistenziali di N. Berdjaev // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. 1945. No. 37. P. 109–135.
- 314 *Ciulla A.* Persona e libertà nell'esistenzialismo di N. Berdjaev e nel pensiero classico Scolastico // Rivista di filosofia Neo-scolastica. 1945. No. 37. P. 162–188.
- 315 *Coda P.* Un'introduzione storica e metodologica alla cristologia di S. Bulgakov // Lateranum. 1989. No. 55. P. 435–469.
- 316 *Coda P.* Cristologia della kenosi e della Gloria // *Bulgakov S.N.* L'Agnello di Dio. Roma: Città Nuova, 1990. P. 11–35.
- 317 *Coda P.* Per una rivisitazione teologica della sofiologia di Sergej Bulgakov // Filosofia e teologia. 1992. No. 2. P. 216–235.
- 318 *Coda P.* Trinità, sofiologia e cristologia in S. Bulgakov // Lateranum. 1993. No. 49. P. 97–142.
- 319 *Coda P.* Florenskij e l'ontologia trinitaria. Un importante saggio di Lubomír Žák // Nuova Umanità. 2000. No. 2. P. 317–332.

- 320 *Coda P.* Le memorie di Pavel Florenskij. Annuncio di trasfigurazione // Nuova Umanità. 2004. No. 26. P. 535–544.
- 321 *Coda P.* Lo Spirito Santo come amore ipostatico nella pneumatologia di S.Bulgakov // La sapienza della croce. 1987. No. 2. P. 125–138.
- 322 *Coda P.* Bulgakov e l’ecumenismo come evento dello Spirito // La nuova Europa. 1999. No. 5. P. 38–48.
- 323 *Colonna Di Cesaro G.* Il Cristianesimo di Berdjaev // Religio. 1937. No. 13. P. 419–432.
- 324 *Cometa M.* Mitologie intorno all’ateismo: Lukács e Dostoevskij // Cultura tedesca (Deutsche Kultur). 1994. No. 1. P. 107–133.
- 325 *Croce B.* Il pensiero russo secondo due libri recensiti // L’Italia dal 1914 al 1918. Pagine sulla guerra. Bari: Laterza, 1953. P. 276–283.
- 326 *De Michelis C.G.* Dostoevskij e Pareyson // Protestantesimo. 1995. No. 50. P. 141–143.
- 327 *Déchet F.* Introduzone // Čadaev P.J. Lettere filosofiche ed altri scritti. Roma: Città nuova, 1976. P. 7–25.
- 328 *Dell’Asta A.* Sergej Bulgakov e il marxismo // Studia Patavina: Rivista di scienze religiose. 2005. No. 3. P. 743–754.
- 329 *Dell’Asta A.* La filosofia religiosa russa e l’Occidente // La nuova Europa. 2005. No. 1. P. 164–175.
- 330 *Dell’Asta A.* Il divo e il santo nella filosofia religiosa russa // La nuova Europa. 2003. No. 6. P. 95–104.
- 331 *Dell’Asta A.* La riscoperta del centro integrale della conoscenza // V.S. Solov’ëv. La conoscenza integrale. Milano: La casa di Matriona, 1998. P. 5–46.
- 332 *Dell’Asta A.* Berdjaev e l’ideologia // La critica del marxismo in Russia agli inizi del secolo. Milano: Jaca Book, 1991. P. 43–63.
- 333 *Dell’Asta A.* La tragedia della morale e della libertà in Dostoevskij // Il dramma della libertà. Saggi su Dostoevskij. Milano: La casa di Matriona, 1991. P. 5–14.
- 334 *Dell’Asta A.* Un pensiero inattuale. Vladimir Solov’ëv, la passione per l’unità // La nuova Europa. 2000. No. 9. P. 41–54.
- 335 *Dell’Asta A.* Postfazione // *Berdjaev N.A.* La libertà cristiana. Rapallo: Il Ramo, 2008. P. 68–84.
- 336 *Dell’Asta A.* Introduzione // *Berdjaev N.A.* Autobiografia spirituale. Milano: Jaca Book, 2006. P. 11–30.
- 337 *Dell’Asta A.* L’apocalisse creativa dell’uomo // N.A. Berdjaev Il senso della creazione. Milano: Jaca Book, 1994. P. 7–55.
- 338 *Dell’Asta A.* La “rivoluzione” del pensiero filosofico-religioso russo all’inizio del XX secolo // La Nuova Europa. 2008. No. 1. P. 43–52.
- 339 *Dell’Asta A.* Dal nichilismo “delicato” all’apocalisse. L’attualità di Vechi a cento anni dalla rivoluzione del 1905 // La Nuova Europa. 2006. No. 1. P. 9–22.

- 340 *Dell'Asta A.* Attualità del pensiero cristiano russo del XX secolo: il concetto di persona // *La Nuova Europa*. 2012. No. 6. P. 41–48.
- 341 *Dell'Asta A.* Cultura, responsabilità e valori nel primo Michail Bulgakov // *La filosofia russa 1800–1900*. Napoli: La Città del Sole, 1998. P. 29–84.
- 342 *Dell'Asta A.* Ecumenismo e ontologia // *Bulgakov S.N.* Alle mura di Chersoneso. Milano: La casa di Matrona, 1998. P. 5–13.
- 343 *Dell'Isola M.* Il pensiero religioso russo // *Bilychnis*. 1927. No. 216. P. 270–273.
- 344 *Di Chiara A.* Berdjaev e il valore della persona // *Ricerche teologiche*. 1999. No. 10. P. 41–56.
- 345 *Di Chiara A.* La trasformazione del marxismo in Russia // *Ricerche teologiche*. 1999. No. 10. P. 57–69.
- 346 *Dioletta Siclari A.* Schelling e la cultura russa nei primi decenni del XIX secolo // *Orientalia Chr. Periodica*. 1977. No. 2. P. 389–407.
- 347 *Dioletta Siclari A.* La filosofia positiva di Schelling e la gioventù russa negli anni '30 del secolo XIX // *Orientalia Christiana Periodica*. 1979. No. 45. P. 145–158.
- 348 *Dioletta Siclari A.* Hegel e Aleksej Stepanovic Chomjakov // *Orientalia Christiana Periodica*. 1975. No. 2. P. 449–473.
- 349 *Dioletta Siclari A.* Il problema della morale nella riflessione di Dostoevskij // *Russia Cristiana*. 1983. No. 3. P. 12–32.
- 350 *Dioletta Siclari A.* Il mistero del bene nella riflessione di Dostoevskij // Dostoevskij e il mistero dell'uomo. Assisi: Cittadella, 1985. P. 48–83.
- 351 *Fellin L.* L'attualità del messaggio di Pavel Florenskij // *Studia Patavina*. 2005. No. 1. P. 21–23.
- 352 *Ferrari A.* L'armenità rimossa di Pavel Florenskij // *Studi Slavistici*. 2014. No. 11. P. 65–80.
- 353 *Ferrari A.* Costruzioni mitiche per una geopolitica della diversità russa // *Relazioni Internazionali*. 1995. No. 31. P. 36–43.
- 354 *Ferrari A.* Radici e prospettive del nazionalismo russo // *Relazioni Internazionali*. 1994. No. 24. P. 21–26.
- 355 *Ferrari A.* L'Europa, la Russia e l'idea eurasista // *Europa dei popoli, Europa dei mercati. Modelli dell'integrazione europea*. Rimini: Il Cerchio, 1998. P. 45–65.
- 356 *Ferrari A.* Nazionalismo russo e idea eurasista // *Nazionalismo e sviluppo politico nell'ex URSS*. Milano: SPAE, 1996. P. 124–152.
- 357 *Ferrari A.* Konstantin Nikolaevich Leont'ev's Polemic Against Slavophilism // *Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism and Solidarity Among the Slavs Today*. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2013. P. 79–90.

- 358 *Ferrari A.* Eurasianism: A Russian Approach to Geopolitics // On the Centenary of Ratzel's Politische Geographie: Europe between Political Geography and Geopolitics. Roma: Societa geografica italiana, 2001. P. 879–887.
- 359 *Ferrari Bravo D.* La parola e l'icona. Dalla verità della conoscenza alla verità della visione e ritorno in Pavel Florenskij // Humanitas. 2003. No. 4. P. 615–637.
- 360 *Ferrari Bravo D.* Il concetto di «parola» in Bachtin e Florenskij // Strumenti critici/ 1988. No. 2. P. 225–242.
- 361 *Foni G.* Le influenze della cultura religiosa russa nello stile di Nikolaj Berdjaev: analisi e problemi di traduzione // Europa orientalis. 2012. No. 31. P. 267–283.
- 362 *Franco F.* La luce della Verità. L'estetica teologica di Pavel Florenskij // Ricerche Teologiche. 1997. No. 8. P. 71–89.
- 363 *Galbiati E.* La filosofia di N. Berdjajev // La Scuola Cattolica. 1948. No. 76. P. 195–220.
- 364 *Galbiati E.* Berdjaev e l'unione delle Chiese // La Scuola Cattolica. 1949. No. 77. P. 397–451.
- 365 *Gančikov L.* L'hegelismo in Russia // Hegel nel centenario della sua morte / supplemento speciale alla Rivista di filosofia neo-scolastica. Milano. 1931. No. 23. P. 198–226.
- 366 *Gančikov L.* A relioribus ad realia // Il convegno. 1934. No. 8–12. P. 352–362.
- 367 *Gančikov L.* L'estetica di Wladimir Soloviov // Sophia. 1935. No. 3–4. P. 420–439.
- 368 *Gančikov L.* Lo spiritualismo Cristiano di N. Berdjaev // Studium. 1949. No. 9. P. 45–56.
- 369 *Garzaniti M.* La riscoperta di Massimo il Greco e la ricezione dell'Umanesimo italiano in Russia // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Firenze: Firenze University Press. 2008. P. 173–183.
- 370 *Garzaniti M.* L'idea della Russia in Italia attraverso la sua tradizione religiosa e i suoi santi // Toronto Slavic Quartely. 2006. No. 17. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/garzaniti17.shtml> (дата обращения: 12.06.2013).
- 371 *Giovanardi A.* Il cuore sacrale del Rinascimento. Florenskij e Michelangelo // La Nuova Europa. 2004. No. 2. P. 43–60.
- 372 *Giustino A.* Berdjaev e la tragedia della cultura // Genealogia dell'umano. Napoli: Guida Editori, 2000. P. 539–557.
- 373 *Givone S.* Pensiero russo e Apocalisse // Attualità dell'Apocalisse. Convegni di S. Spirito. Palermo: Augustinus, 1992. P. 67–74.
- 374 *Givone S.* Il doppio abisso di Dostoevskij // Micromega. 2002. No. 5. P. 7–15.
- 375 *Givone S.* Comicità del delitto. Tragicità dell'espiazione in Dostoevskij // Il Centauro. 1983. No. 7. P. 86–107.

- 376 *Givone S.* Dostoevskij: nichilismo e pensiero tragico // Dostoevskij e il mistero dell'uomo. Assisi: Cittadella, 1985. P. 102–112.
- 377 *Givone S.* «Perchè sei tornado»? Dostoevskij e la Leggenda del Grande Inquisitore // Conversione e storia. Convegni di S. Spirito. Palermo: Augustinus, 1987. P. 61–65.
- 378 *Givone S.* Thomas Mann interprete di Dostoevskij // Rivista di estetica. 1980. No. 6(20). P. 24–42.
- 379 *Ghidini M.C.* L'idea russa: un mito ancora vivo? Alcune tendenze dell'attuale riflessione filosofica russa // Vita e pensiero. 1992. No. 10. P. 699–707.
- 380 *Ghidini M.C.* Vjačeslav Ivanov i imeslavie // Studia Slavica Hungarica. 1996. No. 41. P. 77–86.
- 381 *Ghidini M.C.* La parola e la realtà. Per una ricostruzione della filosofia del linguaggio di Gustav Špet // Rivista di Filosofia neoscolastica. 1991. No. 1–2. P. 142–188.
- 382 *Ghidini M.C.* La forza reale del possibile. Il pensiero estetico di Gustav Špet // Poetiche ed estetiche del primo Novecento in Russia. Parma: Zara, 1993. P. 149–181.
- 383 *Gobber G.* Il sistema fonologico di Nikolaj Sergeevič Trubeckoj alla luce della Ganzheitslehre di Othmar Spann // Othmar Spann. La scienza dell'intero. Roma: Nuova Cultura. 2012. P. 89–120.
- 384 *Ivanov D.* Dioniso e culti predionisiaci di Vjačeslav Ivanov // Dalla forma allo spirito: scritti in onore di Nina Kauchtschischwili. Milano: Guerini, 1989. P. 219–228.
- 385 *Kauchtschischwili N.* La cultura e l'unità dei cristiani in Pavel Florenskij // Studi Ecumenici. 1986. No. 4. P. 321–347.
- 386 *Kauchtschischwili N.* Pavel Florenskij teologo e cultore di cose artistiche // Strumenti critici. 1987. No. 1. P. 113–150.
- 387 *Kauchtschischwili N.* Pavel Florenskij tra antichità e mondo modern // Europa Orientalis. 1988. No. 7. P. 431–449.
- 388 *Kauchtschischwili N.* Florenskij, Bachtin, Lotman (dialogo a distanza) / Il retaggio di Ju. M. Lotman: presente e futuro. Atti del Convegno. Università di Bergamo // Slavica tergestina. 1996. No. 4. P. 65–80.
- 389 *Kauchtschischwili N.* La formazione di Florenskij e il testo letterario // Humanitas. 2003. No. 4. P. 555–573.
- 390 *Kauchtschischwili N.* Jurgis Baltrušaitis e Pavel Florenskij: considerazioni preliminari // I quaderni di PsicoArt. 2010. No. 1. P. 1–20.
- 391 *Kauchtschischwili N.* Il mondo reale come organizzazione dello spazio // La tecnica e il corpo. Riflessioni su uno scritto di Pavel Florenskij. Milano: Franco Angeli, 2007. P. 25–37.
- 392 *Kauchtschischwili N.* Dostoevskij e la tradizione filosofica russa // Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei. Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1985. Vol. 69. P. 49–68.

- 393 *Lami G.* Sognando un uomo nuovo: la lotta per l'individualità di N.K. Michajlovskij // *Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea.* Milano: Franco Angeli, 1990. P. 117–165.
- 394 *Lami G.* Nietzsche in Russia: una lettura populista // *Storia della Storiografia.* 1993. No. 23. P. 95–121.
- 395 *Lami G.* Russia in the Eyes of Italy between the XIX and the XX century // *National Stereotypes. Correct Images and Distorted Images.* Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2007. P. 27–37.
- 396 *Lingua G.* Antinomia della libertà e aggressività del male. Sofiologia e antropologia nel pensiero di S.N. Bulgakov // *Esperienza e libertà.* Roma: Città Nuova, 2000. P. 271–293.
- 397 *Lingua G.* La parola e le cose. La filosofia del nome di P.A. Florenskij // *Gesto e parola. Ricerche sulla rivelazione.* Roma: Città Nuova, 2005. P. 267–280.
- 398 *Lingua G.* Lo spirito nella teologia trinitaria di S.N. Bulgakov // *Lo spirito. Percorsi nella filosofia e nelle culture.* Milano-Udine: Mimesis, 2011. P. 515–531.
- 399 *Lingua G.* Gli «spazi dell'immaginario» in P.A. Florenskij // *La filosofia russa 1800–1900.* Napoli: La città del sole, 1998. P. 125–140.
- 400 *Lingua G.* La logica dell'icona. Note sulla teoria della rappresentabilità di Dio in Sergej N. Bulgakov // *Tropos.* 2014. No. 7. P. 43–58.
- 401 *Lo Gatto E.* Eurasia (È la Russia Asia o Europa?) // *L'Europa Orientale.* 1928. Vol. 8. No. 3–4. P. 74–88.
- 402 *Lo Gatto E.* I teorici rivoluzione in Russia. Da Radiscev a Herzen // *Russia.* 1920. No. 1. P. 156–170; No. 2. P. 15–40.
- 403 *Lo Gatto E.* La Russia e il suo problema religioso secondo Dostoevskij // *Bilychnis.* 1921. No. 59. P. 5–11.
- 404 *Maccioni A.* P. Florenskij. Note in margine all'ultima ricezione italiana // *eSamizdat.* 2007. No. 5. P. 471–478.
- 405 *Maccioni A.* Filosofia della meraviglia. Lo stupore della visione e la concezione del mondo di Pavel Florenskij // P.A. Florenskij. *La concezione cristiana del mondo.* Bologna: Pendragon, 2011. P. 7–33.
- 406 *Maccioni A.* Florenskij e Bulgakov nella Storia di un prodigio. Annotazioni intorno a un documentario di Aleksej Makeev // *Slavia.* 2008. No. 2. P. 39–48.
- 407 *Malafrente G.* L'arte del vivere. La testimonianza di Pavel A. Florenskij fonte del suo pensiero // *Reportata.* 2014. No. 1. URL: <http://mondodomani.org/reportata/malafrente01.htm> (data обращения: 04.11.2015).
- 408 *Malcovati F.* (Franco). Dostoevskij e la gnosi: considerazioni su I fratelli Karamazov // *Gli arconti di questo mondo. Gnosi: politica e diritto. Profili di simbolica politico-giuridica.* Trieste: EUT, 2000. P. 137–146.

- 409 *Manfredi P.* V.V. Rozanov e la tematica vita/morte // Il confronto letterario (Pavia). 1991. No. 16. P. 393–414.
- 410 *Manfredi P.* Arte e vita riflessione di V.V. Rozanov: un'estetica o un'antiestetica? // Poetiche ed estetiche del primo novecento in Russia. Parma: Zara, 1993. P. 81–99.
- 411 *Marinelli G.* La lontananza di Dio: Messianismo e modernità in Dostoevskij: La ricerca di Dio // Studium. 1997. Vol. 93. No. 1. P. 59–72.
- 412 *Masoero A.* Dal popolo alla folla. N.K. Michajlovskij tra populismo e psicologia sociale // Studi Storici. 1986. No. 2. P. 421–452.
- 413 *Masoero A.* La funzione dell'esempio americano in Herzen e Černyševskij // Il pensiero sociale russo: modelli stranieri e contesto nazionale. Milano: Franco Angeli, 2000. P. 33–94.
- 414 *Masoero A.* Il partigiano e il cosacco. Franco Venturi, Herzen e l'Unione sovietica (1952–1962) // Franco Venturi e la Russia. Milano: Feltrinelli, 2006. P. 463–494.
- 415 *Masoero A.* Una concezione capitalistica della modernità: Ivan Kondrat'evič Babst sullo sviluppo della Russia (1852–1861) // Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 1–38.
- 416 *Mastroianni G.* Solov'ev e Dostoevskij // Slavia. 1993. No. 4. P. 3–5.
- 417 *Mastroianni G.* Dostoevskij e Solov'ev: dibattito sul prezzo del biglietto // Belfagor. 2002. Vol. 57. No. 4. P. 389–420.
- 418 *Mazzanti G.* La Trinità e l'ontologia dell'amore comunione-ecclesiale. L'amico, il fratello e l'amore universale in Pavel Florenskij // Humanitas. 2003. No. 4. P. 685–714.
- 419 *Mendosa M.* L'idea laica di «sacro» in Tolstoj e in Dostoevskij // LIST. 2001. No. 8–9. P. 251–257.
- 420 *Misler N.* Per una liturgia dei sensi. Il concetto di sinestesia da: Ivan Kondrat'evič Babst a Florenskij // Rassegna sovietica. 1986. No. 2. P. 37–44.
- 421 *Modesto P.* Il filosofo russo contemporaneo Semjon Ljudvigovic Frank // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. 1958. No. 5–6. P. 518–546.
- 422 *Modesto P.* Marxismo, morale, nihilism: il pensiero di Semen Ljudvigovic Frank // La critica al marxismo in Russia agli inizi del secolo. Milano: Jaca Book, 1991. P. 113–128.
- 423 *Morando D.* La metafisica escatologica di N. Berdiaev // Rivista Rosminiana. 1947. No. 3. P. 165–172.
- 424 *Morra G.* Morale ed escatologia nel personalismo di N. Berdiaev // Etica. 1965. No. 4. P. 131–153.
- 425 *Morra L.* Conoscenza, amore, mistero e simbolo in Pavel Florenskij // Russia Cristiana. 1982. No. 1. P. 48–66.
- 426 *Oppo A.* Le due anime dell'estetica russa: Solov'ev e Šestov // Theologica & Historica. 2008. No. 27. P. 243–271.

- 427 *Oppo A.* All'origine della filosofia di Šestòv // Annali del Dipartimento di Filosofia di Firenze: LED, 2001. P. 133–151.
- 428 *Oppo A.* Se la misura di un corpo è un numero immaginario. Florenskij e il concetto di spazio in Dante // *Theologica & Historica*. 2015. No. 24. P. 171–183.
- 429 *Oppo A.* La verità contro l'arte. Per una comprensione filosofica dell'icona russa // *Theologica & Historica*. 2014. No. 23. P. 131–160.
- 430 *Oppo A.* Shapes of Apocalypse: Arts and Philosophy in Slavic Thought // *The Slavonic and East European Review*. 2014. Vol. 92. No. 3 Boston, 2013. P. 514–516.
- 431 *Oppo A.* A Loss of Truth. A Tragic Turning Point at the Beginning of Shestov's Philosophy // *The Tragic Discourse: Shestov and Fondane's Existential Thought*. Oxford: Peter Lang, 2006. P. 103–116.
- 432 *Oppo A.* "Kantian" Shakespeare. The Defense of Morality in Shestov's First Work // *The Slavic and East European Journal*. 2014. No. 4. P. 573–589.
- 433 *Oppo A.* La vera anima del genio crudele. Scavando al fondo dei Karamazov // *Xáos. Giornale di Confine*. 2003–2004. No. 3. URL: http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_3/4.htm (дата обращения: 11.09.2016).
- 434 *Oppo A.* L'idea di male assoluto nei Demoni di Dostoevskij // *Xáos. Giornale di Confine*. 2003. No. 2. URL: http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_2/16.htm (дата обращения: 15.09.2016).
- 435 *Oppo A.* Quale Bellezza salverà il mondo? L'Idiota di Dostoevskij e un difficile enigma // *Xáos. Giornale di Confine*. 2003. No. 1. URL: http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_1/20.htm (дата обращения: 11.09.2016).
- 436 *Oppo A.* Shestov and Berdyaev. A Comparison of Two Russian Philosophers // *Toronto Slavic Quarterly*. 2008. No. 25. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/25/Oppo25.shtml> (дата обращения: 10.11.2015).
- 437 *Palma M.* Il pensiero iconico di Pavel A. Florenskij // *Reportata*. 2014. No. 1. URL: <http://mondodomani.org/reportata/palma01.htm> (дата обращения: 04.11.2015).
- 438 *Palmieri A.* V. Solov'ev e la sua filosofia religiosa // *Rivista storico-critica delle scienze teologiche*. 1907. No. 3. P. 209–227.
- 439 *Palmieri A.* L'uomo, la natura e il male nella filosofia di V. S. Solov'ev // *Bessarione*. 1907. No. 3. P. 8–33.
- 440 *Palmieri A.* La crisi della filosofia occidentale secondo V. Solov'ev // *Rivista di filosofia neoscolastica*. 1918. No. 1. P. 381–96 e 1919. No. 1. P. 238–254.
- 441 *Palmieri A.* Vladimir Soloviev e la sua opera apologetica // *La Civiltà Cattolica*. 1912. No. 1. P. 169–82.

- 442 *Palmieri A.* Vladimiro Solovev. L'apostolo dell'unione della chiese in Russia. Alla luce di nuovi documenti // Rivista internazionale di scienze sociali e discipline ausiliare. 1909. No. 50. P. 153–170.
- 443 *Pareyson L.* La sofferenza inutile in Dostoevskij // Giornale di metafisica. 1982. No. 1. P. 123–170.
- 444 *Pareyson L.* Pointless suffering in «The Brothers Karamazov» // Cross Current. 1987. Vol. 37. No. 2–3. P. 271–286.
- 445 *Persi U.* Il pittore rinascimentale e l'isografo russo: il «proprio» e l'«altrui» nel contesto del «Leonardo da Vinci» di Merežkovskij/ Il retaggio di Ju. M. Lotman: presente e futuro. Atti del Convegno. Università di Bergamo // Slavica tergestina. 1996. No. 4. P. 210–212.
- 446 *Piovesana G.* Il lungo «prologo» del pensiero russo dal X al XVII secolo // Seminarium. 1987. No. 3. P. 277–308.
- 447 *Piovesana G.* Cristo nel pensiero russo // Filosofia e Teologia. 1989. No. 1. P. 110–131.
- 448 *Poggio P.* Rivoluzione e catastrofe: il caso russo // La crisi ecologica: origini, rimozioni, significati. Milano: Jaca Book, 2003. P. 147–164.
- 449 *Riconda G.* Nota sul personalismo di Nikolaj Berdjaev // Annuario Filosofico, 1994. No. 10. P. 401–450.
- 450 *Riconda G.* Berdjaev e Boehme: l' "Ungrund" e la libertà // La persona e i nomi dell'essere. Scritti di filosofia in onore di Virgilio Melchiorre. Milano: Vita e Pensiero, 2002. P. 1234–1253.
- 451 *Riconda G.* Dostoevskij e il nichilismo nella interpretazione di Luigi Pareyson // Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo. Torino: Trauben, 2001. P. 27–44.
- 452 *Ripellino A.M.* Rozanov: ricognizione nei suo sottosuolo // *Rozanov V.V.* Foglie cadute. Milano: Adelphi, 1989. P. 409–489.
- 453 *Rispoli G.* La Tectologia di Bogdanov come nuovo paradigma fra la Cibernetica e la Teoria Generale dei Sistemi // Epistemologia. 2013. No. 2. P. 315–330.
- 454 *Rispoli G.* Naturalismo russo e teorie della materia // *Vivi perchè diversi.* Pisa: ETS, 2012. P. 103–125.
- 455 *Rispoli G.* I russi a Capri nel contesto di sviluppo dell' Empiriocriticismo russo // Prospettive comuni di ricerca. Italia e Russia tra Modernizzazione e Stagnazione. Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2012. P. 71–80.
- 456 *Rispoli G.* Between «biosphere» and «gaia»: Earth as a living organism in soviet geo-ecology // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy.* 2014. Vol. 10. No. 2. P. 78–91.
- 457 *Roccasalva M.* Prefazione a *V.V. Rozanov* Le «impressioni» sull' arte italiana. Siracusa: Istina, 1997. P. 31–50.
- 458 *Rosini R.* La libertà nel pensiero di Berdiaev // *Studia Patavina.* 1962. No. 9. P. 242–271.

- 459 *Salizzoni R.* La ricezione di Gioberti in Russia. Vladimir Ern // Giornata Giobertiana. Atti del Convegno organizzato dal Centro Studi Filosofico-religiosi “Luigi Pareyson” e dall’Accademia delle Scienze di Torino. Torino: Trauben, 2000. P. 243–268.
- 460 *Salizzoni R.* Ivan e Alesha discutono di formatività // Rivista di Estetica. 1992. No. 40–41. P. 110–116.
- 461 *Salizzoni R.* M. Bachtin: antropologia dell’ antico e del postmoderno // Colloquium Philosophicum. 2005. No. 8–9. P. 125–137.
- 462 *Salizzoni R.* Sacralità dell’icona e della fotografia. A partire da P. Florenskij // Estetica del Sacro. Padova: Il Poligrafo, 2008. P. 79–83.
- 463 *Salizzoni R.* Il silenzio di Lotman // Leitmotiv. 2010. No. 0. P. 89–105.
- 464 *Salizzoni R.* La prospettiva rovesciata. Simbolismo e realismo in P. Florenskij // Rivista di estetica. 1984. No. 16. P. 32–44.
- 465 *Salomoni A.* L’eresia di Tolstoj come pensiero critico // Fa’ quel che devi, accada quel che può. Arte, pensiero, influenza di Lev Tolstoj. Napoli: Orthotes, 2011. P. 217–23.
- 466 *Salvestroni S.* Isacco il siro e l’opera di Dostoevskij // Studia monastica. 2002. No. 44. P. 45–56.
- 467 *Sanvito V.* Florenskij e Rozanov: un’amicizia nella Vita. Vite intrecciate // Reportata. 2014. No. 1. URL: <http://mondodomani.org/reportata/sanvito01.htm> (дата обращения: 04.11.2015).
- 468 *Satta Boschian L.* Le correnti messianiche russe fra Ottocento e Novecento // Studium. 1984. No. 2. P. 177–193.
- 469 *Satta Boschian L.* L’ ambiguità del leninismo e il suo destino // Studium. 1991. No. 1. P. 37–50.
- 470 *Scaffi R.* Pavel Aleksandrovic Florenskij, teologo e scienziato // Scienza e Fede. I protagonisti. Novara: De Agostini, 1989. P. 261–267.
- 471 *Schultze B.* Atteggiamenti diversi dei russi emigrati di fronte alla Chiesa Russa (in occasione di un articolo di N. Berdiajev) // Humanitas. 1947. No. 4. P. 364–368.
- 472 *Schultze B.* Settantacinque anni dopo V. Soloviev (1853–1900) // Unitas. 1975. No. 30. P. 165–178.
- 473 *Schultze B.* Vladimiro Soloviev ed il cattolicesimo // Humanitas. 1950. No. 7. P. 655–661.
- 474 *Schultze B.* Vladimiro Soloviev e tre principi nella Chiesa // Civiltà Cattolica. 1950. No. 1. P. 37–52.
- 475 *Schultze B.* Sofia // Humanitas. 1946. No. 1. P. 223–230.
- 476 *Semerari G.* L’atobiografia filosofica di N. Berdiaev // Archivio di Filosofia. 1959. No. 2. P. 113–125.
- 477 *Segre C.* L’ultimo Lotman / Il retaggio di Ju. M. Lotman: presente e futuro. Atti del Convegno. Università di Bergamo // Slavica tergestina. 1996. No. 4. P. 43–51.

- 478 *Sini C.* L'interpretazione di Dostoevskij nel pensiero di Remo Cantoni // Problemi attuali di critica dostoevskiana. Milano: Istituto Lombardo di Scienze e Lettere, 1983. P. 15–30.
- 479 *Sini S.* Rapide note sull'alternanza delle repliche di S.S. Averincev e M.M. Bachtin // *Symbolon*. 2008. No. 1. P. 139–146.
- 480 *Sini S.* Intonation, Tone, and Accent in Mikhail Bakhtin's Thought // *Recherches semiotiques. Semiotic Inquiry*. Montréal. 1998. Vol. 18. No. 1–2. P. 39–58.
- 481 *Špidlik T.* Il problema della sofferenza nella spiritualità russa // *La sapienza della croce oggi. Atti del congresso internazionale/* Torino: Leumann, 1976. Vol. II. P. 479–485.
- 482 *Špidlik T.* Per una mariologia antropologica (usando le analisi di S.L. Frank) // *Marianum*. 1979. No. 41. P. 491–506.
- 483 *Steila D.* V.V. Lesevich: la recezione dell'empiriocriticismo in Russia (1878–1905) // *Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea*. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 167–194.
- 484 *Steila D.* Franco Venturi e Il populismo russo // *Franco Venturi e la Russia*. Milano: Feltrinelli, 2006. P. 401–454.
- 485 *Steila D.* Tra Oriente e Occidente: la filosofia russa // *Storia della filosofia*. Vol. V. / A cura di *P. Rossi, C.A. Viano*. Bari: Laterza, 1997. P. 236–259.
- 486 *Steila D.* La filosofia russa tra patria e diaspora // *Storia della filosofia*. Bari: Laterza, 1999. Vol. VI(I). P. 172–195.
- 487 *Steila D.* Memoria, segno, libertà: il contributo di L.S. Vygotskij // *Navigare il Lete. La responsabilità della memoria*. Torino: Trauben, 2011. P. 151–163.
- 488 *Steila D.* Il Grande Inquisitore nella filosofia russa // *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano-Udine: Mimesis, 2013. P. 235–245.
- 489 *Steila D.* La religione dell'umanità. Gli inizi del collettivismo di Gor'kij (1907–1910) // *AION-Slavistica*. 1995. No. 3. P. 303–327.
- 490 *Steila D.* Introduzione // *Mamardashvili M.K. Variazioni kantiane*. Torino: Trauben, 2004. P. 7–30.
- 491 *Steila D.* Spinoza e la crisi della psicologia: la riflessione di Lev Vygotskij // *Intersezioni*. 2007. No. 1. P. 63–78.
- 492 *Steila D.* Emozioni e libertà: la teoria spinoziana delle passioni nella lettura di L.S. Vygotskij (1896–1934) // *Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur*. 2006. No. 2. P. 159–180.
- 493 *Steila D.* La storiografia filosofica russa nei primi anni Venti del Novecento // *Studi storici*. 2001. Vol. 42. No. 3. P. 647–672.
- 494 *Steila D.* From Experience to Organization: Bogdanov's Unpublished Letters to Bazarov // *Aleksandr Bogdanov Revisited*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. P. 151–172.

- 495 *Steila D.* Death and Anti-Death in Russian Marxism at the Beginning of the 20th Century // *Death and Anti-Death*. Vol. 1: One Hundred Years After N.F. Fedorov (1829–1903). Palo Alto: Ria University Press. 2003. P. 101–130.
- 496 *Steila D.* A Philosophy of Labour: Comparing A.V. Lunacharskij and S. Brzozowski // *Studies in East European Thought*. 2011. No. 63. P. 315–327.
- 497 *Stoeckl K.* Vladimir Bibikhin: filosofia e memoria // *La Nuova Europa*. 2010. No. 6. P. 97–104.
- 498 *Strada V.* Il «marxismo legale» in Russia // *Storia del marxismo*. Vol. II. Torino: Einaudi, 1979. P. 391–409.
- 499 *Strada V.* Ne’ fede ne’ scienza // *Fede e scienza*. La polemica su “Materialismo ed empiriocriticismo” di Lenin. Torino: Einaudi, 1982. P. 3–54.
- 500 *Strada V.* La polemica tra bolscevichi e menscevichi sulla rivoluzione del 1905 // *Storia del marxismo*. Vol. II. Torino: Einaudi, 1979. P. 441–492.
- 501 *Strada V.* Costruire Dio, fificare l’uomo, trasformare il mondo: Sogno e realtà del marxismo in Russia // *La critica al marxismo in Russia agli inizi del secolo*. Milano: Jaca Book, 1991. P. 157–167.
- 502 *Strada V.* Materialismo e dialettica nel marxismo di Plekhanov // *Annali*. 1973. No. 15. P. 470–482.
- 503 *Strada V.* Urla filosofi dal silenzio russo // *Corriere della Sera*. 1994. 13 febbraio.
- 504 *Tagliagambe S.* La sintesi filosofica delle conoscenze. La scuola matematica di Mosca // *Nuova Civiltà delle macchine*. 1993. No. 3–4. P. 76–93.
- 505 *Tagliagambe S.* La filosofia russa e sovietica // *Storia della filosofia*. La filosofia contemporanea. Seconda metà del Novecento. T. II. Padova: Piccin, 1998. P. 1387–1567.
- 506 *Tagliagambe S.* Introduzione a *D.I Mendeleev*. Scritti sullo spiritismo. Torino: Boringhieri. 1992. P. 1–96.
- 507 *Tagliagambe S.* L’originalità e l’importanza del pensiero di Vernadskij // *Scientia*. 1983. No. 118. P. 9–12.
- 508 *Tagliagambe S.* La concezione della materia di Mihail Vasil’evic Lomonosov // *Teorie e filosofie della materia nel Settecento*. Roma: Riunti, 1993. P. 49–63.
- 509 *Tagliagambe S.* Rovesciamento e mondo intermedio: l’epistemologia del simbolo di Pavel Florenskij // *Recensioni e biografie. Libri e maestri*. Atti del 2 seminario. Cagliari: CUEC, 2007. P. 105–149.
- 510 *Tagliagambe S.* Gramsci, Buharin e il materialismo dialettico sovietico // *La questione meridionale*. Cagliari: Edizioni del Consiglio regionale della Sardegna, 1987. P. 220–254.

- 511 *Tagliagambe S.* Solipsismo e amore in Dostoevskij e Uhtomskij // Psicoanalisi: l'eros. Roma: Borla, 1987. P. 134–167.
- 512 *Tagliagambe S.* Il problema del cronotopo in Bachtin // Bollettino del centro internazionale di storia dello spazio e del tempo. 1986. P. 29–52.
- 513 *Tagliagambe S.* L'origine dell'idea di cronotopo in Bachtin // Bachtin teorico del dialogo. Milano: Franco Angeli, 1986. P. 35–78.
- 514 *Tagliagambe S.* Inconscio e conscio in Dostoevskij // *Atque*. 2004. No. 7. P. 17–64.
- 515 *Tagliagambe S.* Bogdanov tra costruttivismo e scienza dell'organizzazione // A.A. Bogdanov, Quattro dialoghi su scienza e filosofia. Roma, 2004. P. 95–137.
- 516 *Tagliagambe S.* La tecnica come proiezione degli organi e il mondo intermedio // La tecnica e il corpo. Riflessioni su uno scritto di Pavel Florenskij. Milano: Franco Angeli, 2007. P. 58–87.
- 517 *Tamborra A.* Gli studi di storia dell'Europa Orientale in Italia nell'ultimo ventennio // La storiografia italiana negli ultimi vent'anni. Atti del I. Congresso Nazionale di Scienze Storiche. Milano: Marzorati, 1970. P. 991–1043.
- 518 *Tamborra A.* Certezza religiosa e unità della chiesa da V.S. Solov'ev a V.I. Ivanov // *Europa Orientalis*. 1985. No. 4. P. 69–80.
- 519 *Tiengo G.* Pavel Florenskij e l'uni-totalità del tempo. Frammenti teoretici sparsi per una affermazione del tempo come eventualità // *Excerpta. Voci e testimonianze del pensiero contemporaneo*. Saonara: Il Prato, 2007. P. 189–334.
- 520 *Valentini N.* La filosofia italiana di fronte al pensiero religioso russo // Religione, secolarizzazione, politica. Brescia: Morcelliana, 2009. P. 171–189.
- 521 *Valentini N.* Pavel Aleksandrovič Florenskij // *Credere Oggi*. 2004. No. 1. P. 31–52.
- 522 *Valentini N.* Pavel A. Florenskij. Dono e mistero // *Dialoghi*. 2005. No. 3. P. 104–109.
- 523 *Valentini N.* Il Pascal russo e la sapienza dell'essere // *Italia Domani*. 2007. No. 12. P. 26–29.
- 524 *Valentini N.* La simbolica della scienza in Pavel A. Florenskij. Introduzione in, *P.A. Florenskij Il simbolo e la forma*. Scritti di Filosofia della scienza. Torino: Bollati-Boringhieri, 2007. P. 9–78.
- 525 *Valentini N.* Estetica ed ermeneutica del simbolo-icona in P. A. Florenskij // *Icona e avanguardie. Percorsi dell'immagine in Russia*. Torino: Zamorani, 1999. P. 77–94.
- 526 *Valentini N.* Pavel A. Florenskij. La lotta tra maschera e sguardo // Il volto nel pensiero contemporaneo. Trapani: Il pozzo di Giacobbe, 2010. P. 203–220.

- 527 *Valentini N.* La relazione personale di amicizia. Ontologia e mistica della philia nel pensiero russo // *Anthropologica* (Annuario di studi filosofici). Brescia: La Scuola, 2010. P. 29–48.
- 528 *Valentini N.* Il cammino di padre Pavel Florenskij verso la verità vivente // *Florenskij P.A.* La colonna e il fondamento della verità. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2010. P. 7–89.
- 529 *Valentini N.* La rivelazione dell'amore. Il contributo di Pavel A. Florenskij // *Path*. 2006. No. 2. P. 435–451.
- 530 *Valentini N.* Il dialogo del pensiero con la vita // *Florenskij P.A.* Stupore e dialettica. Macerata-Roma: Quodlibet, 2011. P. 9–32.
- 531 *Valentini N.* Giobbe nel pensiero russo // *Il libro di Giobbe. Atti del seminario estivo di Vallombrosa*. Firenze: “Biblia”, 1993. P. 69–95.
- 532 *Valentini N.* Cristo nel pensiero russo tra kenosis e bellezza (P. Florenskij, V. Ivanov, N. Berdjaev) // *Cristo nella filosofia del Novecento*. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2002. P. 103–157.
- 533 *Valentini N.* La scomoda eredità di Vladimir Solov'ëv // *Il Margine*. 2000. No. 8. P. 30–35.
- 534 *Valentini N.* L'etica nel pensiero russo // *Rivista di Teologia Morale*. 1992. No. 4. P. 473–502.
- 535 *Valentini N.* La sfera del linguaggio nella concezione logica di G.G. Spet // *Solanus*. 1994. No. 5. P. 31–45.
- 536 *Valentini N.* L'estetica pastorale di padre P. Florenskij // *Iconostasi*. 1996. No. 2. P. 15–20.
- 537 *Valentini N.* L'arte della gratuità // *Florenskij P.A.* Non dimenticatemi. Milano: Mondadori, 2000. P. 9–46.
- 538 *Valentini N.* La sofferenza e il dono del senso. Un confronto con la spiritualità ortodossa e il pensiero religioso russo // *Atti del convegno su “Ripensare la sofferenza”*. Troina: Città Aperta, 2003. P. 165–193.
- 539 *Valentini N.* Abisso e mistero. Il dolore innocente nel pensiero ortodosso // *Il Regno – Attualità*. 2005. No. 8. P. 270–281.
- 540 *Valentini N.* Sull'orlo del visibile pensare. Pavel Florenskij e la mistica russa // P. Florenskij. *La mistica e l'anima russa*. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2006. P. 5–54.
- 541 *Valentini N.* Agostino nel pensiero di P.A. Florenskij // *Agostino e la filosofia del Novecento*. Vol. II. Roma: Città Nuova, 2001. P. 253–276.
- 542 *Valentini N.* Forme della ragione. Dialettica, antinomia e nuovi modelli di razionalità // *Humanitas*. 2003. No. 4. P. 574–598.
- 543 *Valentini N.* Il mistero della persona nel pensiero russo // *Dire persona oggi*. “Hermeneutica. Annuario di filosofia e teologia”. Brescia: Morcelliana, 2006. P. 261–289.
- 544 *Valenziano M.G.* L'amicizia: fermento ecclesiale. L'originale prospettiva di P. Florenskij // *La Scala*. 1994. No. 2. P. 63–71.

- 545 *Venturi A.* I «tipi storico culturali» nel pensiero sociale russo del secondo Ottocento // *Studi Storici*. 2001. No. 3. P. 589–610.
- 546 *Venturi A.* Impero e nazione in S.S. Uvarov: recenti interpretazioni russe // *Impero nella storia della Russia tra realtà e nostalgia*. Napoli: D'Auria, 2013. P. 207–224.
- 547 *Venturi A.* La socialdemocrazia russa e l'immagine dell'Italia (1898–1914) // *Il pensiero sociale russo. Modelli stranieri e contesto nazionale*. Milano: Franco Angeli, 2000. P. 157–177.
- 548 *Venturi A.* La storiografia italiana sulla Russia pre-sovietica // *Il mondo visto dall'Italia*. Milano: Guerini e Associati, 2004. P. 339–354.
- 549 *Venturi F.* Testi e studi herzeniani // *Rivista Storica Italiana*. 1959. No. 4. P. 600–609.
- 550 *Venturi F.* Incontri di rivoluzionari italiani e russi a Londra // *Italia e Inghilterra nel Risorgimento*. Londra: Institute of Italian Culture, 1954. P. 33–37.
- 551 *Vicari L.* Dostoevskij secondo Remo Cantoni // *Citta di Vita*. 2001. No. 4. P. 67–74.
- 552 *Vitiello V.* Dall'apocalisse di Kirillov al silenzio del prigioniero. L'etica moderna e il nichilismo // *Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo*. Torino: Trauben, 2001. P. 59–74.
- 553 *Žák L.* Pavel A. Florenskij – filosofo del logos // *Rizzo V.* Vita e razionalità in Pavel A. Florenskij. Milano: Jaca Book, 2012. P. 287–296.
- 554 *Žák L.* Pavel A. Florenskij. La mistica trinitaria // *La mistica del quotidiano. Percorsi e figure*. Milano: San Paolo, 2005. P. 112–142.
- 555 *Žák L.* La teologia kenotica di M.M. Tareev. Un capitolo di storia della teologia ortodossa russa // *La sapienza della croce*. 2003. No. 1. P. 9–29.
- 556 *Žák L.* Il simbolo come via teologica. Spunti di riflessione sul simbolismo di P.A. Florenskij // *Humanitas*. 2003. No. 4. P. 598–614.
- 557 *Žák L.* Kenosi di Cristo e mistero della Chiesa nella sofologia di S.N. Bulgakov // *La sapienza della croce*. 2005. No. 2. P. 117–136.
- 558 *Žák L.* P.A. Florenskij: progetto e testimonianza di una gnoseologia trinitaria // *La Trinità e il pensare*. Roma: Città Nuova, 1997. P. 193–228.
- 559 *Žák L.* Il realismo di inizio secolo: Berdjaev, Bulgakov, Frank // *La nuova Europa*, 1998. No. 6. P. 66–81.
- 560 *Žák L.* Principi dell'estetica trinitaria di Florenskij // *Bellezza, filosofia, poesia*. Atti dell'VII Corso dei Simposi Rosminiani. Stresa: Edizioni Rosminiane Sodalitas, 2008. P. 109–125.
- 561 *Žák L.* L'unita e la molteplicità dello spazio e del tempo secondo la teoria della discontinuità di P.A. Florenskij // *Lateranum*. 2009. No. 2. P. 371–410.
- 562 *Žák L.* “Il potere di Dio si vede nella povertà”. La teodicea trinitaria di Pavel Florenskij // *Camillianum*. 2010. No. 2. P. 269–285.

- 563 *Žák L.* La questione dello Spirito e la sua soluzione ontologico-trinitaria. Pneumatologia di Pavel A. Florenskij // Lateranum. 2011. No. 2. P. 439–465.
- 564 *Žák L.* Visione di Dio e visione del mondo nella sofologia di S. Bulgakov. (Alcune riflessioni su L'altro di Dio di P. Coda) // Nuova Umanità. 1999. No. 121. P. 129–155.
- 565 *Žák L.* Il «noi» ecclesiale come soggetto della teologia: la prospettiva ortodossa di A.S. Chomjakov e di S.N. Bulgakov // Nuova Umanità. 2000. No. 132. P. 905–914.
- 566 *Žák L.* P.A. Florenskij: progetto e testimonianza di una gnoseologia trinitaria // La Trinità e il pensare. Roma: Città Nuova, 1997. P. 193–228.
- 567 *Žák L.* Spirito Santo e nuova creazione nella moderna teologia ortodossa. La testimonianza di P.A. Florenskij // Filosofia e teologia. 1998. No. 3. P. 510–526.
- 568 *Žák L.* La kenosi di Cristo nella «età d'argento» dell'Ortodossia russa: la prospettiva di L.P. Karsavin (1882–1952) // Il Crocifisso e le religioni. Compassione di Dio e sofferenza dell'uomo nelle religioni monoteiste. Roma: Città Nuova, 2002. P. 209–229.
- 569 *Žák L.* Prophecy and Testimony of a “New Way of Thinking”. Reflections on P.A. Florensky's Gnoseology // Slovak Studies. 2001. No. 23. P. 134–148.
- 570 *Žák L.* La kenosi nel pensiero di L.P. Karsavin e la sua attualità per il dialogo interreligioso // Dialegesthai. Rivista telematica di filosofia. 2002. No. 4. URL: <http://mondodomani.org/dialegesthai/lz03.htm> (дата обращения: 21.04.2015).
- 571 *Žák L.* Tra occultamento e rivelazione. La parola in P.A. Florenskij // Dialegesthai. 2003. No. 5. URL: <http://mondodomani.org/dialegesthai/lz04.htm> (дата обращения: 10.11.2015).
- 572 *Žák L.* Il mistero del tempo come «quarta dimensione» in Pavel A. Florenskij // Dialegesthai. Rivista telematica di filosofia. 2001. No. 3. URL: <http://mondodomani.org/dialegesthai/lz02.htm> (дата обращения: 25.04.2015).
- 573 *Zolla E.* Introduzione a *P.A. Florenskij* La Colonna e il fondamento della verità. Milano: Rusconi, 1974. P. 7–28.
- 574 *Zolla E.* Florenskij, l'arte a quattro dimensioni come in un'icona. Una nuova estetica nata dall'incontro con fisica e geometria // Corriere della Sera. 1995. 13 marzo.
- 575 *Zolla E.* Introduzione // *Florenskij P.A.* Le porte regali. Milano: Adelphi, 1977. P. 11–16.

**Коллективные монографии, сборники статей,
материалы конференций, антологии**

- 576 Alexandre Kouyré: l'avventura intellettuale / A cura di C. Vinti. Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1994.
- 577 Bakunin cent'anni dopo. Atti del Convegno internazionale di studi bakuniniani. Milano: Antistato, 1977.
- 578 Cultura e memoria: atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov / A cura di F. Malcovati. Firenze: La Nuova Italia, 1988.
- 579 Dalla Sofia al New Age / A cura del Centro Aletti. Roma: Lipa, 1995.
- 580 Fede e scienza. La polemica su «Materialismo ed empiriocriticismo» di Lenin / A cura di V. Strada. Torino: Einaudi, 1982.
- 581 Filosofia, religione e letteratura in Russia all'inizio del XX secolo / A cura di V. Strada. Napoli: Guida, 1993.
- 582 Florenskij P.A. e la cultura della sua epoca. Atti del convegno internazionale. Università degli Studi di Bergamo / A cura di N. Kauchtschischwili, M. Hagemeister. Marburg: Blaue Hörner Verlag, 1995.
- 583 Franco Venturi e la Russia. Con documenti inediti / A cura di A. Venturi. Milano: Feltrinelli, 2006.
- 584 Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908–1911) / A cura di J. Scherrer, D. Steila. Roma: Carocci, 2017.
- 585 Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / A cura di R. Badii, E. Fabbri. Milano-Udine: Mimesis, 2013.
- 586 Il pensiero sociale russo: modelli stranieri e contesto nazionale / A cura di A. Masoero, A. Venturi. Milano: Franco Angeli, 2000.
- 587 L'Altro Novecento. La Russia nella storia del XX secolo / A cura di A. Dell'Asta. Milano: La casa di Matriona, 1999.
- 588 La critica al marxismo in Russia agli inizi del secolo / A cura di A. Dell'Asta. Milano: Jaca Book, 1991.
- 589 La filosofia russa 1800–1900. Atti del Convegno svoltosi a S. Margherita Ligure / A cura di A. Di Chiara, V. Di Cesare. Napoli: La Città del Sole, 1998.
- 590 L'idea di persona nel pensiero orientale / A cura di G. Grandi. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2003.
- 591 La tecnica e il corpo. Riflessioni su uno scritto di Pavel Florenskij / A cura di B. Antomarini, S. Tagliagambe. Milano: Franco Angeli, 2007.
- 592 Nil Sorskij e l'esicasmò / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qjqajon, 1995.
- 593 Occidente, cristianesimo e progresso: antologia dagli scritti di C. Leontev e N. Fedorov / A cura di G. Riconda, N. Bosco. Torino: G. Giappichelli, 1981.
- 594 Paisij, lo starec. Atti del III Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa Paisij Veličkovskij e il suo movimento spirituale / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 1997.

- 595 Russica: studi e ricerche sulla Russia contemporanea / A cura di A. Masoero, A. Venturi Milano: Franco Angeli, 1990.
- 596 Vladimir Solov'ev: filosofo o profeta di una nuova Europa? // Atti della Giornata di studio L'Occidente, l'Islam e la Russia nel pensiero di Vladimir Solov'ev / A cura di A. Tombolini. Varese: Eupress, 2004.

Диссертационные исследования

- 597 *Altissimo C.* Gli elementi tradizionali della contemplazione nell'interpretazione filosofico-teologica di Pavel Florenskij / Tesi di Dottorato. Pontificio Istituto Orientale. A.A. 1978/1979.
- 598 *Beati A.* Dalla logica matematica alla translogica della fede in P.A. Florenskij / Tesi di Dottorato. Pontificia Università Lateranense. A.A. 2011/2012.
- 599 *Carpi G.* Alle origine del Pocevennicestvo: l'idea di umanità universale da Belinskij a Dostoevskij / Tesi di dottorato. Università degli studi di Milano. A.A. 1998/1999.
- 600 *Dell'Era T.* La concezione della rappresentanza nel pensiero politico di Boris Nikolaevič Cicerin. Tesi di Dottorato. Università degli studi di Roma La Sapienza. A.A 2001/2002.
- 601 *Foni G.* Filosofia dell'ineguaglianza di Nikolaj Berdjaev / Tesi di dottorato. Università di Bologna. A.A. 2010/2011.
- 602 *Giuliodori L.* «Abitare il luogo del confine»: Pavel Florenskij e il mondo invisibile / Tesi di dottorato. Pontificio Ateneo S. Anselmo. A.A. 2006/2007.
- 603 *Jachia P.* Individuo, arte, lingua e società nel circolo di Bachtin (1919–1929). Tesi di Dottorato. Università degli studi di Bari. A.A. 1993/94.
- 604 *Leonardi L.* Gabriel Marcel e Michail Bachtin: alterità e intrico linguistico tra filosofia e letteratura. Tesi di Dottorato. Università degli studi di Messina. A.A. 2005/2006.
- 605 *Manfredi P.* Le riunioni religioso-filosofiche di Pietroburgo (1901–1903): un dibattito di respiro europeo / Tesi di dottorato. Università degli studi di Milano. A.A. 1995/1996.
- 606 *Masoero A.* La coscienza del progresso. Problemi e visioni dello sviluppo negli economisti dell'Università di Mosca sotto Alessandro II / Tesi di dottorato. Università degli Studi di Torino. A.A. 1900/1991.
- 607 *Ottaviano G.* Gustav Špet fra fenomenologia ed ermeneutica / Tesi di dottorato. Università degli Studi Roma Tre. A.A. 2008/2009.
- 608 *Pozzi V.* Il Ruolo delle accademie ecclesiastiche nella ricezione del kantismo nell'impero russo. I casi di I.Ja. Vetrinskij e P.D. Jurkevič. Tesi di dottorato. Università degli studi di Milano. A.A. 2013/2014.

- 609 *Renna C.* Il periodo italiano nella vita e nel pensiero del filosofo russo Boris V. Jakovenko / Tesi di dottorato. Università degli studi di Roma “La Sapienza”. A.A. 2005/2006.
- 610 *Scarlato A.* La polifonia e l’immagine di Cristo : Dostoevskij nella filosofia religiosa russa (1880–1934) / Tesi di dottorato. Università degli studi di Bologna. A.A. 2000/2001.
- 611 *Steila D.* Materialismo antropologico e fisiologia nella teoria della conoscenza di G.V. Plekhanov (1890–1905). Università degli Studi di Torino. A.A. 1983/1984.

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Чувство Италии // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М.: Лига, 1994. 542 с.
2. *Берлин И.* История свободы. Россия. 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 537 с.
3. *Биллингтон Д.* Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 879 с.
4. *Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013. 480 с.
5. *Ванчугов В.В.* Очерк истории философии «самобытно-русской». М.: РИЦ «Пилигрим», 1994. 402 с.
6. *Ванчугов В.В.* Что сделано западными россиеведами применительно к русской философии // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Философия.* 2013. № 1. С. 79–90.
7. *Ванчугов В.В.* Кто и как сегодня формирует на Западе образ русской философии // *Всерос. научно-практ. конф. «8-е Саранские философские чтения». Современные проблемы философии и провинциальная культура.* Саранск, 2013. С. 53–66.
8. *Ванчугов В.В.* Русская духовность сквозь призму “Russian Idea”. Современные трактовки «русской идеи» в американском россиеведении // *Духовно-нравственное состояние российского общества и православие.* Н. Новгород, 2013. С. 57–65.
9. *Веттер Г.* Русская религиозная философия и марксизм // *Русская религиозно-философская мысль.* Питтсбург: Отд. Славян. яз. и лит. Питтсбург. Ун-та, 1975. С. 99–116.
10. *Взыскующие града.* Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост. В.И. Кейдан. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 745 с.
11. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Л.: Гослитиздат, 1940. 620 с.
12. *Всерос. научно-практ. конф. «20-е юбилейные Саранские философские чтения»: образ России в русской философии, истории и культуре (г. Саранск, 10–11 нояб. 2014 г.).* Саранск, 2016. 317 с.
13. *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 296 с.
14. *Гальцева Р.А.* *Senso unico* (летние заметки о зимних впечатлениях). О первом Симпозиуме по творчеству П. Флоренского в Бергамо в 1988 г. // *Священник Павел Флоренский. Освоение наследия.* М.: Помовский и партнеры, 1994. С. 266–290.

15. *Ганчикова А.Л.* Леонид Ганчиков – исследователь и распространитель философии Вл. Соловьева в Италии в первой половине XX в. // В. Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 402–406.
16. *Гардзонио С.* Переписка В.И. Иванова и Л.Я. Ганчикова // Русско-итальянский Архив Х. Салерно: E.C.I., 2015. С. 113–135.
17. *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М.: Викмо-М, 2011. 454 с.
18. *Гарин Э.* Хроника итальянской философии XX в.. М.: Прогресс, 1965. 483 с.
19. *Дмитриева Н.А.* Неокантианство и Лев Толстой: от «наукоучения» к учению о человеке // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Отв. ред. И.Н. Грифцова, Н.А. Дмитриева. М.: РОССПЭН, 2010. С. 379–400.
20. *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 511 с.
21. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. М.: Наука, 1985. 551 с.
22. «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. / Отв. ред. И.В. Поткина. М.: ИРИ, 2013. 349 с.
23. *Емельянов Б.В.* История русской философии. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2015. 459 с.
24. *Ермичев А.А.* Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014. 710 с.
25. *Ермичев А.А.* О философии в России: исследования, полемика, заметки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 115 с.
26. *Ермичев А.А.* К достоинству взгляда со стороны // Вопр. философии. 1995. № 2. С. 76–80.
27. *Ермичев А.А.* С русскости русской философии: в ответ В.Н. Сагатовскому // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. 2009. Т. 1. № 4. С. 110–118.
28. *Зандер Л.А.* Бог и мир: (Миросозерцание отца Сергия Булгакова). Т. 1–2. Париж: YMCA-press, 1948. 863 с.
29. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1–2. Л.: МП «Эго», 1991. 1021 с.
30. *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2014. 495 с.
31. *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2016. 639 с.
32. *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2015. 575 с.
33. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.

34. *Киссель М.А.* Джамбаттиста Вико. М.: Мысль, 1980. 197 с.
35. *Козырев А.П.* Русская философия в модусе национального // Историко-философский альманах. 2007. № 2. С. 267–274.
36. *Коттелов А.О.* «Материализм и эмпириокритицизм»: pro et contra. Нижний Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2009. 134 с.
37. *Котрелев Н.В.* Письма Юргиса Балтрушайтиса к Джованни Папини // Иностран. лит. 2015. № 3. С. 265–273.
38. *Кроче Б.* Теория и история историографии. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. 191 с.
39. Круглый стол «Единство и многообразие русской философии» // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2015. № 2. С. 6–46.
40. *Кувакин В.А.* Религиозная философия в России. Начало XX в.. М.: Мысль, 1980. 309 с.
41. *Кусенко О.И.* Итальянская историография русской философии: история, современное состояние, перспективы // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2014. № 2. С. 24–29.
42. *Кусенко О.И.* Русская философия в Италии. Историографический очерк // Вестн. РУДН. Сер. Философия. 2014. № 3. С. 75–87.
43. *Кусенко О.И.* Русская философско-богословская мысль в Италии // Филос. журн. 2016. Т. 9. № 3. С. 154–161.
44. *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Акад. проект, 2007. 551 с.
45. *Малия М.* Александр Герцен и рождение русского социализма. 1812–1855. М.: Территория будущего, 2010. 566 с.
46. *Мартинетти Д.* Человек, Бог, Вселенная (основания для веры сегодня). М.: Христиан. Россия, 2001. 294 с.
47. *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. СПб.: РХГИ, 2003. 574 с.
48. *Маслин М.А.* Современные буржуазные концепции истории русской философии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 207 с.
49. *Маслин М.А.* Русская философская культура в современных американских интерпретациях // Взаимодействие культур СССР и США. XIX–XX вв. М.: Наука, 1987. С. 73–82.
50. *Маслин М.А.* Европа и Россия: диалог о русской философии // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. 2015. № 3. С. 25–33.
51. *Маслин М.А.* Философское роисеведение за рубежом // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2015. № 1. С. 119–131.
52. *Маслин М.А.* Анджей Валицкий как историк русской философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7 Философия. 2014. № 6. С. 108–121.
53. *Маслин М.А.* Зарубежная историография русской философии // Философское образование: вестн. Межвуз. центра по рус. философии и культуре. 2012. Т. 1. № 25. С. 3–12.

54. *Маслин М.А.* Размышления о судьбе русской философии на Западе // Вестн. Моск. ун-та. Се. 7. Философия. 2007. № 1. С. 108–114.
55. *Маслин М.А.* Кафедра истории русской философии: очерк развития // Вестн. Моск. ун-та. Се. 7. Философия. 2013. № 6. С. 3–15.
56. *Маслин М.А.* Единство и существенная оригинальность русской философии // Вестн. лит. ин-та им А.М. Горького. 2007. № 1. С. 154–168.
57. *Маслин М.А.* Единство и многообразие русской философии // Вестн. Калуж. ун-та. 2006. № 1. С. 15–24.
58. *Маслин М.А.* Предубеждения и штампы в истории русской философии // Вестн. Вятск. гос. гуманитар. ун-та. 2010. № 4. С. 6–11.
59. *Мейендорф И.Ф.* Живое предание: свидетельство Православия в современном мире. М.: Паломник, 2004. 348 с.
60. *Моторина Л.Е.* Анджей Валицкий о русской идее и особенностях русской философии // Вестн. Вятск. гос. гуманитар. ун-та. 2013. № 1. С. 18–22.
61. *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М.: Культурная революция, 2007. 476 с.
62. *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М.: Модест Колеров, 2008. 431 с.
63. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М.А. Маслин. М.: Наука, 1990. 528 с.
64. «Персонажи в поисках автора». Жизнь русских в Италии XX в. / Сост. А.Д'Амелия, Д. Рицци. М.: Русский путь, 2011. 320 с.
65. *Розанов В.В.* Иная земля, иное небо... Полн. собр. путевых очерков 1889–1913 гг. М.: Танаис, 1994. 734 с.
66. Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв.. Материалы междунар. конф. (г. Неаполь, 3–4 окт. 2011 г.). СПб.: Алетейя, 2014. 258 с.
67. Русская идея / Сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. 494 с.
68. Русские в Италии. Культурное наследие эмиграции / Сост. М.Г. Талалай. М.: Русский путь, 2006. 592 с.
69. Русская философия: Энцикл. 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост.: П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книговек, 2014. 830 с.
70. Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию каф. истории рус. философии / Под общей ред. В.А. Кувакина, М.А. Маслина. Сост. *М.А. Маслин*. М.: Изд-во МГУ, 2013. 688 с.
71. Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII рос. симпози. историков рус. философии (г. Москва, 14–17 нояб. 2001 г.) / Отв. ред. П.В. Калитин. М.: ЭкоПресс-2000, 2001. 253 с.

72. *Саттон Д.* Религиозная философия Владимира Соловьева. На пути к переосмыслению. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2008. 304 с.
73. Священник Павел Флоренский. Освоение наследия. Материалы Международ. симпоз. в г. Бергамо (Италия) (г. Бергамо, 19–23 апр. 1990 г.) М.: Помовский и партнеры, 1994. 293 с.
74. *Сербиненко В.В.* Русская философия: курс лекция. М.: Омега-Л, 2005. 461 с.
75. *Сербиненко В.В.* Русская религиозная метафизика (XX век). М.: РОУ, 1996. 112 с.
76. *Сербиненко В.В.* Современные исследовательские проблемы истории русской философии // Вестн. МГТУ. 2007. Т. 1. № 3. С. 453–457.
77. *Скэнлан Дж.* Нужна ли России русская философия? // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 61–65.
78. *Скэнлан Дж.* Достоевский как мыслитель. СПб.: Акад. проект, 2006. 256 с.
79. *Спавента Б.* Итальянская философия в ее отношении к философии европейской // Филос. журн. 2013. № 2. С. 54–69.
80. *Спирито У.* Итальянская культура нашего века // Историко-философский ежегодник. 2011. С. 278–288.
81. *Страда В.* Понимать Россию умом и любовью. Интервью, 2009. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200900418> (дата обращения: 21.07.2014).
82. *Талалай М.Г.* Отец Павел Флоренский в современной итальянской культуре // На пути к синтетическому единству. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современностью М.: ББИ, 2006. С. 125–130.
83. *Талалай М.Г., Валентини Н.* Восприятие о. Сергия Булгакова в Италии // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: ББИ, 2006. С. 80–95.
84. *Твардовская В.А.* Франко Вентури и советская историография народничества // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 109–135.
85. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины (Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах). М.: Акад. проект-Гаудеамус, 2012. 904 с.
86. *Флоренский П.В.* Заметки о симпозиуме в Бергамо // Вопр. философии. 1988. № 10. С. 169–173.
87. *Франк С.Л.* Крушение кумиров. Берлин: УМСА-press, 1924. 103 с.
88. *Хоружий С.С.* После перерыва: Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 445 с.
89. *Шевакин Г.Г.* Итальянские философские журналы первой половины XX в. // Историко-философский ежегодник. 2011. С. 268–277.

90. *Шишкин А.Б., Сульпассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во Пушкин. дома, 2010. С. 759–779.

91. *Шмелева Е.А.* Французская историография русской духовности и философии: дисс... кандидата филос. наук: 09.00.03. СПб., 1996.

92. Энциклика Вера и Разум (Fides et Ratio), 1998. Пункт 74. Гл. V: Суждения Учительства Церкви в области философии. URL: <http://www.illuminats.ru/articles/205-para?start=6> (дата обращения: 01.06.2016).

93. *Эрн В.Ф.* Место Розмини в истории философии // *Вопр. философии и психологии*. 1915. № 127 (2). С. 242–250.

94. *Эрн В.Ф.* Розмини и его теория знания: Исслед. по истории итал. философии XIX столетия. М.: Путь, 1914. 296 с.

95. *Эрн В.Ф.* Философия Джоберти. М.: Путь, 1916. 351 с.

96. *Эфиоров С.А.* Итальянская буржуазная философия XX в.. М.: Мысль, 1968. 271 с.

97. *Яковенко Б.В.* Итальянская философия последнего времени // *Логос*. 1910. Кн. 2. С. 259–285.

98. *Antiseri D., Tagliagambe S.* Storia della filosofia. Т. 13 Filosofi italiani del novecento. Milano: Bompiani, 2008. 847 с.

99. *Del Noce A.* Il problema dell' ateismo: il concetto di ateismo e la storia della filosofia come problema. Bologna: Il Mulino, 1964. 375 p.

100. *Esposito R.* Pensiero vivente. Torino: Einaudi, 2010. 265 p.

101. *Gančikov A.* Ricordo di Leonida Gančikov // *Europa Orientalis*. 1998. No. 2. P. 255–260.

102. *Garin E.* La filosofia come sapere storico. Roma: Laterza, 1990. 164 p.

103. *I russi e l' Italia / A cura di V. Strada.* Milano: Banco ambrosiano veneto, 1995. 349 p.

104. *Jakovenko B.* Filosofi russi: Saggio di storia della filosofia russa. Firenze: La voce, 1925. 242 p.

105. *Lo Gatto E.* Russi in Italia: dal secolo XVII ad oggi. Roma: Riuniti, 1971. 332 p.

106. *Siciliani de Cumis N.* Introduzione // *Italia-URSS/Russia-Italia. Tra culturologia ed educazione 1984–2001.* Roma: Slavia, 2001. P. 7–20.

107. *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1907. Bari: Laterza, 1977. 271 p.

108. *Viano C.A.* La filosofia italiana del Novecento. Bologna: Il Mulino, 2006. 131 с.

Указатель имен*

- Августин Аврелий 41, 149
Авенариус Р. 76, 78, 80
Аверинцев С.С. 22, 108, 145, 147, 165, 166, 180
Адзаро-Пульвиренти Р. 13, 131
Акаев А.А. 136
Акимов В.П. 68
Аксельрод Л.И. 68, 79
Александр II 73
Алексий II (Патриарх) 21, 131
Алексий (Ястребов) 64
Амендола Дж. 15
Андерсон Т. 71
Андреев Л.Н. 17
Андроник (Трубачев) 102
Антисери Д. 123
Аснаги А. 46–47, 119–120, **131–132**, 164
- Бабст И.К. 73
Бабурин С.Н. 136
Бажанов А.В. 68
Базаров В.А. 68
Бакунин М.А. 5, 6, 8, 20, 36, 37, 118, 129, **139–140**, **155–161**, 169, 186
Балтрушайтис Ю. 15, 191
Балуев Б.П. 71
Бальгазар Х.У. фон 101
Барбуто Д. 147, 164
Барсотти Д. **132–133**, 135
Батистрада Ф. 81
Бауэр Б. 20, 25
Бахтин М.М. 52, 60, 66, 67, 141, 147, 158, 159, 161, 162, **164–166**, 173, 174, 179, 180, 182, 187
Белинский В.Г. 20, 30, 187
- Белый А. 65, 156
Бенедикт XVI (Папа Римский) 97, 113
Бергсон А. 11, 192
Бердяев Н.А. 5, 10, 15, 19, 23, **31–33**, 38, **41–45**, 47, 56–58, 62, 81, 87, 95, 101, 104, 105, 108, 119–121, 124–126, 129, 140–142, 145, 154, 156–158, 161, 164, 170–173, 176–179, 183, 184, 187, 189, 192
Берлин И. 11, 30, 36, 189
Бернштейн Э. 81, 140
Берталанфи Л. 55
Бибихин В.В. 13, 124, 181
Биллингтон Д.Х. 11, 71, 189
Блуа Л. 142
Богданов А.А. 53, **54–55**, 67, 68, 78, 129, 151, **152–153**, 161, 163, 166, 167, 178, 180, 182, 186
Боголепов М.И. 17
Болонгино М. 96
Бонавентура 99
Бонецкая Н.К. 110
Бончинелли Э. 54
Бори П.Ч. 164
Боско Н. **56–57**, 59, 84, 85, 87, 98, 125, 133, 137, 141
Бохеньский Ю. 45
Бочаров С.Г. 147
Брюсов В.Я. 65, 157
Булгаков М.А. 172
Булгаков С.Н. 8, 10, 11, 32, 38, 56, 57, 58, 60, 81, 95, 97, 98, **99–102**, 103, 105, 106, 108–110, 119, 124, 128, 129, 134, 141, 154–156, 158–161, 163, 165, 168–172, 175, 184, 185, 190, 193

* Имена русских мыслителей, указанные в названиях итальянских работ на латинице, здесь даются по-русски.

- Бурден К. 61
 Бухарев А.М. 101
 Бухарин Н.И. 6, 53
 Бурины С. 63
- Вайлати Дж. 15
 Валентини Н. 11, 96, 104, **107–111**,
121–123, 143, **153–154**, 155, 164,
 193
 Валицкий А. 9, 11, 58, 71, 85, 86,
 189, 191, 192
 Ванеев А.А. 44
 Ванчугов В.В. 10, 13, 27, 28, 114, 189
 Вагтимо Дж. 40
 Введенский А.И. 114
 Венгури А. **69–70**, 86, 164, 193
 Венгури Ф. 10, **35–37**, 38, 67, 69,
 70, 77, 81, 82, 86, 193
 Вернадский В.И. **53–55**, 60, 129,
152–153, 181
 Ветринский И.Я. 127, 146
 Ветгер Г. 6, **44–45**, 189
 Винер Н. 55
 Виппер Р.Ю. 78
 Воронцов В.П. **70–73**, 82, 159
 Вукинич А. 71
 Выготский Л.С. 52, 74, 170, 180
 Вышеславцев Б.П. 31, 88, 93, 189
- Гайденко П.П. 149
 Галилей Г. 91
 Гальцева Р.А. 189
 Ганчиков Л.Я. 18, **19–21**, 117, 158,
 173, 190, 194
 Ганчикова А.Л. 190, 194
 Гардзонио С. 6, 20, 64, 190
 Гарзанити М. 12
 Гарин Э. 128, 190
 Гаспарини Э. 27
 Гачев Г.Д. 147
 Гегель Г.В.Ф. 20, 25, 39, 40, 65, 89,
 93, 99, 139
- Геймонат Л. 54
 Георгий (Благинский) 64
 Гессен В.М. 17
 Герцен А.И. 5, 6, 8, 11, 20, 35, 36,
 37, 67, 70, 129, 149, 158, 162, 167,
 170, 175, 176, 184, 191
 Гердт В. 85, **117–118**
 Гидини М.К. 66, 165
 Гилберт У. 54
 Гинзбург Л. 23
 Глубоковский Н.Н. 31
 Гобетти П. 20, 26
 Гоголь Н.В. 170
 Гольцев В.А. 73
 Горелов А.С. 143
 Горбачев М.С. 49, 90, 91, 157
 Горький М. 16, 68, 78, 163, 180, 186
 Грамши А. 34, 129
 Грачотти С. 147, 165
 Григорий Нисский 99
 Гумилев Л.Н. **135–136**, 156, 167
 Гуревич А.В. 78, 151
 Гуссерль Э. 137, 142
- Д'Амелия А. 192
 Данзас Ю.Н. 23
 Данилевский Н.Я. 91, 123, 136, 138
 Данте Алигьери 22, 91, 128, 166
 Данто А. 62
 Де Микьел М. 165
 Деборин А.М. 79
 Делла Вольпе Г. 34
 Дель Аста А. 12, 96, **104–107**, 112,
120–121, 125, 140, 165
 Дель Ноче А. **39–40**, 147, 164
 Деше Ф. 137, 141
 Дженова К. **139–140**
 Джентиле Дж. 15, 17, 39, 41, 129
 Дживоне С. 60, 62, 84, 141
 Джоберти В. 31, 60, 129, 194
 Джустини В. **35**, 81,
 Джустино А. 87, 125, 147

- Дзанотти-Бьянко У. 17
Ди Кьяра А. 60, 141
Диолетта-Сиклари А. **65–66, 137–138, 165**
Дмитриева Н.А. 80, 190
Дмитрий Ростовский 148
Добролюбов Н.А. 30, 36
Достоевский Ф.М. 11, 15, 18, 19, 22, **24–25**, 27, 29, 30, **39–43**, 53, 56, 59, **60–61**, 62, 63, **67–69, 132–133**, 137, 138, 139, 142, 143, 147, 155–166, 168–169, 171–180, 182, 184, 187–188, 190, 193
Дугин А.Г. 136
- Евдокимов П.Н. 97, 98, 141–142, 158, 159
Екатерина II 148
Емельянов Б.В. 190
Ермичев А.А. 88, 190
- Жак Л. 13, 96, **101–103**, 109, 111, 143, 146, 165
Жакоб Ф. 55
Жильсон Э. 94
- Зайцев Б.К. 31
Зандер Л.А. 99, 190
Зверев В.В. 71
Зеньковский В.В. 105, 117, 145, 190
Зиновьев А.А. 74, 82, 124, 167
- Иванов Вяч. 5, **18–20**, 22, 23, 29, 31, 44, 61, 65, 66, 108, 113, 156–159, 170, 174, 182, 183, 186, 190, 194
Иларион (митрополит Киевский) 162
Ильенков Э.В. 34, 82
Иоанн Павел II (Папа Римский) 22, 94, 113
Иштутин Н.А. 36
- Кавацца А. 134, 137, 16, 166
Каззаро А. 96
Кальдерони М. 15
Кампа О. 17–18
Кампателли М. 106, **134**
Кандинский В.В. 153
Кант И. 62, 89, 127, 132, 146, 152
Кантелли К. 60, **61–62**, 84, 86, **89–90**, 117, **134**
Капилупи С. 155, 156
Каприо С. **96**, 147, 166
Кара-Мурза А.А. 5, 190
Карпи Г. 166
Карсавин Л.П. 8, 31, 38, **44**, 45, 65, 97, 99, 101, 124, 129, **137–138**, 157, 165, 185
Каухчишвили Н.М. 10, **21–22**, 108, 143, 166, 174, 186
Каччари М. **63**
Кейдан В.И. **23**, 189
Киреевский И.В. 65, 128, 190
Кирилл (Патриарх) 64, 113
Клайн Дж. 117,
Ковалевский М.М. 73
Ковьелло Д. **90–91, 136**
Кода П. 11, 96, **98–101**, 103, 112, 155
Кожев А. **139**, 157, 163, 170
Кожин В.В. 147
Козлов А.А. 120,
Козырев А.П. 10, 13, 149, 191
Коллетти Л. 34
Кондаков Н.П. 135
Коперник Н. 91
Коплстон Ф. 6, 9, 85, 119
Коптелов А.О. **79–80**, 191
Котрелев Н.В. 13, 15, 22, 191
Кропоткин П.А. 6, 8, 118, 129, 163
Кроче Б. 17, 20, **25–26**, 34, 129, 191
Куайн У. 54
Кувакин В.А. 13, 191, 192
Кусенко О.И. 11, 13, 191
Кьеркегор С. 40, 137

Лавлок Дж. 153
Лавров П.Л. 25, 36, 68, 77
Лами Дж. 81
Ланжелла М.Р. **141–142**
Ленин В.И. 6, 20, **34–35**, 37, 38, 45, 67, **68–69**, 71, **79**, 105, 119, 126, 147, 156–158, 160–162, 167, 179, 181, 186
Леонтьев К.Н. 91, 120, 123, 136, 138, 158, 172, 186
Лесевич В.В. 78, 151, 180
Левит К. 142
Лингва Г. 56, 58, 141
Ло Гатто Э. 6, 17, 18, 25, 27, **28–33**, 155, 194
Ломоносов М.В. 51, 148, 181
Луначарский А.В. 78, 151, 163, 166, 181
Лопес–Саес Х. 144
Лосев А.Ф. 60, 66
Лосский В.Н. 38, 94, 97, 98, 141–142, 158, 159, 161
Лосский Н.О. 15, 31, 47, 56, 109, 117, 145, 191
Лотман Ю.М. 52, 60, 63, 67, 156, 169, 174, 178
Лурия А.Р. 52
Любак А. де 101

Мавер Дж. 27
Мадзини Дж. 35, 140
Маззанти Д. 144
Мазоеро А. **70–74**, 82
Майнарди А. **96**, 166
Макарий (митрополит) 135
Малафронте Дж. 96
Малиа М. 11, 191
Малковати Ф. **19**
Мамардашвили М.К. 56, 74, 124, 145, 167, 180
Манн Т. 11
Манчини И. 95, 107
Маринелли Д. **142**

Маритен Ж. 94
Маркс К. 6, 20, 34–35, 37–40, 45, 47, 51, 54, 58, 67–69, 71, **74–82**, 88, 106, 124, 128, **140–141**, 145, 147, 150–152, 164, 167, 189
Мартинетти Д. 39, 191
Мартини К.М. 131
Мартов Ю.О. 67, 68
Марченко О.В. 23
Масарик Т.Г. 5, 11, 24–25, 30, 191
Маслин М.А. **9**, 13, 91, 124, 191–192
Мастрояни Дж. **81–82**, 86, 141
Мах Э. 68, 76–78, 80, 150–151, 167
Медуза Л. 96
Мейендорф И.Ф. 100, 192
Менделеев Д.И. 53, 181
Мендоса М. 142–143
Мережковский Д.С. 178
Михайловский Н.К. 25, 68, 77, 159, 175
Модесто П. **46–47**, 141, 192
Мондин Б. 96, **97–98**
Морозова М.К. 32
Мочульский К.В. 149
Муратов П.П. 31
Муссолини Б. 17
Моторина Л.Е. 10, 13, 192
Мотрошилова Н.В. 10, 192

Несмелов В.И. 96, 156
Нечаев С.Г. 36, 140, 162
Нил Сорский 48, 96, 186
Ницше Ф. 61, 89, 137, 151
Ньюмен Д.Г. 94
Нэтеркот Ф. 11, 192

Овсяннико–Куликовский Д.Н. 78
Ольденбург С.Ф. 135
Омельяновский М.Э. 51
Оппо А. **62–63**
Осоргин М.А. 31
Оттавиано Д. 166

- Павлюченков Н.Н. 110
 Паисий (Величковский) 96, 148, 170, 186
 Пайпс Р. 105
 Пальмьери А. 6, **31–33**
 Панарин А.С. 136
 Папини Дж. 15, 17, 191
 Парравичини Дж. 106
 Парейсон Л. 39, **40–41**, 56, 60
 Паскаль Б. 137
 Пасторе А. 35
 Петрилли С. 166
 Петр Могила 116
 Петр I (Император) 86, 91, 148, 163
 Пий XI (Папа Римский) 19
 Пикассо П. 141
 Пиовесана Дж. **45–46**, **144–145**
 Плеханов Г.В. 16, 68, 71, **75–76**, 79, 80, **152**, 162, 167, 181, 188
 Плотин 137
 Погодин М.П. 138
 Поджио А.В. 35, 163
 Поджио И.В. 35, 163
 Половинкин С.М. 102
 Поцци В. 127, **146**, 166
 Преццолини Дж. 15
 Пуанкаре А. 55
 Путин В.В. 126, 162
 Пушкин А.С. 30, 160
 Пятигорский А.М. 156

 Радищев А.Н. 145, 148, 175
 Радлов Э.Л. 30, 145
 Раззано Л. 96
 Ранер К. 101
 Рейнке И. 152
 Рерих Н.К. 137
 Риконда Д. **56–58**
 Рисполи Дж. **54–55**, 125, 152–153, 166
 Рицци Д. 192
 Риццо В. 146

 Розанов В.В. 5, 127–128, 137, 142, 160, 176, 178, 179, 192
 Розен В.Р. 135
 Розмини–Сербати А. 31, 41, 94, 99, 129–131, 194
 Рублев А. 110, 154
 Рупник М. 137

 Савицкий П.Н. 138
 Салицони Р. 56, **59–60**, 61, 84
 Самарин Ю.Ф. 65, 166
 Сатта-Боскиан Л. **66**, 86, **148**
 Саттон Дж. 11, 193
 Седакова О.А. 22, 166
 Сербиненко В.В. 193
 Серретти Д. **66**, **149**, 166
 Сеттембрини Д. 140
 Сеченов И.М. 53, 152
 Симеон Полоцкий 168
 Сини С. 147, 166
 Синьорелли О. 23
 Синявский А.Д. 160
 Скальфи Р. 46, 105–106
 Сковорода Г.С. 44, 145, **148**, 155, 168
 Скокоцца К. **149**
 Скэнлан Дж. 11, 88, 193
 Слотердайк П. 153
 Сократ 42
 Соловьев В.С. 10, 11, 15, 19, 22, 25, 29–33, 39, 40, 43–45, 47, **56–57**, 59, 61, 62, 66, 87, 94, 95, 97, 99, 101, 105, 106, 119, 125, 126, 129, **133**, 137, 139, 141, 142, 145, **149**, 155, 156, 159, 162, 164–169, 171, 173, 176–179, 182, 183, 187, 190, 192, 193
 Соффичи А. 25
 Спавента Б. 193
 Spann О. 111
 Спиноза Б. 152
 Спирито У. 193

- Сталин И.В. 34, 35, 51, 64, 80, 126, 147, 158, 162
Сташулане А. 137
Стейла Д. 11, 13, **74–81**, 82, 85, **87–88**, 115, **150–152**, 155, 166, 167
Страда В. 6, 7, 11, **67–69**, 75, 76, 81, 86, 126, 141, 147, 155, 193
Струве П.Б. 17, 71, 81, 124
Сутьпассо Б. 6, 29, 190, 194
- Талалай М.Г. **10**, 108, 192, 193
Тальягамбе С. **51–55**, 84, 85, 123, 125, **152–153**, 167
Тареев М.М. 101, 184
Твардовская В.А. 10, 193
Тихон Задонский 148
Ткачев П.Н. 36, 68
Толстой Л.Н. 15, 17, 20, 43, 47, 62, 80, 129, 139, 145, 155, 160, 161, 168, 165, 176, 179, 190
Тольятти П. 34
Торно А. **90**
Тронин В.В. 78, 151, 166
Троцкий Л.Д. 6, 34, 35, 37, 67, 68, 158
Трубецкой Е.Н. 5, 31–33
Трубецкой Н.С. 111, 138, 174
Трубецкой С.Н. 119
Туган-Барановский М.И. 17, 140
- Уваров С.С. 69, 138, 184
Умов Н.А. 78
Успенский Б.А. 67, 156
Ухтомский А.А. 53
Ухтомский Э.Э. 138
- Фейербах Л.А. 20, 89, 152
Фельтринелли Дж. 67
Феодосий Печерский 48
Феофан Затворник 116
Феррари А. **138**, 167
Феррари-Браво Д. 66, 143
- Федоров Н.Ф. 60, 61, 138, 145, 181, 186
Филарет (Дроздов) 101
Филиппов М.М. 151
Филони М. **139**
Флоренский П.А. 8, 10, 11, 21, 22, 31, 45, 47, 52, **53–55**, 56, 58, 59, 61–64, 66, 94, 95, 97, 99, **101–103**, 105, **107–111**, 114, 116, 124–126, 128, 129, 131, 141, **143–144**, 146, **152–154**, 155, 156, 159, 161, 163–177, 179, 181–187, 189, 193
Флоренский П.В. 193
Флоровский Г.В. 95, 97, 98, 103, 138
Фома Аквинский 91, 99
Франк С.Л. 8, 10, 31, 35, 38, 42, 47, 105, 124, 129, 141, 154, 176, 180, 184, 192, 193
Франциск (Папа Римский) 113
Фримен Д. 54
- Хайдеггер М. 113, 142
Хомяков А.С. 33, 65, **134–135**, 156, 165, 166, 170, 172, 185
Хоружий С.С. 44, 124, 145, 193
Хоффман Э. 54
- Циолковский К.Э. 60
- Чаадаев П.Я. 44, 94, 132, 138, **142–143**, 152, 160, 171
Челпанов Г.И. 78
Чернов В.М. 16, 78, 164
Чернышевский Н.Г. 30, 36, 68, 152
Черрони У. 35
Чехов А.П. 17, 30, 63
Читати Д. **135–136**, 167
Чичерин Б.Н. 187
Чоффари Ж. 96
- Шакка М.Ф. 39, **41–42**, 131
Шевакин Г.Г. 193

- Шеллинг Ф. 65, 99
 Шестов Л.И. 10, 38, 39, 41, 56, 57, 62, 100, 124, **137**, 142, 157, 159, 176–177, 192
 Шишкин А.Б. **22–23**, 29, 194
 Шкловский В.Б. 124, 153
 Шмелева Е.А. 10, 194
 Шор О.А. 23
 Шпет Г.Г. 66, 126, 165, 166, 174, 183, 187
 Шпидлик Т. 107, **115–118**, 122, 134, 137, 141, **150**, 155
 Штейн Э. 94
 Штекль К. 13
 Шульце Б. 6, **43–44**
- Щапов А.П. 36
 Щукарев А.Н. 78
- Эко У. 40, 124
 Эрн В.Ф. 5, 31, 60, 86, **130**, 168, 194
 Эрне Н. 153
 Эфиоров С.А. 194
- Юркевич П.Д. 68, 105, 127, 146
 Юшкевич П.С. 68
- Якобсон Р.О. 124, 138
 Яковенко Б.В. 5, **17–18**, 31, 126, 129–130, 134, 188, 194
 Янжул И.И. 73
- Assarini G. 167
 Acquaviva M. 167
 Altissimo C. 187
 Anedda A. 168
 Antomarini B. 168, 186
 Aroldi C. 155
 Asnaghi A. 47, 95, **119–120**, 131, 155, 168
 Azzaro Pulvirenti R. 13, 131, 168
- Badii R. 186
 Baltrušaitis J. 174
 Bartolini M.G. 155, 168
 Barsotti D. 132, 168
 Battaglia F. 155
 Battistrada F. 81, 155
 Bazzarelli E. 168
 Beati A. 187
 Berti G. 155
 Betti R. 168
 Blundo C. 170
 Boehme J. 58, 178
 Bori P.C. 155, 168
 Bosco N. **56–57**, 86, 87, 126, 133, 156, 169, 186
 Brzozowski S. 181
 Bunciuga F. 169
 Burini S. 63, 169
- Cacciari M. **63**, 156
 Caffo L. 169
 Campatelli M. **134**, 169
 Cantelli C. **60–61**, 86, 89, **134**, 156, 169
 Cantoni R. 168, 169, 180, 184
 Cantor G. 170
 Capilupi S. 169
 Caprio S. 96, 156
 Carrella A. 156
 Carpi G. 187
 Catalfamo G. 156, 170
 Cavaliere F. 156
 Cavazza A. **134–135**, 156, 170
 Cazzola P. 170
 Ceccarelli M. 170
 Cerrigone M.E. 170
 Cerroni U. 34–35, 156
 Chagall M. 161
 Chiantese M. 156
 Chivilò G. 170
 Cioffari G. 96, 170

- Citati D. **135–136**, 156
 Citterio E. 170
 Ciulla A. 170
 Coda P. 11, **98–100**, 156, 170–171, 185
 Corno D. 156
 Colonna Di Cesaro G. 171
 Confino M. 156
 Corvisieri S. 157
 Coviello D. **90–91**, **136**, 157
 Croce B. 17, **25**, 157, 171

 D’Ambra N. 157
 De Michelis C. 171
 Déchet F. **137**, 157, 171
 Del Noce A. **39–40**, 157, 194
 Dell’Asta A. 12, **104–106**, **120–121**, 167 171–172, 186
 Dell’Era T. 157
 Dell’Isola M. 172
 Di Chiara A. 172, 186
 Dioletta–Siclari A. **65–66**, **137–138**, 157, 172

 Escher Di Stefano A. 157
 Fabbri E. 186
 Faenza L. 157
 Fellin L. 172
 Ferrari A. **138**, 157, 172–173
 Ferrari Bravo D. 66, 173
 Filoni M. **139**, 157
 Fistetti F. 157
 Flores M. 158
 Foni G. 126, 173, 187
 Franco F. 173

 Galbiati E. 173
 Gančikov L. **19–21**, 158, 173, 194
 Garzaniti M. 12, 173
 Gasparini E. 27, 158
 Genova C. **139–140**, 158
 Gentile G. 17, 158

 Ghidini M.C. 66, 158, 174
 Gioberti V. 60, 179
 Giovanardi A. 173
 Giulianelli R. 158
 Giuliadori L. 187
 Giusti W. **35**, 158
 Giustino A. **87**, 126, 158, 173
 Givone S. **60–61**, 158, 173–174
 Ghidini M.C. **66**, 158, 174
 Gobber G. 111, 174
 Gobetti P. 20, **26**, 158
 Gramsci A. 53, 181
 Grandi G. 186
 Guardini R. 158, 164
 Guariglia G. 158

 Hagemester M. 21, 186
 Haimson L. 71
 Hegel G.W.F. 20, 65, 172, 173
 Heidegger M. 164, 167
 Hölderlin J.C.F. 164

 Ivanov D. 174

 Jachia P. 158, 187

 Kauchtschischwili N. **21–22**, 174, 186
 Koyré A. 186

 Lami G. 81, 158, 159, 175
 Langella M.R. **141–142**, 159
 Leonardi L. 187
 Lévinas E. 161
 Licandro G. 159
 Lingua G. 56–58, 159, 175
 Lo Gatto E. 6, **28–31**, 159, 175, 194
 Lukács G. 164, 171

 Maccioni A. 175
 Mainardi A. **96**, 186
 Malafrente G. 96, 175

Malcovati F. (Fausto). **19**, 159, 186
Malcovati F. (Franco) 175
Malevič K. 161
Manfredi P. 159, 176, 187
Mann T. 174
Marcel G. 187
Marinelli G. **142**, 159, 176
Marx K. 47, 58, 71, 75, 76, 105,
140, 152, 155, 161–163, 171, 172,
176, 181, 186
Masini P. 159
Masoero A. **70–74**, 159, 176, 186,
187
Massimo il Greco 173
Mastroianni G. **81–82**, 86, 159–160,
176
Mazzanti G. 176
Medusa L. 96, 160
Mendosa M. **142–143**, 160, 176
Michelangelo 173
Misler N. 176
Modesto P. **46–47**, 176
Mondin B. 96, **97–98**, 160
Morando D. 176
Morra G. 176
Mussolini B. 158

Nietzsche F. 61, 62, 169, 161, 164,
169, 175, 178

Oppo A. **62–63**, 176–177
Orabona A. 160
Ortega y Gasset J. 164
Ottaviano G. 126, 187

Pacini A. 160
Palma M. 177
Palmieri A. 6, **31–33**, 160, 177–178
Pareyson L. 39, **40–41**, 56, 160, 171,
178
Pastore A. 35, 160
Pavan S. 160

Peano L. 160
Pernice R. 160
Persi U. 178
Piovesana G. **45–46**, 95, **144–145**,
160, 178
Poggio P. 160, 178
Poggioli R. 160
Ponzio A. 161
Ponzio L. 161
Pozzi V. 127, **146**, 161, 187
Prosperi P. 161

Razzano L. 96, 161
Renna C. 126, 188
Riconda G. **56–58**, 178, 186
Ripellino A.M. 178
Rispoli G. **54–55**, 86, 152–153, 161,
163, 178
Rizzo V. 146, 161, 184
Roccasalva M. 178
Ronco A. 161
Rose G. 161
Rosini R. 178
Rosmini Serbati A. 131, 168
Rosselli N. 161
Rossi D. 161
Rossignotti M. 161
Russo M. 161

Salizzoni R. 56, **59–60**, 74, 161, 179
Salomoni A. 161, 179
Salvestroni S. 161, 179
Santorno S. 162
Sanvito V. 179
Satta Boschian L. **66**, 86, **148**, 162,
179
Sbriziolo I.P. 162
Scalfi R. 46, 179
Scarlato A. 162, 188
Schelling F. 65, 66, 172
Scherrer J. 163, 186
Schultze B. 6, **43–44**, 162, 179

Sciacca M.F. 39, **41–42**, 162, 168
Scocozza C. **149**, 162
Serretti D. **66**, **149**, 162
Semerari G. 179
Segre C. 179
Sini S. 162, 180
Spann O. 112, 174
Špidlík T. 95, 107, **115–118**, **150**,
162, 180
Spinoza B. 74, 180
Steila D. 11, **74–81**, 86, **150–152**,
162, 180–181, 186, 188
Stirner M. 155
Stoeckl K. 13, 181
Strada V. 7, **67–69**, 75, 86, 126, 162–
163, 181, 186, 194

Tagliagambe S. **51–55**, 86, 124, 126,
152–153, 163, 181–182, 186, 194
Tamborra A. 6, 182, 194
Tiengo G. 182
Torno A. **90**, 163

Valentini N. 11, 97, **107–109**, 110,
121–122, **153–154**, 163, 182–183
Valenziano M.G. 163, 183
Varengo S. 163
Vegetti M. 163
Venturi A. **69–70**, 86, 163, 184, 186,
187
Venturi F. **35–37**, 70, 163, 176, 180,
184, 186
Vicari L. 184
Vitiello V. 164, 184

Wetter G. 6, **44–45**, 164
Wortman R. 71

Žák L. 13, 97, **101–103**, 170, 184–
185
Zangrando S. 164
Zoccoli E. 164
Zolla E. 185
Zoppo F. 164
Zucal S. 164

Italian studies in Russian thought in the XX-XXI centuries

Olga I. Kusenko

PhD in Philosophy, Research Fellow at the Department of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: isafi137@gmail.com

This monograph presents Italian historical and philosophical studies in Russian thought, bearing ample evidence of the way Russian philosophy gets perceived within Italian school. The book details the centennial history of this historiographical tradition dating back to the turn of the nineteenth and twentieth century. This tradition still plays a leading role in Europe, but for now it remains terra incognita for Russian researchers. Present study aimed to fill this gap in the scientific literature and explore the key stages, personalities, issues and specific trends of Italian historiography of Russian intellectual culture.

The author determines and analyzes three periods in the scientific evolution of Italian studies in Russian thought. Each stage is characterized by a specific trends, personalities, their activities and major works. The first chapter provides an analysis of the process of Russian philosophy being popularized in Italy throughout the XX century (1910s – 1980s). The other two chapters give a detailed overview of the contemporary studies (1980s – 2016) in its two main branches: secular and theological.

The dramatic changes which took place in Russia after the Revolution of 1917 were drawing a particular attention of Italian intellectuals to the country. On the one hand, Russia attracted the fascination of Italian intelligentsia (Papini, Vailati, Zanotti Bianco) including those anti-fascist thinkers (Gobetti, Gramsci, Amendola) who were impressed by Bolshevik successes in Russia. On the other hand, the history of Russian philosophy was suffering diminution at Croce's hand and his opinion had a big impact on his numerous followers. At the same time the pioneers of Italian historiography of Russian philosophy (Lo Gatto, Palmieri) were concentrated on preparing the cultural basis for understanding Russian intellectual tradition. Before the war there were publications devoted not only to the great writers but also works about Solovyev, Berdyaev, philosophy of various émigré thinkers and movements. This period is also marked by the appearance of the first institutions (The Institute for Eastern Europe) and periodicals (La Russia, L'Europa orientale) dedicated to Russian culture history and thought. The author examines the major achievements and milestones of Italian Russian studies in this interwar period and gives the idea of important works and key themes. The second period, beginning with the end of the World War II, featured the rapid development of Italian studies in Russian thought. The Catholic Church and The Italian Communist party played the key role in this process. Indeed,

partly due to the popularization of Russian socialist thought with the help of the PCI and party because the Catholic Church in its attempts to resist atheist communist invasion was regarded various Russian émigré philosophers as the antidote to Soviet ideology, both Russian revolutionary socio-political thought and religious philosophy were carefully studied by the leading researchers (Venturi, Giusti, Piovesana, Asnaghi, Scalfi), whose ideas the author presents to the readers. Moreover, famous Italian philosophers L. Pareyson, F.M. Sciacca, A. Del Noce, R. Cantoni devoted considerable attention to Russian intellectual culture in their lectures and works. These authors were focused mainly on Existentialist-type themes in Russian thought. The book demonstrates some of their ideas.

One of the most interesting works from this post-war period belong to F. Venturi. His goal was to bring Russia closer to the Europe, to chase away, on the one hand, anti-Russian stereotypes and, on the other hand, Soviet schemes of interpretation of the history of Russian thought, and in so doing to present the intellectual achievements of the Russian intellectual elite. In one of his most famous books translated into English «Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia» Venturi studies Russian populism in the context of European socialist movement and argues that Russian intellectual history is not fatefully differed from that of Western Europe.

With the so-called perestroika in USSR the third and current period in the life of Italian studies in Russian philosophy began. It is characterized by the vast variety of studied problems, movements, personalities from the history of Russian philosophy (mainly XIX–XX centuries, including Marxist and no-Marxist philosophers from the Soviet era) and by a large number of Italian researchers working in this field. At present, this advanced historiographical tradition is approaching Russian philosophy with a complimentary but fairly critical eye, presenting a positive and objective image of Russian intellectual culture in Europe. The present monograph contains paragraphs which gives the idea of the most common Italian concepts of the history of Russian philosophy: its origins and peculiarities. The author suggests a possible classification of Italian studies in Russian philosophy based on methodological and axiological differences of its representatives.

Supplements to the book contain annotated bibliography of selected Italian publications, a bibliography of Italian studies in Russian philosophy from 1907 to 2018.

The book has three chapters: Chapter 1. The Evolution of Italian studies in Russian philosophy throughout the XX century – The rise of attention to Russian thought in Italy. The influence of Russian emigration – Italian slavic studies – Activities of the Institute for Eastern Europe – The Catholic Church and The

Italian Communist Party: their role in the development of Italian studies in Russian thought – Chapter 2. Secular studies in Russian thought – Studies in the Philosophy of Science – Metaphysical line – Aesthetical line – Studies in the Philosophy of literature – Studies in the History of philosophy – The problem of origins and peculiarity of Russian philosophy – Chapter 3. Theological studies in Russian thought – Key tendencies and representatives – Professional catholic theologians and Russian thought – Works of catholic scholars – National originality of Russian philosophy.

Keywords: Italian studies in Russian thought, Russian philosophy, Italian philosophy, Russian studies, Russian philosophy abroad, The Institute for Eastern Europe, Franko Venturi, Vittorio Strada, Daniela Steila, Adriano Dell'Asta, Natalino Valentini

Sommario

Olga I. Kusenko

Gli studi storico-filosofici del pensiero russo in Italia tra il XX e il XXI secolo

PhD in Filosofia, ricercatore del dipartimento di Storia della Filosofia occidentale presso l'Istituto di Filosofia dell'Accademia delle Scienze Russa. 109240, Federazione Russa, Mosca, via Goncharnaya, 12/1; e-mail: isafi137@gmail.com

Il presente lavoro per la prima volta intende tracciare la mappa della storiografia italiana della filosofia russa e il suo sviluppo a partire dal primo Novecento fino ai giorni nostri. La tradizione italiana degli studi del pensiero filosofico russo è una delle più elaborate e rilevanti non solo in Europa ma in tutto il mondo. Nonostante significativi contributi indubbiamente decisivi, gli studiosi italiani e le loro opere sono ancora relativamente poco conosciuti in Russia. Il presente libro si prefigge di colmare questa lacuna, illustrando i principali rappresentanti, le principali opere, i temi, i problemi e le specificità della filosofia russa in Italia.

L'obiettivo della ricerca era, in primo luogo, la ricostruzione complessiva del fenomeno della storiografia italiana della filosofia russa e, in secondo luogo, la raccolta bibliografica delle opere degli studiosi italiani dal 1907 al 2018 (oltre 600 fonti bibliografiche) come strumento di documentazione per quanti avessero avuto interesse all'approfondimento del tema.

Nel capitolo primo viene descritta l'evoluzione della ricerca italiana sul pensiero filosofico russo. L'autore divide questa storia in tre periodi: (1) tra le due guerre mondiali; (2) dal secondo dopoguerra agli anni '80; (3) dalla *perestrojka* fino ai giorni nostri. Ogni periodo è caratterizzato dai nomi e dagli eventi significativi di questo momento storico e dall'elaborazione di diversi temi e problemi della filosofia russa.

La rivoluzione del 1917 è un evento di grandissima rilevanza socio-politico e culturale tanto in Russia quanto nel resto del mondo, ciò aumenta notevolmente l'attenzione italiana per tutto quanto riguarda la Russia, dalla cultura, alla politica, alle arti e alla filosofia. Gli intellettuali antifascisti italiani (Gobetti, Gramsci, Amendola) rimangono molto impressionati dai successi del bolscevismo. Alcuni di loro cominciano a studiare la storia del pensiero russo al fine di trovarvi le radici di quella che Gramsci definiva la "filosofia della prassi". Altri grandi studiosi e pionieri del settore (Lo Gatto, Palmieri) si concentrano sul lavoro divulgativo, considerando come loro primo dovere far conoscere il mondo russo. Quest'ultimi hanno avuto il merito di preparare la base storico-culturale per poter comprendere autenticamente la tradizione intellettuale russa e hanno

promosso, attraverso la conoscenza, l'avvicinamento della cultura italiana alla civiltà russa. Negli anni venti in Italia prendono il via importanti iniziative: la costituzione dell'Istituto per l'Europa Orientale e la nascita di due riviste importanti: "La Russia" e "Europa Orientale". Dalla penna degli studiosi che lavorano nell'Istituto sono usciti molteplici lavori sulla storia intellettuale russa (a partire dallo slavofilismo fino all'eurasismo). L'autore sottolinea inoltre come pian piano (nonostante il pregiudizio crociano secondo il quale la Russia non avrebbe avuto un proprio pensiero filosofico) la storiografia italiana del pensiero russo si sviluppa in diversi ambiti (accademici laici, confessionali e politici).

La fine degli anni '40 e '50 rappresenta per gli studi italiani della filosofia russa un'epoca di costante e progressiva affermazione. L'indagine evidenzia il ruolo chiave delle due forze storiche – la Chiesa cattolica e il Partito Comunista Italiano – nel processo della diffusione del pensiero russo in Italia. Da un lato la Chiesa si interessa al fenomeno della filosofia religiosa russa (Solov'ëv, Berdjaev, Bulgakov, V. Ivanov, Karsavin e altri) sia come la via per il dialogo ecumenico, sia come antidoto contro l'ideologia marxista e ateista. Dall'altro lato il PCI contribuisce alla divulgazione del pensiero radicale e rivoluzionario russo (Herzen, Černyševskij, Bakunin, Lenin, Trockij e altri). Entrambe le correnti del pensiero russo – razionalista e religioso – vengono fondamentalmente analizzate da studiosi di questo periodo (Venturi, Giusti, Piovesana, Asnaghi, Scalfi, Strada). Alcuni concetti filosofici (soprattutto le correnti di tipo esistenziale e il pensiero di Dostoevskij) vengono apprezzati da famosi filosofi italiani (Pareyson, Sciacca, Del Noce, Cantoni), l'autore del libro presenta ai lettori alcune delle loro interpretazioni storico-filosofiche.

Dopo aver esaminato un ricchissimo e composito "prologo" delle ricerche italiane sulla filosofia russa, lo studio si concentra infine sul periodo contemporaneo. In quest'ultimo periodo si distinguono ancora una volta le due fondamentali linee di ricerca: laica e teologica. Tuttavia, all'interno di queste due vie si riscontrano diversi orientamenti (metafisico, storico-filosofico, letterario, estetico e altri ancora). L'autore inoltre elabora un'accurata tassonomia individuando vari orientamenti e basandosi sulle differenze metodologiche e assiologiche degli studiosi. Il secondo e il terzo capitolo sono dedicati all'analisi di queste due linee e dei loro diversi orientamenti, l'autore ci presenta una panoramica dettagliata dei nomi, opere, idee degli studiosi italiani e immagini della filosofia russa presenti negli loro studi.

Nel XXI secolo la storiografia italiana continua a svilupparsi focalizzandosi anche sui temi della filosofia sovietica e post-sovietica (Mamardashvili, Zinoviev, Bibikhin). In oltre tre decenni eminenti studiosi si concentrano su questo ambito filosofico, tra cui Tagliagambe, Steila, Riconda, Adriano dell'Asta, Valentini, Coda, Žák, Cantelli, Oppo, Citati, Rispoli e altri. La feconda tradizione italiana esamina la filosofia russa con occhio critico ma amichevole, presentando una positiva e obbiettiva immagine della filosofia russa nell'Europa.

Il passato e il presente degli studi italiani del pensiero russo non si limitano ad un elenco di nomi e di opere scritte, piuttosto essi ci espongono la rappresentazione di “una sorprendente familiarità interiore” (V. Ern) nonché un ponte tra due culture. Multiforme, scrupolosa e appassionata, l’opera storiografica italiana ci mostra come la cultura russa sia penetrata all’interno della coscienza intellettuale italiana novecentesca. A loro volta, gli intellettuali russi hanno manifestato l’influenza dello spirito italiano nella loro cultura attraverso le parole di N. Berdjajev in *Il senso della creazione*: «L’Italia per noi è stata anche il modello di bellezza e gioia della vita. L’Italia per noi non è né un concetto geografico, né un concetto nazionale popolare. L’Italia è l’elemento eterno dello spirito, il regno eterno della creatività umana».

Il panorama delineato attraverso i nomi e gli studi raccolti in questo libro non pretende di essere del tutto completo ed esaustivo. Questa mappa della filosofia russa in Italia vale più che altro come strumento d’orientamento, è un primo approccio per intraprendere una lettura iniziale della presenza del pensiero russo in Italia. Il libro intende essere quindi un punto di partenza per successive ricerche e approfondimenti ancor più specifici ed elaborati.

Indice: Prefazione – Introduzione

Capitolo 1- L’evoluzione degli studi italiani della filosofia russa nel corso del Novecento – La crescita dell’attenzione al pensiero russo in Italia.- L’influenza degli emigrati russi– Slavistica italiana – L’attività dell’Istituto per l’Europa Orientale – La Chiesa cattolica e Il Partito Comunista Italiano: il suo ruolo nella diffusione del pensiero russo in Italia – Capitolo 2.Gli studi laici della filosofia russa- Gli studi nella filosofia della scienza – Orientamento metafisico – La linea estetica – Gli studi filosofico-letterari – Orientamento storico-filosofico – Il problema delle origini e della specificità della filosofia russa. – Capitolo 3. Gli studi teologici della filosofia russa – Le principali tendenze e rappresentanti – I teologi cattolici e il pensiero russo – I lavori dei studiosi cattolici – L’originalità nazionale del pensiero russo.

Conclusione – Bibliografia annotata – Bibliografia delle opere degli studiosi italiani (1907–2018) – Letteratura – Indice dei nomi – Sommario.

Parole chiave: Storiografia italiana della filosofia russa, filosofia italiana, filosofia russa, pensatori russi, l’Istituto per l’Europa Orientale, Franko Venturi, Vittorio Strada, Daniela Steila, Adriano Dell’Asta, Natalino Valentini

Научное издание

Кусенко Ольга Игоревна

**Историко-философские исследования
русской мысли в Италии (XX–XXI вв.)**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 22.03.18.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 11,77. Тираж 500 экз. Заказ № 04.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии

http://iphras.ru/books_arhiv.htm